Пр. Ѳ. И. Титовъ.

Архіепископъ Димитрій Ковальницкій.

(Некрологъ).

Чтенія въ Церковно-Историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Императорской Кіевской Духовной Академіи.

(Выпускъ XII).

КІЕВЪ.
Типографія Акц. О-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ". Крещатикъ 40.
1914.

12

Печатать дозволяется 2 сентября 1914 г.
Ректоръ Академіи *Епископъ Василій.*

1917
37

Оттискъ изъ журнала „Труды Императорской Кіевской духов. Академіи".

Оглавленіе.

Стран.

Предисловіе . . . . . 1—2.

Глава первая.

Архіепископъ Димитрій въ годы училищнаго, семинарскаго и академическаго образованія его. . . . . 2—10.

Глава вторая.

Архіепископъ Димитрій, какъ профессоръ и инспекторъ Кіевской духовной Академіи.—Назначеніе его ректоромъ Академіи и хиротонія въ санъ епископа . . . . . 10—64.

Глава третья.

Архіепископъ Димитрій, какъ ректоръ Кіевской духовной Академіи и викарій Кіевской митрополіи—епархіи . . . . . 65—112.

Глава четвертая.

Архіепископъ Димитрій въ годы управленія имъ тамбовскою, казанскою и херсоно-одесскою епархіями . . . . . 113—169.

Глава пятая.

Участіе архіепископа Димитрія въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія по званію члена бывшаго Предсоборнаго Присутствія . . . . . 169—201.

Глава шестая.

Архіепископъ Димитрій, какъ ревизоръ духовныхъ академій (С.-Петербургской и Московской) и предсѣдатель коммиссіи по составленію новаго академическаго устава . . . 201—218

Глава седьмая.

Послѣдніе дни жизни, кончина и погребеніе архіепископа Димитрія . . . . . 218—220

Высокопреосвященный Димитрій (Ковальницкій), архіепископъ Херсонскій и Одесскій, бывшій ученикъ, профессоръ, инспекторъ и ректоръ Кіевской духовной Академіи.

(*Некрологъ*).

3 февраля настоящаго года, раннимъ утромъ, отъ болѣзни сердца и вообще отъ старческой немощи мирно о Господѣ почилъ *высокопреосвященный Димитрій, архіепископъ Херсонскій и Одесскій*. Въ лицѣ почившаго Архипастыря, наша православная русская церковь и русская богословская наука лишились выдающагося церковнаго дѣятеля и крупной замѣчательной умственной силы. Въ частности, для Кіевской духовной Академіи, въ которой почившій Архипастырь провелъ лучшую и бо́льшую часть своей продолжительной жизни, какъ ея ученикъ, потомъ профессоръ и, наконецъ, инспекторъ и ректоръ, смерть архіепископа Димитрія составляетъ весьма тяжелую и прискорбную утрату

Духовный, а также и внѣшній образъ почившаго Архипастыря еще живъ въ сознаніи и въ глазахъ академической семьи, большинство членовъ которой принадлежитъ къ числу бывшихъ учениковъ и потомъ сослуживцевъ покойнаго. Съ другой стороны, въ виду близости времени кончины Архипастыря, нынѣ невозможна оцѣнка и немыслима полная характеристика жизни и заслугъ архіепископа Димитрія. Поэтому, исполняя предложеніе написать некрологъ почившаго Архипастыря и вмѣстѣ съ тѣмъ свое личное же-

ланіе почтить память его, мы предлагаемъ вниманію читателей нашего академическаго органа краткія біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности архіепископа Димитрія Ковальницкаго, причемъ постараемся дать возможно болѣе мѣста его собственнымъ рѣчамъ, въ которыхъ лучше всего выразился богато одаренный отъ природы умъ и сильная, могучая воля блаженно почившаго Архипастыря.

I.

Высокопреосвященный архіепископъ Димитрій въ мірѣ именовался Михаиломъ Георгіевичемъ Ковальницкимъ. Онъ былъ сыномъ священника Покровской церкви села Вересовъ, Житомірскаго уѣзда Волынской епархіи и родился 26 октября 1839 года [1]). Первоначальное и среднее образованіе онъ получилъ въ духовныхъ школахъ Волынской епархіи. Полный курсъ ученія въ Волынской духовной семинаріи онъ закончилъ въ 1859 году съ выдающимся успѣхомъ, занявъ третье мѣсто въ разрядномъ спискѣ перваго отдѣленія своего выпуска (первыя два мѣста занимали — Андрей Ѳеодоровичъ Хойнацкій [впослѣдствіи протоіерей и извѣстный духовный писатель] и Павелъ Васильевичъ Моссаковскій,—оба магистры Кіевской духовной Академіи выпуска 1863 года) [2]). М. Г. Ковальницкій закончилъ семинарское образованіе въ сравнительно очень молодыхъ лѣтахъ (ему въ день выпуска изъ семинаріи не было, очевидно, полныхъ 20 лѣтъ отъ роду). Вскорѣ по окончаніи семинарскаго курса съ 1 октября 1859 года, онъ занялъ мѣсто учителя въ Кременецкомъ мужскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ оставался въ

---

[1]) См. Арх. Кіевск. дух. Акад. Внутрен. Правл. 1863 г. д. № 15.

[2]) См. у Теодоровича Н. И. Волынская духовная семинарія. Почаевъ. 1901 г. стр. 626. Въ семинарскомъ аттестатѣ М. Г. Ковальницкій былъ аттестованъ такъ: „способностей весьма хорошихъ, прилежанія весьма ревностнаго, успѣховъ весьма хорошихъ, поведенія отлично хорошаго".

теченіи 4 лѣтъ, до 1863 года. Преподавательская служба въ духовномъ училищѣ была однимъ изъ наиболѣе трудныхъ періодовъ въ жизни почившаго Архипастыря, по собственному его признанію. „Со времени моего вступленія въ должность учителя", говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этой порѣ своей жизни самъ почившій Архипастырь, „я осужденъ былъ на тяжкія, почти невѣроятныя, страданія. Достаточно одного: у меня было въ низшемъ отдѣленіи 118 учениковъ, которымъ я давалъ ежедневно, кромѣ субботы, три урока, по два часа каждый урокъ. Пособій книжныхъ въ училищѣ—никакихъ. Въ такъ называемый „библіотекѣ", въ книжныхъ шкафахъ—буквально—ни одной книги, ни для учителя, ни для учениковъ" [1]). Такія неблагопріятныя условія учительской дѣятельности, въ связи съ крайнею скудостію матеріальнаго обезпеченія (учитель М. Г. Ковальницкій получалъ 7 р. 15 коп. въ мѣсяцъ жалованья, притомъ безъ квартиры и безъ стола), безъ сомнѣнія, и заставили молодого учителя, одушевленнаго высокими стремленіями, искать иной дѣятельности и, прежде всего, высшаго богословскаго образованія. Въ 1863 году онъ задумалъ продолжить свое образованіе и поступить въ Кіевскую духовную Академію.

1 іюня 1863 года учитель Кременецкаго духовнаго училища студентъ семинаріи М. Г. Ковальницкій обратился въ правленіе Кіевской духовной Академіи съ просьбою о разрѣшеніи ему явиться къ пріемному экзамену въ Академію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ Академію, вслѣдствіе недостатка средствъ, предписать правленію Волынской семинаріи, чтобы за нимъ было зачислено одно изъ штатныхъ мѣстъ, которыя назначались для обычно высылавшихся въ Академію на казенный счетъ студентовъ семинаріи. Правле-

---

[1]) См. Херсон. Епарх. Вѣд. 1909 г. № 20 отд. неофф. стр. 507—508.

ніе Академіи отвѣтило М. Г. Ковальницкому, что препятствій явиться на пріемныя испытанія для него нѣтъ, а что касается предоставленія ему штатнаго мѣста, то объ этомъ онъ самъ долженъ былъ просить семинарское правленіе [1]). М. Г. Ковальницкій такъ, вѣроятно, и сдѣлалъ, причемъ ему, дѣйствительно, было предоставлено штатное мѣсто среди назначенныхъ къ поступленію въ Академію воспитанниковъ Волынской духовной семинаріи. 13 августа 1863 года правленіе Волынской духовной семинаріи увѣдомляло окружное правленіе Кіевской духовной Академіи, что въ августѣ того же года имъ были отправлены для поступленія въ число студентовъ Академіи—окончившіе въ томъ году курсъ семинаріи воспитанники: Іоакимъ Олесницкій и Николай Лучицкій, а также и *„учитель Кременецкаго духовнаго училища Михаилъ Ковальницкій“*, причемъ всѣ они были снабжены необходимыми вещами на казенный счетъ [2]).

Во второй половинѣ августа 1863 года происходили испытанія семинарскихъ воспитанниковъ, явившихся для поступленія въ составъ XXIII-го академическаго курса Кіевской духовной Академіи. Пріемные экзамены для М. Г. Ковальницкаго прошли сравнительно удачно и онъ занялъ въ разрядномъ спискѣ (писанномъ рукою профессора В. Ѳ. Нѣвницкаго) девятое мѣсто (всѣхъ было принято тогда 51, причемъ землякъ М. Г. Ковальницкаго—*І. А. Олесницкій* былъ принятъ восьмымъ, а первое мѣсто занялъ студентъ Кіевской семинаріи, нынѣ здравствующій—*Левъ Степановичъ Мицьевичъ*) [3]).

---

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. Внутрен. Правл. 1863 г. д. № 38.

[2]) См. тамъ же Внутр. Правл. 1863 г д. № 28

[3]) См. тамъ же Внутр. Правл. 1863 г. д. № 15. Изъ общей табели объ успѣхахъ студентовъ, принятыхъ въ составъ XXIII-го курса, видно, что М. Г. Ковальницкій на пріемныхъ экзаменахъ получилъ слѣдующіе баллы: по догматическому богословію—4, по нравственному б.—3½, обличительному—4, св. писанію—4, герменевтикѣ—5, каноническому пра-

Поступивъ въ Академію, М. Г. Ковальницкій, благодаря своимъ выдающимся умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, скоро занялъ и до конца академическаго курса удержалъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди своихъ товарищей. Одинъ изъ товарищей почившаго Архипастыря по Академіи, протоіерей І. Х. Пичета, въ своихъ воспоминаніяхъ о времени академическаго образованія, даетъ такой отзывъ о своемъ, нынѣ почившемъ, сокурсникѣ: „*по солидности внѣшней и серьезному отношенію къ студенческимъ обязанностямъ выше всѣхъ стоялъ* волынецъ М. Ковальницкій, нынѣшній архіепископъ Херсонскій Димитрій По возрасту онъ былъ немного старше другихъ русскихъ товарищей, потому что до поступленія въ Академію состоялъ нѣкоторое время учителемъ. Къ нему относились съ уваженіемъ, но близкихъ друзей у него было немного“ [1]).

Въ свою очередь, бывшій учитель и потомъ многолѣтній сослуживецъ почившаго Архипастыря по Академіи покойный профессоръ Василій Ѳеодоровичъ Пѣвницкій, въ своей прощальной рѣчи, обращенной къ почившему Архипастырю, при проводахъ его изъ Академіи въ Тамбовъ, характеризовалъ его, какъ студента Академіи, слѣдующимъ образомъ: „помню ваше первое вступленіе въ Академію,— во время пріемнаго экзамена въ 1863 году, и сразу я замѣтилъ въ васъ *богатый недюжинный таланть, какимъ одарилъ*

ву—5, литургикѣ—5, психологіи—3+, логикѣ—3=, гомилетикѣ—5, словесности—4½, латинскому языку—3, греческому—3, библейской исторіи—5, общей церковной исторіи—5, общей гражданской исторіи—3+, русской гражданской исторіи—4—, русской церковной исторіи—3+, исторіи русскаго раскола—3+, алгебрѣ—3—, геометріи—3, физикѣ—4, патрологіи—4+, по первому сочиненію—4, по второму сочиненію—5 (по сочиненіямъ М. Г. Ковальницкій занялъ *третье* мѣсто въ курсѣ).

[1]) См. Вѣра и Разумъ 1911 г. кн. 5-я стр 650. Здѣсь же можно прочитать немало любопытныхъ свѣдѣній о профессорахъ, товарищахъ и вообще объ обстановкѣ академичестаго образованія М. Г. Ковальницкаго.

васъ Господь Богъ. Помню ваши студенческія письменныя работы, *отличавшіяся силою и зрѣлостію мысли и художественностію изложенія*. До сихъ поръ (*рѣчь говорилась 16 мая 1902 г.*) мнѣ живо представляется ваша проповѣдь въ недѣлю ваій, которую я рекомендовалъ особому вниманію тогдашняго ректора, *какъ произведеніе сильнаго ума, обѣщающаго въ авторѣ крупнаго дѣятеля*“ [1]).

Изъ приведенныхъ сейчасъ отзывовъ двухъ непосредственныхъ наблюдателей студенческихъ лѣтъ жизни почившаго Архипастыря—профессора и товарища его—совершенно ясно, что онъ былъ даровитымъ и серьезнымъ студентомъ.

На курсовыхъ переводныхъ испытаніяхъ, бывшихъ въ іюнѣ 1865 года, по окончаніи низшаго отдѣленія, М. Г. Ковальницкій обнаружилъ выдающіеся въ своемъ курсѣ успѣхи, отмѣченные слѣдующими баллами: по св. писанію—5, по патристикѣ—5, новой философіи—3, новѣйшей философіи—5, словесности—4½, всеобщей гражданской исторіи—4, русской гражданской исторіи—5, еврейскому языку—4, греческому языку—4, латинскому языку—3½, нѣмецкому языку—4½. Такими же высшими баллами были отмѣчены въ общемъ выводѣ и сочиненія, написанныя имъ въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ обученія его въ Академіи, а именно: по проповѣди—5, по св. писанію—5+, по исторіи—3½, а экзаменное сочиненіе его было отмѣчено балломъ—4 (высшій баллъ 5 на экзаменномъ сочиненіи получили только Л. С. Мацѣевичъ и І. А Олесницкій, которые весьма значительно уступали М. Г. Ковальницкому по устнымъ балламъ).

Въ частности, высокое качество проповѣдей, писанныхъ М. Г. Ковальницкимъ на первомъ курсѣ (содержаніемъ проповѣдей были событія ветхозавѣтной церкви въ историческомъ порядкѣ), было оцѣнено высшимъ балломъ 5 (вмѣ-

---

[1]) См. Кіев. Епарх. Вѣдом. 1902 г № 15 неоф. ч. стр. 589.

стѣ съ 3 товарищами—А. Докучаевымъ, И. Волоцкимъ и Е. Смирновымъ), причемъ въ спискѣ проф. В. Ѳ. Пѣвницкаго студентъ М. Г. Ковальницкій занялъ первое мѣсто (а у баккалавра Е. М. Крыжановскаго, читавшаго проповѣди студентовъ XXIII курса, писанныя ими въ теченіе сентябрьской трети 1864/5 учебнаго года, М. Г. Ковальницкій получилъ баллъ 5 одинъ изъ всего своего курса; у того же баккалавра М. Г. Ковальницкій получилъ баллъ 5 и на сочиненіяхъ, писанныхъ по предмету общей словесности [І. А. Олесницкій получилъ 3] вмѣстѣ съ другими двумя своими товарищами) [1]).

Вообще, по окончаніи т. н. философскаго курса (низшаго отдѣленія), М. Г. Ковальницкій, по качеству устныхъ успѣховъ, занялъ первое мѣсто среди своихъ товарищей. (Общая сумма балловъ у него=37 1/6, а средній баллъ =4 1/3, тогда какъ у Снѣсарева Н.=36 2/3, у Славицкаго П. =36, у Аннина П. А.=35 1/3, у Максимовича И.=35 1/6, Дубасова И.=34 1/2, у свящ. Г. Сикорскаго=34 1/3, *І. А. Олесницкаго*=33 5/6, Мацѣевича Л. С.=33 1/2 и т. д.), а по качеству написанныхъ имъ сочиненій *второе* мѣсто (при общей суммѣ балловъ=64 1/2, которая получилась изъ слѣдующихъ частныхъ отмѣтокъ за сочиненія—въ *первомъ* семестрѣ: по словесности—5, по философіи—5 и на экзаменѣ 5, *во второмъ* семестрѣ: по философіи—5, по патрологіи—5, по исторіи философіи—5, по проповѣди—5 и на экзаменѣ—5, въ *третьемъ* семестрѣ: по проповѣди—5, Св. Писанію—5, всеобщей гражд. исторіи—3 1/2, и на *экзаменѣ*—по первому сочиненію—4, по второму (латинскому)—2 1/2 и третьему—4 1/2), тогда какъ у *І. А. Олесницкаго эта сумма*=66, у Волоцкаго И.=64, у Докучаева А. М.=63 1/2, у Аннина П. А.=61 и т. д.) [2]).

---

[1]) См. арх. Кіев. дух. Акад. по внутр. правл. за 1865 г. д. № 271.

[2]) См. тамъ же по внутр. правл. 1867 г. д. № 153.

Поведеніе М. Г. Ковальницкаго за философскій курсъ было отмѣчено балломъ—5+ (вмѣстѣ съ товарищемъ Вишневскимъ А.), а у І. А. Олесницкаго—$4^1/_2$, Л. С. Мацѣевича=5, Славицкаго П.=$3^1/_2$ и т. д. [1]).

Въ слѣдующемъ—богословскомъ—курсѣ (1865—1867 гг.) М. Г. Ковальницкій продолжалъ учиться по прежнему съ выдающимся успѣхомъ, хотя и при неблагопріятно сложившихся для него въ это время обстоятельствахъ. Дѣло въ томъ, что бо́льшую часть перваго года во время прохожденія имъ богословскаго курса онъ, видимо, серьезно переболѣлъ, благодаря чему не подалъ почти всѣхъ семестровыхъ сочиненій, не бывалъ на репетиціяхъ и не держалъ полукурсовыхъ экзаменовъ. Это видно, между прочимъ, изъ профессорскихъ вѣдомостей объ успѣхахъ студентовъ XXIII-го академическаго курса (въ высшемъ отдѣленіи) за $186^5/_6$ учебный годъ. Проф. В. Ѳ. Пѣвницкій напр., въ своемъ спискѣ студентовъ высшаго отдѣленія, составленномъ на основаніи ихъ успѣховъ по церковной словесности въ теченіи перваго полугодія $186^5/_6$ учебнаго года, поставилъ М. Г. Ковальницкаго на первомъ мѣстѣ среди товарищей, достоинство поученія его оцѣнилъ балломъ—5 (одинъ изъ всѣхъ), но отмѣтилъ его уже больнымъ (списокъ былъ составленъ *13 декабря 1865 г.*); а въ такомъ же спискѣ проф. В. Ѳ. Пѣвницкаго за второе полугодіе перваго $186^5/_6$ учебнаго года по классу церковной словесности студентъ М. Г. Ковальницкій записанъ въ концѣ, съ такою замѣткою профессора: *„по способностямъ и успѣхамъ въ прежнее полугодіе, заслуживалъ перваго мѣста, но, за болѣзнію, не занимался“*. Также и баккалавръ *П. А. Лашкаревъ* въ спискѣ по литургикѣ (13 декабря 1865 г.) относительно М. Г. Ковальницкаго, записаннаго послѣднимъ, отмѣтилъ слѣдующее:

---

[1]) См. тамъ же.

„занимался съ отличнымъ усердіемъ, но, за болѣзнію, во время репетицій не могъ заявить своихъ свѣдѣній по наукѣ“.

Подобнымъ образомъ и у другихъ профессоровъ (архим. Сильвестра Малеванскаго, іером. Августина Гуляницкаго, Н. И. Щеголева, И. И. Малышевскаго и пр.) М. Г. Ковальницкій за вторую половину (а у иныхъ, напр., у архим. Сильвестра и за первую половину) $186^5/_6$ учебнаго года былъ отмѣченъ больнымъ, или незанимавшимся и небывшимъ на репетиціяхъ и экзаменахъ *„по болѣзни“*. И въ общемъ „разрядномъ спискѣ студентовъ высшаго отдѣленія XXIII курса, составленномъ за $186^5/_6$ учебный годъ“, утвержденномъ м Арсеніемъ 27 октября 1866 г., М. Г. Ковальницкій записанъ въ концѣ, съ такою отмѣткою: *„за неимѣніемъ данныхъ, вслѣдствіе небытности на экзаменахъ и неподачи сочиненій, разсужденіе о немъ отсрочено до представленія имъ сихъ данныхъ“.*

Благодаря перенесенной М. Г. Ковальницкимъ болѣзни въ $186^5/_6$ учебномъ году, успѣшность его за время богословскаго курса оказалась, хотя по прежнему выдающеюся для своего курса, но особенною По качеству устныхъ успѣховъ, при общей суммѣ балловъ=$47^1/_2$ (а у свящ. Г. А. Сикорскаго $49^1/_2+$, у *І. А. Олесницкаго*=$47^3/_7$, у Докучаева А. М.=$47^1/_2$, Максимовича И.=$47^1/_2$, Снѣсарева Н.=$46^1/_2$) и при слѣдующихъ среднихъ баллахъ: по догмат. богосл.=$4^3/_5$, нравств. богосл.=$4^5/_8$, обличит. богосл.=$4^1/_3$, литургикѣ и канонич. праву=$4^1/_2$, гомилетикѣ=$4^7/_8$, свящ. писанію=$4^3/_8$, общей древней церк. исторіи=$4^7/_{10}$, общей новой церк. исторіи=$4^1/_2$, русской церк. исторіи=4, исторіи русскаго раскола=$3^5/_6$, греч. языку=$3^1/_2$, М. Г. Ковальницкій занялъ третье мѣсто среди товарищей, а по сочиненіямъ онъ, какъ неподавшій *семи* сочиненій, получилъ общую сумму балловъ=$22^1/_2$ (а у *І. А. Олесницкаго*=$50^1/_2$, у о. Сикорскаго Г.=44++, Докучаева А.=$44^1/_2$++++, Максимовича И.=$42^1/_2$≡ и т. д.), при слѣдующихъ частныхъ баллахъ: по би-

блейской исторіи=5, проповѣди за первое полугодіе—5, экзам. 3-му=4½, экзаменному 4-му=4½ и латинскому=3½ [1]).

Такимъ образомъ, съ отличною репутаціею и успѣшностью, М. Г. Ковальницкій окончилъ въ 1867 году академическое образованіе, уступивъ первенство въ разрядномъ спискѣ студентовъ своего курса своему земляку, не менѣе его даровитому І. А. Олесницкому, славному умершему профессору Кіевской духовной Академіи, причемъ сочиненіе, написанное имъ для полученія ученой степени на тему: „Исторія новозавѣтнаго канона съ 1 по IV вѣкъ", было признано *весьма удовлетворительнымъ* [2]).

II.

Немедленно же по окончаніи курса, М. Г. Ковальницкій былъ оставленъ преподавателемъ родной Академіи по предмету нравственнаго богословія. Конференція Кіевской духовной Академіи въ собраніи своемъ 8 августа 1867 года, имѣла сужденіе по вопросу о замѣщеніи освободившихся къ тому времени профессорскихъ каѳедръ. Въ числѣ пяти вакантныхъ каѳедръ была также и каѳедра по нравственному богословію, освободившаяся за назначеніемъ бывшаго экстра-ординарнаго профессора по этому предмету архим. Варѳоломея [3]) на должность ректора Саратовской духовной

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад Журн Конфер. за 6 авг. 1867 г. Къ сожалѣнію, оригинала магистерской диссертаціи М. Г. Ковальницкаго въ академическомъ архивѣ не сохранилось. Въ „спискѣ курсовыхъ сочиненій студентовъ Кіевской духовной Академіи", подъ № 821 рукою † профессора С. М. Сольскаго, по предмету котораго оно, вѣроятно, и писалось, сдѣлана слѣдующая запись: „Ковальницкій Михаилъ. Исторія новозавѣтнаго канона съ I по IV вѣкъ". А на поляхъ карандашемъ отмѣчено: „нѣтъ". Не утрачено ли оно какимъ либо образомъ † С. М. Сольскимъ? Очень жаль...

[3]) Архим. Варѳоломей (въ мірѣ Василій) Левитскій, уроженецъ черниговской епархіи, магистръ XIV курса Кіев. духов. Акад., былъ сначала профессоромъ и инспекторомъ Черниговской дух. семинаріи, а съ 11 янв. 1862 г.—баккалавромъ и потомъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Кіевской духовной Академіи по нравственному богословію.

семинаріи. Пріискивая кандидатовъ для замѣщенія свободныхъ каѳедръ, конференція естественно обратила вниманіе и на только что окончившихъ тогда воспитанниковъ XXIII-го курса Академіи. Изъ числа этихъ послѣднихъ члены конференціи признали наиболѣе другихъ *даровитыми* и болѣе другихъ оказавшими въ теченіи академическаго курса успѣховъ въ наукахъ академическаго образованія *Михаила Ковальницкаго* и Іоакима Олесницкаго, причемъ тотъ и другой въ своихъ занятіяхъ показали по преимуществу расположеніе къ наукамъ богословскимъ. На этомъ основаніи, конференція тогда же и постановила: „на вакантную каѳедру нравственнаго богословія назначить окончившаго курсъ студента Академіи *Михаила Ковальницкаго, по своимъ способностямъ и по оказаннымъ въ продолженіе академическаго курса успѣхамъ и поведенію, признаваемаго благонадежнымъ къ занятію учительской каѳедры въ высшемъ духовномъ заведеніи и по предмету нравственнаго богословія*“. Это постановленіе конференціи было утверждено Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ 18 августа 1867 года[1]). Согласно предложенію синодальнаго оберъ-прокурора отъ 7 сентября 1867 года, М. Г. Ковальницкій *съ 27 ноября 1867 года* началъ чтеніе лекцій въ Академіи по предмету нравственнаго богословія. Такъ какъ въ то время, на основаніи синодальнаго указа отъ 28 сентября 1864 года, воспитанники Академіи утверждались въ присужденныхъ имъ ученыхъ степеняхъ только послѣ того, какъ они прослужили не менѣе 4 мѣсяцевъ, то конференція Академіи 22 апрѣля 1868 года, по докладу о томъ секретаря (баккалавра Н. Л. Зайцева), рѣшила ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи М. Г. Ковальницкаго въ степени магистра богословія[2]). Ходатайство это было удовлетворено Св. Синодомъ въ томъ же году (20 сентября), послѣ чего

---

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. журн. конферен. за 8 авг. 1867 г.

[2]) См. тамъ же журн. конферен. за 22 апр. 1868 г.

М. Г. Ковальницкій, на основаніи дѣйствовавшаго тогда академическаго устава, получилъ званіе баккалавра Академіи. М. Г. Ковальницкій преподавалъ нравственное богословіе очень недолго, въ теченіи одного учебнаго академическаго курса. Въ 1869 году былъ введенъ новый академическій уставъ. Такъ какъ по новому уставу каѳедра нравственнаго богословія была соединена съ педагогикою, которую преподавалъ въ Академіи профессоръ Н. Л. Зайцевъ, то въ собраніи профессоровъ 7 іюля 1869 года доцентъ (такъ со времени новаго устава стали называться прежніе баккалавры) М. Г. Ковальницкій заявилъ, что онъ избираетъ предметомъ преподаванія въ Академіи *общую исторію христіанской Церкви*[1]) Съ того времени и до послѣдняго дня своего пребыванія на службѣ въ Кіевской духовной Академіи, т. е. до апрѣля 1902 года, М. Г. Ковальницкій неизмѣнно преподавалъ общую церковную исторію, при чемъ въ 1878 г. онъ былъ избранъ въ званіе экстра—ординарнаго профессора[2]), а въ 1892 г. былъ удостоенъ званія заслуженнаго экстра—ординарнаго профессора.

Профессорство составляетъ основную и главную стихію въ академической службѣ почившаго Архипастыря. Профессоромъ онъ оставался до самаго послѣдняго дня своего пребыванія въ Академіи, т. е. *полныхъ 35 лѣтъ*. Профессорская служба архіеп. Димитрія, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ спеціальнаго и нарочитаго слова о ней. Съ своей стороны, мы скажемъ о профессорской дѣятельности его на-

---

[1]) См тамъ же журн. Совѣта Кіевск. дух. Акад. за 7 іюля 1869 г.

[2]) См. тамъ же журн. Совѣта Кіев. дух. Акад. за 28 мая 1878 г. М. Г. Ковальницкій былъ избранъ (голосами всѣхъ 13 членовъ Совѣта) на мѣсто А. Д. Воронова, избраннаго ординарнымъ профессоромъ (30 марта 1878 г.), экстра-ординарнымъ профессоромъ, по предложенію помощника ректора по церковно историч. Отдѣленію И. И. Малышевскаго, какъ „извѣстный Отдѣленію и Совѣту достоинствами своей преподавательской дѣятельности“.

столько, насколько о ней можно судить по его профессорскимъ программамъ лекцій, отчетамъ о прочитанныхъ лекціяхъ и о практическихъ занятіяхъ, а также по отзывамъ его бывшихъ учениковъ и особенныхъ слушателей его академическихъ лекцій (напр., ревизоровъ).

Въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ своей академической службы М. Г. Ковальницкій преподавалъ, какъ мы знаемъ нравственное богословіе. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ какихъ либо студенческихъ записей этихъ первыхъ академическихъ лекцій его. Самъ почившій Архипастырь, повидимому, неохотно возвращался къ воспоминаніямъ о своемъ преподаваніи нравственнаго богословія и даже бывалъ какъ будто недоволенъ, когда ему объ этомъ напоминали. Всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ онъ мыслилъ себя, какъ церковнаго историка.

Что касается программы чтеній М. Г. Ковальницкаго по нравственному богословію, то она отличается отъ таковой же программы учителей его по Академіи. Нравственное богословіе на старшемъ курсѣ онъ слушалъ сначала у архимандрита Варѳоломея, а потомъ у проф. Н. И. Щеголева. Въ то время какъ первый изъ нихъ обращалъ преимущественное вниманіе на *исторію* нравственныхъ ученій внѣ христіанства и въ самомъ христіанствѣ, а проф. Н. И. Щеголевъ излагалъ *нравоученіе ветхаго завѣта*, М. Г. Ковальницкій излагалъ самую систему нравственнаго богословія. Вотъ программа, по какой онъ преподавалъ нравственное богословіе въ 1868—1869 гг. (въ концѣ 1867 г. онъ заканчивалъ программу, представленную вмѣстѣ съ проф. Н. И. Щеголевымъ).

Введеніе.

Понятіе о Нравственномъ богословіи.

Отношеніе Нравственнаго богословія къ богословію Догматическому.

Исторія Нравственнаго богословія.

Раздѣленіе Нравственнаго богословія

Часть первая.

О нравственномъ законѣ Божіемъ и нравственныхъ дѣйствіяхъ человѣка вообще.

Содержаніе этой части.

Глава первая.

О нравственной природѣ человѣка и его высокомъ достоинствѣ и назначеніи.

Составъ природы человѣческой: тѣло-жилище духа, душа

Особенныя преимущества, силы и качества души:

а) образъ и подобіе Божіе.

б) простота и духовность души.

в) самостоятельность души.

г) способность познавательная.

д) совѣсть.

е) чувствованіе сердца.

ж) желательная способность и свободная воля.

з) безконечная усовершимость ея способностей.

и) безсмертіе души.

Высокое достоинство человѣка.

Назначеніе человѣка.

Глава вторая

О настоящемъ нашемъ нравственномъ состояніи, и о высшихъ силахъ и средствахъ, дарованныхъ намъ для достиженія нашего назначенія.

Настоящее нравственное состояніе наше на землѣ.

Остатки добра въ падшемъ человѣкѣ.

Высшія силы и средства, дарованныя намъ отъ Бога для достиженія нашего назначенія.

Отношеніе благодатныхъ силъ и средствъ къ естественнымъ нравственнымъ силамъ человѣка.

Глава третья.

О нравственномъ законѣ вообще и въ особенности о законѣ христіанскомъ.

О нравственномъ законѣ вообще.

О законѣ естественномъ.

О законахъ положительныхъ:

а) о законѣ Моисеевомъ.

б) о законѣ Евангельскомъ.

в) о законахъ Церковныхъ.

г) о законахъ Гражданскихъ.

Глава четвертая.

О главномъ началѣ христіанской нравственности.

Понятіе о немъ, необходимость его и отличительныя свойства его.

Самое сіе начало и его истинность.

Критическое обозрѣніе противныхъ мнѣній касательно верховнаго начала нравственности.

Глава пятая.

О нравственномъ вмѣненіи.

Понятіе о нравственномъ вмѣненіи и содержаніе ученія о немъ.

Право и власть нравственнаго вмѣненія.

Условія нравственнаго вмѣненія.

Предметъ нравственнаго вмѣненія.

Трудность дѣла нравственнаго вмѣненія для человѣка, и наша обязанность въ семъ отношеніи.

Правила для оцѣнки нравственныхъ поступковъ [1]).

Нравственнаго Богословія

Часть 1-я (общая).

О побужденіяхъ къ исполненію закона нравственнаго.

Потребность побужденій для осуществленія закона въ волѣ.

Разграниченіе побужденій до,—послѣ паденія и въ искупленіи; неправильные выводы по отношенію къ по-

---

[1]) Эта часть программы была исполнена М. Г. Ковальницкимъ во вторую половину $186^{7}/_{8}$ учебнаго года.

бужденіямъ, вытекающіе изъ смѣшенія этихъ состояній нравственныхъ.

1) Побужденіе въ догрѣховномъ состояніи человѣка.

Основа побужденій—чувствованіе.

Любовь и ненависть, какъ побужденіе къ нравственной дѣятельности. Дѣйствительно-нравственный характеръ ненависти, какъ побужденія къ дѣятельности.

Любовь до-нравственная. Переходъ ея въ любовь свободно—нравственную—

Любовь къ Богу.

Страхъ Божій, какъ побужденіе къ нравственной дѣятельности.

Надежда на Бога.

Блаженство. Нравственный характеръ стремленія къ блаженству, какъ побужденіе къ исполненію закона нравственнаго.

Отличіе его отъ эвдемонизма.

2) Побужденіе къ дѣятельности въ состояніи грѣховномъ.

Любовь и ненависть грѣховная; отличіе этихъ побужденій отъ любви и ненависти нравственной. Степени, какія проходитъ ненависть къ божественному.

Страсть, какъ грѣховное побужденіе къ дѣятельности Замѣчаніе о вмѣняемости дѣйствій, совершенныхъ по побужденію страсти.

Страхъ предъ Богомъ, какъ побужденіе къ дѣятельности въ грѣшномъ человѣкѣ.

3) Побужденіе къ дѣятельности въ искупленіи.

Любовь къ Богу во Христѣ. Ненависть къ грѣховному и противобожественному въ мірѣ.

Страхъ Божій, какъ христіанское побужденіе къ дѣятельности.

Побужденіе къ доброй дѣятельности въ отношеніи къ людямъ—любовь къ людямъ; довѣріе къ людямъ—его границы; сочувствіе—соредованіе и состраданіе.

Сознаніе христіанской цѣли нравственной, какъ побужденіе къ нравственной дѣятельности. Христіанская надежда.

О добродѣтели.

Понятіе о добродѣтели. Недостаточность нѣкоторыхъ употребительныхъ опредѣленій добродѣтели.

Свойства добродѣтели: она должна быть стремленіемъ свободнымъ и самостоятельнымъ, всеобъемлющимъ, постояннымъ, живымъ и дѣятельнымъ, разумнымъ.

Содержаніе добродѣтели. Любовь къ Богу во Христѣ. Свобода христіанская; отрицательный и положительный элементъ свободы христіанской: свобода отъ закона плоти, отъ буквы законной,—свобода благодатная.

Единство добродѣтели христіанской. Единство его во всемъ мірѣ христіанскомъ и въ каждой частной личности.

Разнообразіе христіанскихъ добродѣтелей. Разнообразіе добродѣтельныхъ характеровъ; разнообразіе отдѣльныхъ добродѣтелей христіанскихъ. Отношеніе частныхъ добродѣтелей къ добродѣтели вообще. Крайность іудейская и римско-католическая. Свойства частныхъ добродѣтелей.

Основаніе для дѣленія добродѣтелей. Главныя добродѣтели христіанскія.

О грѣхѣ, какъ противоположности добродѣтели.

Опредѣленіе и сущность грѣха.

Единство грѣха и разнообразіе.

Происхожденіе грѣха; неправильныя мнѣнія о происхожденіи грѣха.

Степени грѣха. Неправильное основаніе для разграниченія степеней грѣха у схоластическихъ богослововъ.

Состоянія грѣховныя. Различіе ихъ по внѣшнему обнаруженію и внутреннему свойству.

Уничтоженіе грѣха въ добродѣтели.

Возможность, но не необходимость его.

Начало этого уничтоженія—обращеніе и возрожденіе. Замѣчаніе о натуралистической теоріи „нравственнаго улучшенія“.

Освященіе.

Дальнѣйшее развитіе добродѣтели послѣ обращенія отъ грѣха.

Степени развитія добродѣтели.

Различныя состоянія добродѣтели.

Средства къ сохраненію, развитію и укрѣпленію жизни христіанской (христіанская аскетика).

Мѣсто, какое въ прежнее время давалось этому вопросу въ Нравственномъ Богословіи.

Истинное значеніе и мѣсто его.

Общія замѣчанія о духѣ и характерѣ средствъ къ совершенствованію христіанской добродѣтели.

Частныя средства и пособія къ добродѣтели.

Часть вторая.

Частное изложеніе нравственныхъ обязанностей христіанскихъ.

Предварительныя общія замѣчанія объ обязанностяхъ.

Сущность и основной характеръ обязанностей христіанскихъ.

Основаніе дѣленія обязанностей.

Роды обязанностей. Отношеніе между ними.

Основаніе частнѣйшаго различенія обязанностей.

Столкновеніе обязанностей. Важное значеніе и трудность рѣшенія этого вопроса въ морали языческой. Рѣшеніе его съ точки зрѣнія христіанской нравственности.

Объ обязанностяхъ къ Богу.

Общій характеръ и содержаніе обязанностей къ Богу.

Внутреннее Богопочтеніе.

Вѣра въ Бога во Христѣ по Писанію.

Обязанность усовершать и укрѣплять вѣру чрезъ познаніе.

Отношеніе нравственно-религіозной вѣры и знанія.

Благоговѣніе, какъ слѣдствіе единенія вѣры и знанія.

Любовь къ Богу.

Страхъ Божій, послушаніе и преданность Богу.

Благодарность Богу.

Упованіе на Бога.

Благоговѣйная любовь къ Іисусу Христу, какъ Богу,— характеристическая черта истинно христіанской нравственности.

Мистицизмъ, какъ ненравственное извращеніе любви къ Богу.

Отсутствіе въ христіанской нравственности крайностей мистическихъ.

Внѣшнее Богопочтеніе.

Потребность внѣшняго Богопочтенія; основанія его.

Крайности въ воззрѣніяхъ на внѣшнее богопочтеніе: фарисейско-католическая, протестантская.

Общій характеръ дѣйствій внѣшняго Богопочтенія.

1) Нравственно-религіозныя дѣйствія христіанской Богослужебности.

Частныя дѣйствія христіанской Богослужебности.

Молитва. Понятіе о ней и нравственно-религіозное значеніе ея для человѣка.

Молитва внутренняя; необходимость молитвы внѣшней.

Форма молитвъ: молитвы готовыя, импровизаціи молитвенныя.

Потребность непрестанной умной молитвы.

Виды молитвы: славословіе, благодареніе, прошеніе.

Условія исполненія прошеній молитвенныхъ.

Жертва Богу, какъ необходимая сторона молитвы. Характеръ жертвы догрѣховной. Недостатки жертвы языческой.

Жертва Еврейская. Характеръ жертвы христіанской.

Молитва домашняя—частная. Значеніе ея. Часы молитвы. Преувеличеніе значенія молитвы домашней.

Общественныя дѣйствія христіанской Богослужебности.

Общественно-церковное Богослуженіе. Нравственное значеніе его.

Особенныя времена церковнаго Богослуженія: праздники и посты.

Почитаніе принадлежностей Богослуженія христіанскаго: креста, иконъ и проч.

Богослужебное почитаніе Ангеловъ и Святыхъ Божіихъ. Значеніе молитвеннаго обращенія къ нимъ.

2) Нравственно-религіозныя дѣйствія христіанской ревности по вѣрѣ.

Ревность по славѣ имени Божія. Свойства, кругъ и мѣра христіанской ревности по Богѣ.

Исповѣданіе вѣры. Условія и свойства добраго исповѣданія вѣры. Степень достоинства. Осторожность и мѣры благоразумія христіанскаго, при исполненіи сей обязанности.

Клятва, какъ особый видъ исповѣданія вѣры. Позволительность клятвы. Условія достойнаго произнесенія клятвы. Обязанность исполнять клятву. Грѣховность клятвопреступленія.

Обѣты, какъ особый видъ Богопочтенія. Важнѣйшіе обѣты. Значеніе обѣтовъ въ жизни христіанина и ихъ Богоугодность. Условія обѣтовъ. Сила обязательства[1]).

Часть вторая.

Частное изложеніе нравственныхъ обязанностей христіанскихъ.

Объ обязанностяхъ къ себѣ самому.

Общія обязанности къ себѣ.

Самопознаніе.

---

[1]) Эта часть программы была исполнена М. Г. Ковальницкимъ въ первую половину 186⁸/₉ учебнаго года.

Христіанская любовь къ себѣ и самоуваженіе.

Христіанское смиреніе и самоотверженіе.

Частныя обязанности къ себѣ самому.

Глава первая.

Обязанности въ отношеніи къ душѣ.

Общее замѣчаніе объ образованіи души.

1) Образованіе ума. Сочувствіе, а не противодѣйствіе Христіанства научному образованію.

Главные предметы христіанскаго нравственнаго познанія. Условія, при которыхъ сохраняетъ познаніе характеръ нравственный.

Религіозно-мистическая крайность, отрицающая нравственную потребность научнаго образованія.

Мудрость, какъ высшая степень нравственнаго знанія истины.

2) Образованіе воли. Необходимость воспитанія воли.

Нравственный характеръ, какъ цѣль воспитанія воли.

Нравственное совершенство воли.

3) Образованіе сердца. Развитіе чувства нравственнаго.

Вліяніе на нравственное развитіе сердца—всего прекраснаго: въ природѣ, въ жизни, въ поэзіи и искусствахъ.

Глава вторая.

Обязанности человѣка въ отношеніи къ тѣлу.

Высоконравственное, по христіанскому ученію, значеніе жизни тѣлесной, и обязанность попеченія о ней. Какъ понимать наставленіе объ умерщвленіи плоти?

Обязанности къ тѣлу, какъ органу духа: попеченіе о развитіи тѣлесныхъ свойствъ и органовъ, сохраненіе и укрѣпленіе тѣла посредствомъ пищи и питія. Христіанскій постъ и его нравственное значеніе.

Обязанности къ тѣлу, какъ образу духа: украшеніе тѣла—непосредственное—въ нравственной дѣятельности, посредственное—въ одеждѣ. Ненравственность наготы. Приличіе

въ одеждѣ. Ненравственная сторона моды. Мѣра заботливости объ украшеніи тѣла.

Физическій и духовный трудъ, какъ потребность нравственной духовно-тѣлесной жизни человѣка. Христіанское ограниченіе крайностей труда.

Отдохновеніе отъ труда: значеніе его—религіозно-нравственное и нравственно-физіологическое. Замѣчаніе о развлеченіяхъ и забавахъ.

Обязаность чистоты тѣлесной или цѣломудрія. Значеніе цѣломудрія до брака и въ бракѣ. Мѣры къ нравственному упорядоченію половыхъ влеченій.

Обязанность хранить здравіе и жизнь тѣла. Преступность самоубійства.

Обязанность жертвовать жизнію ради высшихъ интересовъ нравственныхъ.

Глава третья.

Обязанности человѣка въ отношеніи къ земному благополучію своему.

Христіанскій взглядъ на нравственное значеніе земныхъ благъ. Нравственное значеніе имущественной собственности. Ненравственный характеръ и неосновательность теорій, возстающихъ противъ права собственности.

Непредосудительность, съ нравственной точки зрѣнія, богатства.

Мѣра ревности о пріобрѣтеніи богатства. Характеръ средствъ пріобрѣтенія. Правильное употребленіе богатства и злоупотребленіе имъ.

Попеченіе о чести. Нравственное значеніе чести. Средства къ пріобрѣтенію и охраненію ея. Предосудительность дуэли.

Внѣшнія удовольствія жизни. Нравственно-христіанскій взглядъ на удовольствія жизни, чуждый крайностей сенсуализма и ригористическаго аскетизма. Общественныя вечернія собранія, музыка, танцы. Театръ.

Объ обязанностяхъ человѣка къ ближнимъ.

Общія обязанности къ ближнимъ.

Любовь къ ближнимъ, какъ основаніе всѣхъ обязанностей къ нимъ.

Сущность и объемъ любви къ ближнимъ.

Познаніе ближнихъ.

Содѣйствіе нравственному развитію ближнихъ: примѣромъ, словомъ; наставленіе, обличеніе. Мѣра и характеръ того и другаго.

Уваженіе къ ближнимъ. Преступность презрѣнія, клеветы, злословія и насмѣшки. Отличіе отъ нихъ сатиры и поэтическаго комизма.

Обязанность хранить тѣлесную жизнь, уважать и защищать доброе имя ближняго.

Благотворительность. Необходимость ея и значеніе. Общественная и частная благотворительность. Цѣль и характеръ благотворительности. Услужливость.

Благодарность за благодѣянія.

Миролюбіе. Обходительность и снисходительность.

Примирительность. Отношеніе ко врагамъ.

Правдивость и ложь.

Искренность: прямодушіе, откровенность.

Скромность: вѣжливость, простодушіе. Нескромность; степени ея.

Частныя обязанности къ ближнимъ.

Глава первая.

Обязанности семейныя.

Бракъ. Нравственная цѣль брака. Условія нравственнаго брака.

Сужденіе о бракѣ гражданскомъ. Однобрачность. Нерасторгаемость брака. Нравственное основаніе развода.

Обязанности супруговъ: вѣрность супружеская, откровенность и довѣріе, взаимная снисходительность.

Обязанности родителей и дѣтей.

Обязанности господъ и слугъ.

Глава вторая.

Обязанности гражданскія.

Общія обязанности гражданъ къ царю и отечеству. Любовь къ Верховной Власти. Любовь къ отечеству.

Обязанности сословныя. Любовь и уваженіе къ своему званію. Любовь и уваженіе ко всѣмъ званіямъ въ обществѣ.

Нравственный характеръ международныхъ отношеній.

Глава третья.

Обязанности въ отношеніи къ церкви.

Обязанность каждаго члена церкви содѣйствовать возвышенію, умноженію и утвержденію вѣры и любви въ обществѣ.

Обязанность подчиняться Богоучрежденному порядку церковному и содѣйствовать внѣшнему благоустройству церкви.

Отношеніе православнаго христіанина къ иновѣрцамъ, инославнымъ, еретикамъ и раскольникамъ [1]).

Церковную исторію М. Г. Ковальницкій началъ преподавать въ Академіи, какъ мы знаемъ, съ осени 1869 г. со времени введенія новаго устава. Такъ какъ по уставу 1869 года преподаваніе исторіи Церкви Христовой было распредѣлено между двумя профессорами, то М. Г. Ковальницкій, очевидно, по взаимному соглашенію съ старшимъ профессоромъ по каѳедрѣ общей церковной исторіи—А. Д. Вороновымъ, избралъ предметомъ своего преподаванія *древнюю общую церковную исторію*. Этотъ отдѣлъ науки онъ затѣмъ и преподавалъ неизмѣнно до самаго введенія новаго устава академическаго.

Въ теченіи 1869—1870 учебнаго года доцентъ М. Г. Ковальницкій излагалъ студентамъ III курса Кіевской духовной Академіи древнюю общую церковную исторію на

[1]) Эта часть программы была исполнена М. Г. Ковальницкимъ во вторую половину $186^{8}/_{9}$ учебнаго года. См. тамъ же по внутр. правл. за 1867 г. д. № 152.

протяженіи первыхъ двухъ періодовъ ея: 1) *Исторію церкви апостольской* и 2) *церкви гонимой* (100—311 г.г.). Послѣ общихъ предварительныхъ свѣдѣній о наукѣ *(введеніе)* и общей характеристики жизни церкви въ вѣкъ апостольскій *(вступленіе)* молодой профессоръ читалъ своимъ слушателямъ объ основаніи и первоначальномъ распространеніи церкви (*глава первая*), о богословіи апостольскомъ и литературѣ (*глава вторая*), о христіанской жизни въ вѣкѣ апостольскомъ (*глава третья*), о христіанскомъ богослуженіи въ томъ же вѣкѣ (*глава четвертая*) и о церковномъ устройствѣ и управленіи въ томъ же вѣкѣ (*глава пятая*). Исторію церкви гонимой профессоръ излагалъ съ точки зрѣнія тѣхъ же самыхъ сторонъ, какъ и исторію апостольскаго періода: гоненія, апологетика и внѣшнее распространеніе (*глава первая*), христіанское богословіе *(глава вторая*), христіанская жизнь *(глава третья)*, богослуженіе (*глава четвертая*), церковное устройство, управленіе и дисциплина *(глава пятая)*[1]).

Въ теченіи слѣдующаго учебнаго года доцентъ М. Г. Ковальницкій преподавалъ древнюю общую церковную исторію студентамъ IV-го курса, т. е. тому же самому курсу. Программа изложенія перваго періода осталась безъ перемѣнъ (этотъ періодъ, вѣроятно, и былъ прочитанъ полностію въ предшествующемъ учебномъ году). Схема изложенія втораго періода явилась въ новомъ видѣ, причемъ и самый періодъ получилъ другое наименованіе (*„вѣкъ мучениковъ“*): внѣшнее положеніе церкви *(глава первая*), христіанское богословіе (*глава вторая*), церковное устройство и управленіе (*глава третья*), христіанское богослуженіе (*глава четвертая*) и христіанская жизнь и церковная дисциплина

---

[1]) См. въ арх. Кіев. дух. Акад. (по Совѣту) за 1870 г. д. № 98 отчетъ доцента М. Г. Ковальницкаго „о преподаваніи общей церковной исторіи студентамъ III курса Кіев. дух. Академіи въ теченіи 1869/70 учеб. года“.

(*глава пятая*). Исторія третьяго періода, называемаго „*въкомъ вселенскихъ соборовъ и учителей церкви*“, излагалась по тому же въ общемъ плану: внѣшнее положеніе церкви (*глава первая*), христіанское богословіе (*глава вторая*), богослуженіе (*глава третья*), церковная дисциплина и жизнь христіанская (*глава четвертая*) и церковное устройство и управленіе (*глава пятая*) [1]).

Въ теченіи слѣдующихъ двухъ учебныхъ годовъ доцентъ М. Г. Ковальницкій преподавалъ древнюю общую церковную исторію студентамъ *церковно-историческаго отдѣленія II-го курса* по той же самой въ общемъ программѣ, которую мы уже видѣли, съ тѣмъ только различіемъ, что съ каждымъ новымъ годомъ въ прежнюю программу профессоромъ привносились новыя рубрики [2]). Очевидно, молодой профессоръ непрерывно работалъ надъ расширеніемъ и углубленіемъ разъ составленной имъ программы, по мѣрѣ того, какъ расширялись и углублялись его собственныя познанія въ области преподаваемой имъ науки.

Къ слѣдующему (1873/4) академическому году, доцентъ М. Г. Ковальницкій, видимо, окончательно установилъ и обработалъ свою программу. Программа этого года отличается, по нашимъ наблюденіямъ, наибольшею законченностію и внутреннею полнотою, а потому мы и приводимъ ее здѣсь въ подлинномъ видѣ:

---

[1]) См. тамъ же (по Совѣту) за 1871 г. въ д. № 77 его же „Обозрѣніе лекцій по древней общей церковной исторіи, читанныхъ студентамъ 4-го курса Кіевской дух. Академіи въ $187^0/_1$ учебн. году“ (съ датою: *1871 г. 29 мая*). Совершенно сходенъ съ „Обозрѣніемъ“ и находящійся здѣсь же „Отчетъ о прочитанномъ“... (съ датою *8 іюня 1871 г.*), съ тою только разницею, что во второмъ менѣе детально излагается содержаніе главъ въ періодахъ.

[2]) См. тамъ же (по Совѣту) за 1872 г. д. № 34 и за 1873 г. д. № 62. Особенность программы за $187^2/_3$ учебн. годъ, сравнительно съ предыдущими, составляетъ то, что вступительная часть программы отчетливо раздѣляется на двѣ половины: 1) введеніе въ церковную исторію (*научное*) и 2) вступленіе въ исторію Церкви (*историческое*).

Программа чтеній по древней общей церковной исторіи, въ наступающемъ 1873-4 академическомъ году, студентамъ 2-го курса церковно-историческаго отдѣленія Кіевской духовной Академіи.

Введеніе въ церковную исторію.

(НАУЧНОЕ).

Понятіе объ исторіи Церкви.

Силы, дѣйствующія въ исторіи церкви, и характеръ ея.

Задача науки церковной исторіи.

Составныя части церковной исторіи.

Внѣшній методъ церковной исторіи—предметно-хронологическій.

Дѣленіе на періоды: германско-протестантское и римско-католическое; недостаточность ихъ. Дѣленіе вселенско-православное.

Внутренній методъ: прагматико-генетическое развитіе; объективность и безпристрастіе.

Отношеніе церковной исторіи къ другимъ богословскимъ наукамъ.

Вступленіе въ исторію церкви.

(ИСТОРИЧЕСКОЕ).

Предуготовленіе христіанства въ исторіи древняго міра.

Общій взоръ на приготовительное по отношенію къ христіанству значеніе до-христіанскаго язычества и іудейства.

Различные взгляды на исторію языческихъ религій.

Положительное и отрицательное приготовленіе къ христіанству язычества греко-римскаго.

Значеніе іудейства: законъ и пророки.

Нравственно-религіозное состояніе іудейства предъ самымъ пришествіемъ Христа: религіозная философія александрійскихъ іудеевъ и терапевты; ессеи, фарисеи и саддукеи; истинные израильтяне.

Періодъ первый.

(вѣкъ апостольскій).

Общій взоръ на періодъ апостольскій.

Характеръ этого періода и значеніе его для всей послѣдующей исторіи церкви.

Глава 1-я.

Основаніе и первоначальное распространеніе церкви.

Пятдесятница, какъ день рожденія церкви.

Благовѣстническая дѣятельность ап. Петра и основаніе церкви между іудеями.

Отношеніе къ вновь возникшему обществу саддукеевъ и фарисеевъ.

Выступленіе церкви за предѣлы національности іудейской.

Пререканія между увѣровавшими гебраистами и еллинистами, и учрежденіе діаконовъ.

Діаконъ Стефанъ; значеніе его благовѣстнической дѣятельности и мученической кончины.

Распространеніе христіанства въ Самаріи и въ другихъ странахъ.

Подготовленіе принятія въ церковь язычниковъ: ап. Петръ и сотникъ Корнилій.

Ап. Павелъ и основаніе церкви между язычниками.

До-христіанская жизнь Павла и обращеніе его ко Христу.

Избраніе его во апостола языковъ.

Общая характеристика апостольской дѣятельности св. Павла.

Первое великое проповѣдническое путешествіе Павла.

Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ; значеніе его въ дѣлѣ распространенія христіанства.

Второе и третье великое путешествіе Павла: заключеніе во узы и прибытіе въ Римъ.

Благовѣстническая дѣятельность прочихъ апостоловъ.

Предположеніе о позднѣйшей дѣятельности Петра и времени прибытія его въ Римъ.

Кончина ап. ап. Петра и Павла.

Св. Іаковъ; его личный характеръ и значеніе его дѣятельности въ качествѣ предстоятеля церкви іерусалимской.

Разрушеніе Іерусалима и значеніе этого событія въ исторіи христіанства.

Ап. Іоаннъ; значеніе его дѣятельности за послѣднія 10-лѣтія вѣка апостольскаго въ историческомъ развитіи жизни церкви.

Глава 2-я.

Богословіе и писанія апостоловъ.

Интересъ этого отдѣла въ современной церковно-исторической наукѣ.

Критическій взглядъ на теорію школы тюбингенской.

I. Постепенное раскрытіе новозавѣтной Богооткровенной истины въ жизни вѣка апостольскаго.

Богословіе Іакова—Матѳея.

„ ап. Петра—Марка.

„ — Павла—Луки.

„ ап. Іоанна.

Происхожденіе писаній апостольскихъ по вызову современныхъ потребностей церкви, и общехристіанское всегдашнее ихъ значеніе.

Распространеніе и употребленіе писаній апостольскихъ въ церкви вѣка апостольскаго.

2. Еретическое искаженіе ученія апостольскаго.

Неправильный взглядъ на отношеніе ереси къ истинѣ церкви.

Сущность ереси и значеніе ея въ развитіи ученія христіанскаго.

Еретическія направленія вѣка апостольскаго.

Направленіе іудействующее; отличіе іудействующихъ еретиковъ отъ іудеохристіанъ и сущность ихъ воззрѣній.

Направленіе гностическое; характеръ лже-гносиса вѣка апостольскаго и первые его симптомы.

Симонъ волхвъ и его ученіе.

Дуалистическія ереси Крита, Ефеса и Колоссъ. Антиномизмъ и Николаиты.

Докетизмъ и Керинѳъ.

Глава 3 я.

Христіанская жизнь въ вѣкѣ апостольскомъ.

Христіанство, какъ начало новой жизни нравственной.

1. Преобразовательное вліяніе христіанства на жизнь личную.

2. Преобразованіе жизни семейной.

Христіанскій взглядъ на бракъ.

Христіанское взаимное отношеніе мужа и жены, родителей и дѣтей.

Взглядъ апостоловъ на безбрачіе.

3. Преобразованіе жизни общественной.

Характеръ общественныхъ отношеній въ христіанствѣ. Общеніе имуществъ въ церкви іерусалимской и значеніе этой формы жизни. Благотворительность церкви апостольской.

4. Преобразованіе жизни государственной и международныхъ отношеній.

Нравственные недостатки нѣкоторыхъ членовъ церкви вѣка апостольскаго.

Глава 4-я.

Христіанское богослуженіе въ вѣкѣ апостольскомъ.

Общее замѣчаніе о характерѣ богослуженія церкви апостольской.

Первоначальная связь богослуженія христіанскаго съ іудейскимъ храмовымъ богослуженіемъ, и постепенная вы-

работка самостоятельныхъ общественно-богослужебныхъ собраній.

Составныя части богослуженія христіанскаго.

Евхаристія, какъ средоточіе и сущность христіанскаго богослуженія. Агапы.

Замѣчаніе о внѣшнемъ порядкѣ богослужебныхъ собраній.

Таинство крещенія; совершеніе крещенія въ вѣкѣ апостольскомъ.

Таинственное запечатлѣніе дарами Духа Святаго (миропомазаніе).

Покаяніе, бракъ, елеопомазаніе.

Мѣсто христіанскаго богослуженія въ церкви вѣка апостольскаго.

Время богослуженія. День Господень.

Замѣчаніе о годичныхъ праздникахъ.

Глава 5-я.

Церковное устройство и управленіе.

Основаніе церковной власти и управленія въ обѣтованіи I. Христа.

Апостолы, пророки и евангелисты.

Діаконы, пресвитеры и епископы. Діакониссы.

Отношеніе между пастырями и пасомыми.

Избраніе въ церковныя должности и поставленіе.

Соборъ, какъ высшая власть въ церкви. Соборы вѣка апостольскаго.

Періодъ второй

(вѣкъ исповѣдниковъ и мучениковъ).

Глава 1-я.

Внѣшнее положеніе церкви въ мірѣ въ этотъ періодъ.

а) Гоненія на церковь.

Общія замѣчанія; причины гоненій.

Исторія гоненій до времени Траяна.

Состояніе христіанства отъ Траяна до Марка Аврелія.

Гоненіе Марка Аврелія.

Положеніе христіанъ при Коммодѣ и Геліогабалѣ—до Декія.

Гоненіе Декія, Галла, Волузіана и Валеріана.

Положеніе христіанъ съ 281 до 303 г.

Гоненіе Діоклитіана. Эдиктъ Галерія, Константина и Ликинія о прекращеніи гоненія

Литературная борьба язычества съ христіанствомъ.

Общія замѣчанія о сочиненіяхъ язычниковъ противъ христіанства.

Взглядъ эпикурейцевъ на христіанство,—Лукіанъ. Мнѣніе стоиковъ о христіанствѣ,—Аррiанъ. Враждебное отношеніе къ христіанству платониковъ: Цельсъ и его полемика; Порфирій, Филостратъ, Ямвлихъ, Іероклъ.

Апологетика церкви: апологіи судебно-защитительныя и полемико-учено-доказательныя.

б) Распространеніе христіанской вѣры, среди гоненій, во 2-мъ и 3-мъ вѣкѣ.

Начало христіанской церкви въ Галліи, Германіи, Британіи, Сѣверной Африкѣ и Испаніи.

Глава 2-я.

Христіанское богословіе.

Развитіе ученія христіанскаго въ борьбѣ съ заблужденіями.

Характеръ внутренней борьбы церкви съ іудейскимъ и языческимъ заблужденіемъ.

Евіонейство и гностицизмъ.

Назорейство, какъ менѣе враждебное христіанству Іудейское заблужденіе.

Чистое Евіонейство.

Евіонейство Лже-Климентинъ.

Гностицизмъ. Имя. Происхожденіе. Черты, общія всѣмъ системамъ гностическимъ: источникъ познанія, догматика, антропологія, этика, литургика и устройство.

Частныя школы гностическія.

Группа александрійская: Василидъ, Валентинъ, Офиты, Сиѳіане, Ператики, Каиниты, Карпократъ, Антитанты.

Группа сирійская: Сатурнинъ, Татіанъ, Вардесанъ и Маркіонъ.

Манихейство; его внѣшняя исторія, ученіе, устройство и богослуженіе.

Общій взоръ на ходъ раскрытія ученія христіанскаго въ настоящій періодъ.

Священное писаніе и свящ. преданіе. Правило вѣры. Символъ апостольскій.

Ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ.

„ о Христѣ, Его Божествѣ и человѣчествѣ.

„ о св. Духѣ.

„ о Тройцѣ.

Еретическія уклоненія отъ вселенскаго ученія церкви о св. Тройцѣ.

Монархіане динамическіе: Алоги, Ѳеодотіане, Артемониты, Павелъ Самосатскій.

Монархіане модалистическіе: Праксей, Виріллъ, Савеллій.

О послѣдней судьбѣ міра. Хиліазмъ.

Глава 3-я.

Христіанская жизнь.

Взглядъ отцовъ церкви этого періода на преобразовательное дѣйствіе нравственной силы христіанства на міръ.

Характеръ жизни христіанской въ этотъ періодъ, какъ борьбы съ противо-нравственною дѣйствительностію.

Отношеніе къ языческимъ общественнымъ удовольствіямъ и къ службѣ государственной.

Преобразовательное вліяніе христіанства на соціальныя отношенія; зачатки уничтоженія рабства.

Супружество и семейная жизнь христіанъ въ настоящій періодъ.

Общественныя отношенія христіанъ.

Аскетизмъ христіанскій и отличіе его отъ аскетизма языческаго и еретическаго.

Безбрачіе и добровольная нищета.

Начало анахоретства (монашества).

Христіанское отношеніе къ усопшимъ. Образъ погребенія. Общія усыпальницы—катакомбы.

Уклоненіе отъ здраваго направленія жизни христіанской въ этотъ періодъ. Монтанизмъ, его внѣшняя исторія и ученіе.

Глава 4-я.

Богослуженіе.

Мѣсто богослуженія общественнаго.

Особенные въ недѣлѣ дни богослужебныхъ собраній.

Годичные праздники.

Исторія спора пасхальнаго.

Отношеніе церкви къ изящнымъ искусствамъ. Употребленіе въ храмахъ свящ. изображеній.

Образъ совершенія общественнаго богослуженія въ этотъ періодъ.

Евхаристія, какъ таинство и центръ общественнаго богослуженія. Судьба агапъ.

Таинство крещенія. Ученіе церкви объ этомъ таинствѣ. Оглашеніе и классъ оглашенныхъ. Образъ совершенія таинства крещенія въ этотъ періодъ.

Совершеніе таинства миропомазанія.

Крещеніе дѣтей и споры о перекрещиваніи еретиковъ.

Глава 5-я.

Церковное устройство, управленіе и дисциплина.

Положеніе епископовъ въ церкви этого періода, какъ преемниковъ власти апостольской.

Раздѣленіе членовъ церкви на клиръ и народъ.

Появленіе новыхъ должностей церковныхъ.

Вселенское единство церкви и ученіе объ немъ отцовъ.

Частные центры церковнаго управленія.

Преимущества нѣкоторыхъ церквей и начало митрополитанскаго и патріаршескаго управленія.

Взаимообщеніе частныхъ церквей и завершеніе каѳолическаго единства церкви въ соборахъ.

Важнѣйшіе соборы этого періода.

Церковная дисциплина періода гоненій. Публичное и тайное покаяніе.

Споры о принятіи падшихъ въ церковь и возникшіе отсюда расколы: Карѳагенскій—Фелициссима, Новаціанскій и Мелетіанскій.

Періодъ 3-й.

(ВѢКЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ).

Глава 1-я.

Внѣшнее положеніе церкви въ мірѣ въ этотъ періодъ.

1. Паденіе язычества и побѣда христіанства въ Римскомъ государствѣ.

Константинъ Великій и его сыновья.

Юліанъ отступникъ и реакція язычества.

Валентиніанъ и Граціанъ.

Ѳеодосій и его преемники; окончательное паденіе язычества въ Римской имперіи.

2. Распространеніе христіанства внѣ Римской имперіи.

Армянская и Грузинская церкви.

Сироперсидская церковь.

Арабская и Ѳіопская церкви.

Британская церковь.

Распространеніе христіанства между готами и др. кочевыми германскими племенами посредствомъ аріанскихъ проповѣдниковъ.

Торжество вселенскаго православія надъ аріанствомъ у германскихъ племенъ при посредствѣ франковъ.

Христіанство у англосаксовъ.

3. Возвышеніе христіанства на степень господствующей религіи въ Римской имперіи и взаимное отношеніе между церковью и государствомъ.

Вліяніе государства на церковь въ Римской имперіи:

а) на внѣшнюю ея сторону: обезпеченіе состоянія церкви; освобожденіе церкви отъ повинностей; освобожденіе церкви отъ суда гражданскаго,

б) вліяніе на ходъ внутренней жизни церкви.

Вліяніе церкви на государство: на управленіе и законодательство.

Вредныя слѣдствія соединенія церкви съ государствомъ въ выразившіяся въ позднѣйшей исторіи византійской имперіи.

Отношеніе между церковью и государствомъ въ новыхъ германскихъ королевствахъ.

Зависимость церкви отъ государства.

Вліяніе церкви на ходъ жизни государственной.

Глава 2-я.

Христіанское богословіе.

Общій взоръ на движеніе мысли богословской въ этотъ періодъ.

1. Научно-богословскія направленія: александрійское, антіохійское съ вѣтвію восточно-сирійскою. Богословское направленіе Запада.

Богословіе 6-го и 7-го столѣтій.

2. Религіозно-богословскіе споры и выработка вселенскаго православія.

Аріанство и раскрытіе, въ борьбѣ съ нимъ, православнаго ученія о св. Тройцѣ.

Аріанскіе споры до Никейскаго собора.

Побѣда надъ ересью на первомъ вселенскомъ соборѣ.

Аріанская и полуаріанская реакція. Македоніане или духоборцы.

Второй вселенскій соборъ и окончательная побѣда никейскаго православія.

Споры оригенитскіе.

Оригенитскій споръ въ Палестинѣ, въ Египтѣ и Константинополѣ: Ѳеофилъ и Златоустъ.

Раскрытіе ученія о Богочеловѣкѣ.

Заблужденіе Аполлинарія.

Различіе въ христологическихъ взглядахъ антіохійцевъ и александрійцевъ.

Борьба несторіанская и побѣда православія на третьемъ вселенскомъ соборѣ.

Борьба съ евтихіанствомъ.

Разбойничій соборъ.

Соборъ Халкидонскій и побѣда православія.

Монофизитскіе споры и пятый вселенскій соборъ.

Моноѳелитство и 6-ой вселенскій соборъ.

Раскрытіе ученія о возрожденіи.

Характеръ и значеніе споровъ пелагіанскихъ.

Блаж. Августинъ и его ученіе.

Пелагій и его теорія.

Столкновеніе двухъ теорій.

Крайность въ ученіи Августина о предопредѣленіи и полупелагіанство.

Побѣда полуавгустинизма и соборъ Оранжскій.

Глава 3-я.

Богослуженіе.

Общій взоръ.

Священныя времена: а) кругъ недѣльный: гражданское и церковное празднованіе воскреснаго дня. Празднованіе среды и пятка;

б) кругъ годичный. Праздникъ Пасхи съ предшествующими богослужебными днями; праздникъ Вознесенія Господня, Богоявленія, Рождества Христова. Праздники въ честь Богоматери. Праздники въ честь мучениковъ и др. святыхъ; почитаніе ихъ мощей.

Священныя дѣйствія.

Совершеніе литургіи. Литургійные чины на востокѣ и западѣ; писанныя литургіи.

Совершеніе крещенія и прочихъ таинствъ. Церковные обычаи при погребеніи умершихъ.

Богослужебныя зданія. Исторія церковной архитектуры; внѣшняя форма и внутреннее устройство церквей. Освященіе церквей.

Церковныя принадлежности и украшенія.

Иконы. Исторія употребленія и почитанія иконъ. Ересь иконоборческая. Седьмой вселенскій соборъ. Исторія иконоборства послѣ вселенскаго собора.

Глава 4-я.

Церковная дисциплина и жизнь христіанская.

Смягченіе церковной дисциплины и расколъ донатистскій. Чинъ покаянія. Тайная исповѣдь. Институтъ пресвитеровъ покаянія. Дисциплинарныя правила Василія Великаго и др. Пенитенціальныя книги западной церкви.

Состояніе нравственности. Монашество. Исторія монашества на востокѣ: Павелъ Ѳивейскій, Антоній, Пахомій, Иларіонъ. Столпники. Извращеніе по мѣстамъ жизни монашеской. Василій Великій и его правила монашескія.—Монашество на Западѣ. Первоначальная его исторія. Бенедиктъ Нурсійскій и организація монашества на Западѣ.

Глава 5-я.

Церковное устройство и управленіе.

Общія замѣчанія о положеніи духовенства въ церкви въ этотъ періодъ.

Образованіе духовенства, избраніе и посвященіе; бракъ и безбрачіе.

Организація клира; умноженіе церковныхъ должностей.

Епископы и епархіальное управленіе.

Митрополиты и кругъ ихъ власти.

Патріархи; соборное законодательство о власти патріаршеской.

Вселенскіе соборы, какъ высшая власть въ церкви вселенской.

Притязанія римскаго патріарха на главенство въ церкви:

а) борьба римскаго патріарха съ константинопольскимъ за первенство;

б) введеніе римскаго главенства на Западѣ" [1]).

По приведенной сейчасъ программѣ М. Г. Ковальницкій читалъ лекціи въ тотъ годъ, когда ревизовалъ Кіевскую духовную Академію † митрополитъ Макарій Булгаковъ, какъ увидимъ скоро, одобрившій и программу и самыя лекціи молодаго профессора. Окончательно разработанная къ данному времени программа древней общей церковной исторіи оставалась у М. Г. Ковальницкаго безъ какихъ либо существенныхъ перемѣнъ и въ дальнѣйшее время, до самаго введенія новаго академическаго устава. Перемѣны, вносившіяся по временамъ профессоромъ въ свою программу, касались не существа дѣла, а преимущественно второстепенныхъ сторонъ и событій, выражаясь, напр., въ иномъ размѣщеніи главъ, въ дополненіи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, а иногда въ сокращеніи программы. Такъ, напр., въ „программѣ лекцій по древней общей церковной исторіи, читанныхъ студентамъ 2-го курса церковно-историческаго отдѣленія Кіевской духовной Академіи въ теченіи $188^2/_3$ академическаго года" [1]) экстра-ординарнымъ профессоромъ М. Г.

---

[1]) См. тамъ же (по Совѣту) за 1874 г. д. № 21.

[2]) См. тамъ же (по Совѣту) за 1883 г. д. № 20.

Ковальницкимъ, отсутствуютъ въ третьемъ періодѣ („*вѣкъ вселенскихъ соборовъ и учителей церкви*“) послѣднія двѣ главы: *четвертая* („церковныя дисциплина и христіанская жизнь“) и *пятая* („церковное устройство и управленіе“); во всемъ остальномъ программа $188^2/_3$ учебнаго года почти буквально совпадаетъ съ программою $187^3/_4$ академическаго года, выше напечатанною.

Кромѣ лекцій по древней общей церковной исторіи, читанныхъ студентамъ 2 курса церковно-историческаго отдѣленія, М. Г. Ковальницкій, при дѣйствіи въ Академіи устава 1869 года, велъ такъ называемыя практическо-спеціальныя занятія съ тѣми студентами IV курса церковно-историческаго отдѣленія, которые предметомъ своего спеціальнаго изученія избирали церковную исторію. Съ характеромъ, объемомъ и особенностями этихъ занятій насъ подробно знакомитъ слѣдующій отчетъ о нихъ, представленный доцентомъ М. Г. Ковальницкимъ 21 апрѣля 1876 года:

„Отчетъ о практическо-спеціальныхъ занятіяхъ студентовъ 4-го курса церковно-историческаго отдѣленія Кіевской духовной Академіи, по предмету древней общей церковной исторіи за 1875—6 академическій годъ.

Послѣ предварительнаго ознакомленія съ современнымъ состояніемъ церковно-исторической науки,—причемъ въ общихъ чертахъ охарактеризованы болѣе видные представители ея въ послѣднее время и сдѣлана оцѣнка ихъ важнѣйшихъ церковно-историческихъ трудовъ,—разобрана первая половина „программы общей церковной исторіи для духовныхъ семинарій“. Указано ея отличіе въ нѣкоторыхъ частяхъ отъ программы лекцій по древней общей церковной исторіи, прослушанныхъ студентами во время академическаго курса; ея особенности, условленныя положеніемъ науки церковной исторіи въ ряду другихъ богословскихъ наукъ семинарскаго курса; обращено вниманіе на нѣкото-

рые недостатки программы, причемъ была указана возможность исправленія этихъ недостатковъ безъ нарушенія общаго строя программы.

Разсмотрѣна была какъ съ точки зрѣнія безотносительно-научной, такъ и въ качествѣ учебника принятая за учебникъ для семинарій церковная исторія Смирнова; причемъ обсуждались ея особенности въ сравненіи съ семинарской программой и болѣе видные недостатки. Въ связи съ этимъ разобраны были и другіе болѣе замѣтные курсы церковной исторіи на русскомъ языкѣ.

Проанализованы древнѣйшіе памятники церковной письменности: творенія мужей апостольскихъ, апологетовъ, св Иринея и Ипполита; при этомъ указано, для изученія какихъ главнымъ образомъ сторонъ исторіи древней церкви эти произведенія даютъ матеріалъ.

Возстановленъ, насколько позволяютъ сужденія Евсе. вія и сохраненные имъ отрывки, образъ перваго церковнаго историка Егезиппа. Указанъ характеръ его сообщеній и значеніе ихъ для церковной исторіи.

Разобрана церковная исторія Евсевія Кесарійскаго. Между прочимъ, охарактеризовано научно-богословское направленіе Евсевія, насколько оно отразилось въ его церковно-историческихъ трудахъ; его церковно-государственное положеніе и отношенія, условливавшія пріобрѣтеніе средствъ для такого капитальнаго труда, какъ его церковная исторія; указаны источники, которыми онъ пользовался, и какъ пользовался; проанализовано содержаніе; указанъ главный предметъ его исторіи; отмѣчены болѣе крупныя особенности въ изображеніи и оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ явленій изъ жизни древней церкви; историческій методъ и авторская манера Евсевія.

Разсмотрѣна его же книга о палестинскихъ мученикахъ; указано отношеніе ея къ послѣднимъ книгамъ церковной исторіи.

Оцѣнена его же Жизнь Константина.

Сдѣланъ анализъ церковной исторіи Сократа. Его отношеніе къ исторіи Евсевія, источники; его пониманіе задачи историка; его религіозно-богословскія убѣжденія, какъ они вліяли на его историческій трудъ. Содержаніе его исторіи; стороны жизни церкви, на которыя онъ обращалъ преимущественное вниманіе Особенности въ его историческомъ пониманіи извѣстныхъ явленій жизни церковной и проч.

Тѣмъ же методомъ студенты ознакомлены были съ историческими трудами Созомена, Ѳеодорита, Евагрія и отрывками изъ Филосторгія. Въ дополненіе къ этимъ церковно-историческимъ трудамъ, студенты ознакомлены были посредствомъ общаго анализа съ сочиненіемъ блаж. Агустина de civitate Dei, представляющимъ первый опытъ христіанской философіи исторіи. При этомъ предложена была характеристика религіозно-нравственнаго развитія и сущности богословскихъ воззрѣній Августина и значеніе ихъ для его религіозно-историческихъ воззрѣній

Сдѣланы руководящія указанія къ изученію „Дѣяній вселенскихъ соборовъ“ (въ переводѣ Казанской Академіи) и проанализовано самое содержаніе „Дѣяній“.

Изъ новѣйшихъ иностранныхъ пособій разобраны и предложены были для изученія слѣдующія: церковныя исторіи Неандера и Курца; церковныя исторіи Альцога, Крауза, Брука; церковная исторія Гетте. При разборѣ этихъ сочиненій, показаны были особенности воззрѣній на ходъ жизни церкви въ древнѣйшій періодъ—протестантскаго, римско-католическаго и православнаго. При анализѣ, главнымъ образомъ, параграфовъ, трактующихъ о вопросахъ христіанской жизни и ученія, въ пониманіи которыхъ протестанство и католичество расходятся съ православіемъ, дѣланы были замѣчанія для безошибочнаго пользованія пособіями католическими и протестантскими.

Для большей основательности въ изученіи указанныхъ произведеній, студентами составлялись рефераты, которые прочитываемы и обсуждаемы были на лекціяхъ.

Сдѣланы были опыты передачи пріобрѣтеннаго запаса свѣдѣній церковно-историческихъ въ формѣ уроковъ, примѣнительно къ потребностямъ семинарскихъ слушателей“ [1]).

По такому же приблизительно плану и въ томъ же объемѣ велъ проф. М. Г. Ковальницкій практическо спеціальныя занятія съ студентами IV курса церковно-историческаго отдѣленія и въ другіе годы до конца дѣйствія въ Академіи устава 1869 года. Подмѣченныя нами въ отчетахъ объ этихъ занятіяхъ, подобныхъ (отчетахъ) вышенапечатанному, измѣненія касаются почти исключительно частностей, а не существа, количества и порядка, а не качества и самаго характера занятій [2]).

Въ 1884 г. въ Академіи былъ введенъ новый уставъ. По этому новому уставу, въ Академіи полагалась *одна* (вмѣсто прежнихъ двухъ) каѳедра для общей церковной исторіи, при одномъ штатномъ профессорѣ. Еще нѣсколько раньше (28 октября 1883 года) скончался ординарный (съ 30 марта 1878 г.) профессоръ Кіевской духовной Академіи по каѳедрѣ общей (новой) церковной исторіи А. Д. Вороновъ [3]). Такимъ образомъ, въ Кіевской Академіи къ $188^4/_5$ учебному году единственнымъ профессоромъ по церковной общей исторіи оставался М. Г. Ковальницкій, который съ того времени и сталъ читать *весь* курсъ науки. Онъ имѣлъ обыкновенно 3 лекціи на третьемъ курсѣ, студентамъ котораго читалъ исторію древней общей церковной исторіи, и одну лекцію на четвертомъ курсѣ, студентамъ котораго излагалъ исторію право-

---

[1]) См. тамъ же (по Совѣту) за 1876 г. д № 33.

[2]) Ср. тамъ же (по Совѣту) за 1875 г. д. № 32 и др.

[3]) См. некрологъ его въ Трудахъ Кіев. дух. Акад. 1884 г. январьская книжка стр. 136—144.

славно-восточной церкви со времени отпаденія западной церкви отъ нея.

Программа чтеній проф. М. Г. Ковальницкаго по древней общей церковной исторіи осталась и теперь почти безъ всякихъ *существенныхъ перемѣнъ*. Для преподаванія же исторіи православно-восточной церкви, со времени отпаденія отъ нея западной церкви, онъ долженъ былъ, разумѣется, составить новую программу. Программа эта, вырабатывавшаяся профессоромъ постепенно, сложилась у него окончательно, повидимому, черезъ 3—4 года послѣ того, какъ онъ сталъ преподавать и новую общую церковную исторію. О составѣ, объемѣ и др. особенностяхъ этой программы лучше всего можетъ свидѣтельствовать „отчетъ о лекціяхъ по общей церковной исторіи, предложенныхъ студентамъ 4-го курса Кіевской духовной Академіи въ 1888—9 академическомъ году“, представленный проф. М. Г. Ковальницкимъ 1 мая 1889 года. Вотъ этотъ отчетъ.

„Отчетъ о лекціяхъ по общей церковной исторіи, предложенныхъ студентамъ 4 курса Кіевской духовной Академіи въ 1888—9 академическомъ году.

(ОДИНЪ ЧАСЪ ВЪ НЕДѢЛЮ).

Исторія церкви православной—восточной по раздѣленіи церквей.

Общій обзоръ церковно-іерархическихъ отношеній, сложившихся на христіанскомъ востокѣ и западѣ къ 9-му вѣку

Патріархатный строй на востокѣ; возвышеніе константинопольскаго патріарха (начиная со 2-го вселенскаго собора).

Римскій папа. Ростъ вліянія каѳедры Петра на Западѣ. Притязанія папъ на главенство іерархическое и на Востокѣ.

Столкновеніе между христіанскимъ востокомъ и западомъ въ лицѣ патріарха константинопольскаго и папы римскаго.

Значеніе церковныхъ религіозно-богословскихъ и національно-политическихъ мотивовъ въ вопросѣ о раздѣленіи

церквей: западной-латино-франкской и восточной—греческой (ромейской).

Церковь восточная (греческая) послѣ иконоборческихъ смутъ.

1. *Внѣшній ходъ церковныхъ событій и между—церковныя отношенія.*

Состояніе церкви и государства ко времени торжества православія 842 года.

Внутреннія церковныя отношенія предъ вступленіемъ на каѳедру Фотія, условливавшія теченіе жизни церкви этого времени.

Патріархъ константинопольскій Меѳодій. Первое патріаршество Игнатія.

Фотій, патріархъ константинопольскій. (Оцѣнка извѣстій о Фотіи, сообщаемыхъ приверженцами противной Фотію церковной партіи).

Жизнь Фотія до вступленія на патріаршій престолъ. Его происхожденіе, образованіе и дѣятельность до патріаршества. Отношеніе Фотія къ церковно-политическимъ партіямъ своего времени.

Обстоятельства вступленія Фотія на патріаршую каѳедру и первое проявленіе борьбы фотіанъ и игнатіанъ. Участіе власти государственной въ этой борьбѣ. Церковная дѣятельность Фотія въ первые годы его патріаршества. Начало письменныхъ сношеній Фотія съ папой Николаемъ 1-мъ. Властныя притязанія папы на востокъ и его отношеніе къ Фотію.

Константинопольскій соборъ 861 года. Состояніе дѣлъ константинопольскихъ — церковныхъ и государственныхъ послѣ собора. Враждебныя дѣйствія папы Николая послѣ собора: анаѳема Фотію.

Борьба между восточною и западною церквами изъ-за болгарской церкви. Догматическія и обрядовыя разности

западной церкви и обличеніе ихъ Фотіемъ. Константинопольскій соборъ 867 г. и осужденіе папы Николая. Участіе франкскихъ богослововъ въ борьбѣ Николая съ Фотіемъ.

Императоръ Василій Македонянинъ. Низложеніе Фотія и вторичное возведеніе Игнатія. Соборы противъ Фотія въ Римѣ и Костантинополѣ въ 869 году.

Вторичное возведеніе Фотія на патріаршество. Папа Іоаннъ 8-й. Константинопольскій соборъ 879 года. Осужденіе на соборѣ западныхъ догматическихъ заблужденій (filioque). Дѣятельность Фотія на пользу церкви въ послѣдніе годы его патріаршества. Вторичное его низложеніе и смерть.

Ходъ жизни церкви православной—восточной послѣ патріарха Фотія.

Общій характеръ отношеній между восточною и западною церквами до времени патріарха константинопольскаго Михаила Кируларія.

Отношеніе византійскихъ императоровъ къ церкви: вліяніе ихъ на ходъ дѣлъ церковныхъ.

Патріархи: Стефанъ царевичъ и Антоній Ковлей. Умиреніе смуты церковной, возбужденной дѣломъ Игнатія—Фотія.

Императоръ Левъ Философъ. Его участіе въ дѣлахъ церковныхъ, особенно въ развитіи церковнаго законодательства.

Патріархъ Николай Мистикъ. Столкновеніе его съ императоромъ Львомъ. Борьба императора съ патріархомъ по поводу 4-го брака императора.

Дѣятельность патріарха Николая на пользу церкви и государства.

Патріархи: Стефанъ 2-й, Трифонъ, Ѳеофилактъ.

Патріархъ Поліевктъ; его церковная дѣятельность.

Отношеніе къ дѣламъ церковнымъ императоровъ: Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія.

Дѣла церковныя при преемникахъ Поліевкта до Михаила Кируларія.

Патріархъ константинопольскій Михаилъ Кируларій. Его личный характеръ; обстоятельства вступленія его на каѳедру. Его мѣропріятія во внутреннихъ дѣлахъ церкви. Борьба его съ Римомъ и такъ называемое окончательное раздѣленіе церквей. Поводъ къ усиленію непріязненныхъ отношеній между востокомъ и западомъ. Мѣры патріарха по отношенію къ латинянамъ, жившимъ въ Константинополѣ. Посланіе Льва, архіепископа Охридскаго, къ Іоанну, епископу Тролійскому, о заблужденіяхъ западной церкви. Сношенія по поводу этого письма между папою Львомъ 9-мъ, греческимъ императоромъ и константинопольскимъ патріархомъ. Игуменъ Никита Стифатъ и его полемика противъ латинянъ. Папскіе легаты въ Константинополѣ. Кардиналъ Гумбертъ и характеръ его полемики противъ восточныхъ, грамота отлученія на восточную церковь. Соборное осужденіе папскихъ легатовъ. Посланія патріарха Михаила къ восточнымъ патріархамъ о дѣйствіяхъ папскихъ легатовъ и о латинскикъ заблужденіяхъ. Сужденіе Петра, патр. антіохійскаго, о догматическихъ и обрядовыхъ разностяхъ западной церкви. Низложеніе и смерть Михаила Кируларія.

Состояніе восточно-православной церкви внѣ византійской имперіи.

Восточные патріархаты послѣ завоеванія Сиріи, Палестины, Египта магометанами. Сравнительное положеніе православныхъ, несторіанъ и монофизитовъ подъ властью магометанъ. Гоненія на христіанъ при халифахъ—Мутаваккинѣ и Гакетѣ. Притѣсненія поклонниковъ святыхъ мѣстъ Палестины. Усиленіе преслѣдованій христіанъ отъ турокъ-сельджуковъ.

2. Распространеніе православнаго христіанства внѣ византійской имперіи.

Оживленіе миссіонерской дѣятельности церкви православной—восточной со времени Фотія. Братья-миссіонеры Константинъ-Кириллъ и Меѳодій. Ихъ происхожденіе, образованіе и жизнь до начала миссіонерской дѣятельности. Миссіонерское путешествіе Константина къ Сарацинамъ. Миссіонерская дѣятельность и успѣхъ свв. братьевъ у хазаръ. (Судьба христіанства у хазаръ послѣ Кирилла и Меѳодія. Христіанство у аланъ).

Мораво-паннонская миссія свв. Кирилла и Меѳодія. Подготовленіе ихъ къ этому подвигу: изобрѣтеніе славянской письменности и переводъ на славянскій языкъ свящ и церковно-богослужебныхъ книгъ. Христіански-просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи и борьба съ латино-нѣмецкимъ вліяніемъ до путешествія въ Римъ. Значеніе путешествія въ Римъ свв. братьевъ. Кончина Кирилла въ Римѣ. Мораво-паннонская дѣятельность Меѳодія, какъ архіепископа. Кончина св. Меѳодія. Значеніе церковно-просвѣтительной дѣятельности Меѳодія для славянства вообще.

Основаніе и устроеніе церкви болгарской.

Начало христіанства между осѣвшими въ предѣлахъ византійской имперіи славянами.

Христіанство въ Болгаріи до Бориса. Принятіе христіанства Борисомъ изъ Византіи и крещеніе болгарскаго народа. Обращеніе Бориса къ папѣ и борьба между латинскимъ и греческимъ вліяніемъ въ Болгаріи. Окончательное устроеніе церкви болгарской при Борисѣ подъ руководствомъ патріарховъ константинопольскихъ. Переходъ въ Болгарію изъ Моравіи учениковъ и сотрудниковъ Меѳодія. Національно-славянскій характеръ ихъ просвѣтительной дѣятельности. Высокій подъемъ умственной и религіозной жизни государства и церкви болгарской подъ ихъ вліяніемъ. Вѣкъ болгарскаго царя Симеона. Просвѣтительная дѣятель-

ность Симеона. Замѣчательнѣйшіе дѣятели церкви болгарской этого времени. Политическое и церковное ослабленіе Болгаріи послѣ Симеона. Разрушеніе перваго болгарскаго государства. Усиленіе греко византійскаго вліянія на церковную и вообще духовную жизнь Болгаріи—до образованія второго болгарскаго государства.

Дальнѣйшій ходъ жизни церкви православной—восточной послѣ патріарха Михаила Кируларія.

Состояніе церкви константинопольской въ правленіе императоровъ изъ фамилій Комненовъ и Ангеловъ.

Исаакъ Комненъ и его отношеніе къ церкви. Патріархи: Константинъ Лихудъ и Іоаннъ Ксифилинъ.

Участіе императора Алексѣя Комнена въ дѣлахъ церковныхъ. Его новеллы по различнымъ церковнымъ вопросамъ. Мѣры его по отношенію къ еретикамъ. Его распоряженія по вопросу о церковныхъ имуществахъ.

Западные крестовые походы. Ихъ значеніе въ исторіи церкви православной—восточной. Стремленіе латинянъ къ завоеванію Сиріи и Палестины, къ подчиненію православнаго востока Риму. Угнетеніе православныхъ латинами въ патріархатахъ іерусалимскомъ и антіохійскомъ. Притѣсненіе православныхъ латинами по взятіи Константинополя крестоносцами. Латинская іерархія въ Константинополѣ и въ другихъ восточныхъ церквахъ.

Состояніе патріархіи константинопольской (никейской) во время господства въ Константинополѣ латинянъ.

Состояніе церкви константинопольской по возвращеніи Константинополя греками. Династія Палеологовъ.

Сношенія между Константинополемъ и Римомъ по вопросу о соединеніи церквей послѣ патр. Михаила Кируларія.

Общій характеръ и исходъ попытокъ единенія между восточною и западною церквами.

Сношенія между востокомъ и западомъ предъ крестовыми походами, во время крестовыхъ походовъ—до освобожденія Константинополя изъ—подъ владычества латинянъ.

Затруднительныя политическія обстоятельства греческой имперіи по возвращеніи Константинополя и Люнская унія Сношенія императора Михаила Палеолога съ папами по вопросу о соединеніи церквей. Мотивы къ этому соединенію. Отношеніе патріарха, клира восточнаго и народа къ предполагаемому единенію. Патріархъ Іосифъ. Іоаннъ Веккъ. Лiонскій соборъ и установленіе единенія. Протестъ со стороны духовенства и народа константинопольскаго противъ уніи. Насильственныя мѣры императора къ введенію уніи. Уничтоженіе уніи при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ.

Уніонныя сношенія между востокомъ и западомъ послѣ лiонской уніи до уніи флорентійской.

Подготовленіе флорентійской уніи. Начало сношеній между Константинополемъ и Римомъ по вопросу о вселенскомъ соборѣ для соединенія церквей. Ферраро-флорентійскій соборъ. Представители восточной церкви на этомъ соборѣ. Пріемъ, оказанный имъ западными. Ходъ богословскихъ преній въ засѣданіяхъ соборныхъ. Пренія о чистилищѣ, объ исхожденіи Св. Духа и проч. Соборное опредѣленіе о соединеніи церквей. Поведеніе восточныхъ представителей на соборѣ. Осужденіе восточною церковью уніи, состоявшейся во Флоренціи. Противники и защитники уніи.

Состояніе дѣлъ церковныхъ въ византійской имперіи предъ самымъ паденіемъ Константинополя.

Церковное просвѣщеніе, богословіе, литература.

Оживленіе просвѣщенія подъ воздѣйствіемъ церкви и государства послѣ смутъ иконоборческихъ. Средства образованія. Школы. Направленіе образованія. Возбужденіе интереса къ древнимъ классикамъ. Отношеніе ученыхъ разсматриваемаго времени къ богословію предыдущаго періода.

Религіозно-богословскіе вопросы, обслѣдованіемъ которыхъ занимались представители церкви и ученые богословы этого времени.

Замѣчательнѣйшіе богословскіе дѣятели въ области догматики, полемики, экзегетики и церковной исторіи—отъ Фотія до Геннадія Схоларія.

Ереси и богословскіе споры (религіозныя движенія въ народѣ).

Павликіанство. Его происхожденіе и распространеніе въ Арменіи и Малой Азіи. Борьба его съ греческимъ государствомъ и церковью. Павликіанское ученіе, культъ, религіозная организація. Переселеніе павликіанъ въ Европу.

Евхиты.

Богомилы, ихъ происхожденіе, ученіе и культъ. Мѣры греческихъ императоровъ противъ богомиловъ.

Споры варлаамитовъ и паламитовъ.

Церковное управленіе.

Церковное и государственное воззрѣніе на отношеніе между церковью и государствомъ. Уклоненіе на практикѣ отъ идеальнаго номоканоническаго взгляда на отношеніе между церковью и государствомъ. Произвольное вторженіе государства въ внутреннія дѣла церкви. Самовластіе императоровъ въ дѣлѣ поставленія и низверженія патріарховъ, въ вопросахъ вѣры, церковнаго права и проч.

Смуты церковныя, какъ результатъ преобладанія государства надъ церковью. Протесты представительства церковнаго противъ вмѣшательства государства въ дѣла церкви. Расколъ арсеніанскій.

Нравственная жизнь.

Уровень общественной и частной нравственности въ сравненіи съ предыдущими періодами. Выдающіеся нравственные недостатки. Народныя суевѣрія и мѣры противъ нихъ.

Монашество Судьба его въ періодъ иконоборческій. Значеніе и вліяніе монашества на ходъ дѣлъ церковныхъ и государственныхъ со времени иконоборства и далѣе.

Движеніе въ монастыри—вольное и невольное, какъ въ мѣста и убѣжища и ссылки во время церковныхъ и политическихъ смутъ (пострпженіе въ монашество, какъ политическая смерть). Устроеніе новыхъ монастырей, особенно въ Константинополѣ и подгородныхъ—императорами, патріархами, епископами и частными лицами.

Монастыри царскіе, ставропигіальные, епархіальные, частные и независимые. Злоупотребленія въ монастырскомъ строѣ и управленіи. Такъ называемыя харистикіи. Умственный и нравственный уровень монашества столичнаго, подгороднаго и провинціальнаго. Его идеалы и стремленія. Мѣры церковныхъ властей къ преобразованію монастырей и возвышенію нравственнаго уровня монашества.

Болѣе замѣчательные монастыри. Аѳонъ—центръ и сила монашества“ [1]).

По такой же программѣ (двойной) продолжалъ преподавать общую церковную исторію проф. М. Г. Ковальницкій студентамъ двухъ старшихъ курсовъ Академіи и во всѣ послѣдующіе годы, равно какъ и съ 1895 года, когда онъ сдѣлался инспекторомъ и архимандритомъ Димитріемъ. Впрочемъ, необходимо здѣсь оговориться. Программа лекцій, читанныхъ проф. архим. Димитріемъ студентамъ 3-го курса, дѣйствительно, оставалась почти безъ всякихъ, даже количественныхъ перемѣнъ. Но того же нельзя сказать относительно программы по новой общей церковной исторіи, преподававшейся имъ для студентовъ 4-го курса. Эту послѣднюю программу профессоръ, видимо, продолжалъ усовершать преимущественно посредствомъ расширенія объема и углубленія ея содержанія. Напр., въ программѣ на $189^{5}/_{6}$

---

[1]) См. тамъ же (по Совѣту) за 1889 г. д. № 4.

академическій годъ мы видимъ новый (сравнительно съ предыдущею программою) отдѣлъ, посвященный спеціально „обзору состоянія греческой православно - каѳолической церкви, по разрушеніи Византійской имперіи турками“ [1]).

---

[1]) Вотъ содержаніе этого отдѣла:

„Положеніе церкви и народности греческой въ первое время по завоеваніи Константинополя турками. Условная умѣренность Магомета 2-го. Религіозная нетерпимость турокъ и угнетеніе христіанъ при преемникахъ Магомета 2-го. Насильственное обращеніе множества христіанъ въ магометанство Новые мученики

Нравственная и матеріальная поддержка Россіи восточнымъ христіанамъ въ ихъ тяжкомъ положеніи религіозномъ и политическомъ.

Національный и религіозный подъемъ еллинизма и борьба съ турецкою властію за свободу вѣры и права народныя. Учрежденіе самостоятельной церкви королевства греческаго. Улучшеніе при содѣйствіи Россіи положенія и оффиціальное обезпеченіе правъ христіанъ въ Турціи.

Церковное Управленіе.

Новое положеніе патріарха константинопольскаго подъ владычествомъ турокъ, не только какъ высшаго представителя христіанской церкви, но и какъ главы греческой націи.

Печальная судьба константинопольской каѳедры, ставшей предметомъ искательства людей недостойныхъ. Постоянная смѣна турецкою властію патріарховъ. Отмѣтка ряда патріарховъ недостойныхъ, святокупцевъ Характеристика патріарховъ достойныхъ, оцѣнка ихъ правительственной дѣятельности. Патріархъ Самуилъ I-й и его мѣры къ преобразованію церковнаго управленія (реорганизація патріаршаго синода) и вообще къ упорядоченію дѣлъ (и имуществъ) патріархіи.

Вредныя для дѣла вселенской церкви слѣдствія объединенія въ лицѣ патріарха константинопольскаго представительства и вѣры христіанской и народности греческой. Постепенное превращеніе патріаршаго синода въ церковно-народное греческое собраніе. Греческій филетизмъ и гибельное вліяніе его на дѣла подвластныхъ Турціи христіанъ негреческой національности не только въ константинопольскомъ патріархатѣ, но и въ округахъ другихъ восточныхъ патріарховъ.

Вредное вліяніе свѣтскаго элемента въ церковно-народно-патріаршемъ управленіи на дѣла чисто церковныя самого патріархата константинопольскаго. Постоянная смѣна патріарховъ въ новое время, по внутреннимъ интригамъ.

Матерьяльныя средства патріархіи константинопольской.

Духовное Просвѣщеніе.

Глубокій упадокъ просвѣщенія въ греческомъ христіанствѣ послѣ разгрома Византійской имперіи турками. Гибель и грабежъ книжныхъ сокровищъ. Равнодушіе къ нимъ невѣжества

Въ этомъ отдѣлѣ профессоръ обращалъ вниманіе, между прочимъ, на отношеніе восточной православно-каѳолической церкви къ русской церкви. Отдѣлъ заканчивался общею характеристикою религіозно-нравственнаго состоянія христіанства греческаго подъ владычествомъ турокъ [1]).

Обращеніе за образованіемъ на Западъ. Вліяніе латинства на богословскую мысль грековъ, воспитанниковъ западныхъ школъ. Латинофроны.

Аѳонъ, какъ центръ духовно-нравственной жизни и просвѣщенія въ духѣ православія Противодѣйствіе просвѣщенныхъ аѳонитовъ вліянію на православныхъ латинской мысли богословской. Заботы константинопольской и іерусалимской патріархіи о подъемѣ религіознаго образованія.

Движеніе римскаго католицизма на Востокъ и укрѣпленіе его положенія въ св. мѣстахъ христіанства, при поддержкѣ католическихъ государей. Усиленная пропаганда католичества среди православныхъ посредствомъ устройства учебныхъ, благотворительныхъ и другихъ религіозныхъ учрежденій латинскихъ.

Сношеніе протестантовъ съ константинопольскою патріархіею, и попытка распространенія протестантскихъ идей среди православныхъ восточныхъ

Охрана православія патріархомъ Іереміею 2-мъ. Его отвѣты протестантскимъ богословамъ.

Интриги латинянъ и протестантовъ въ Константинополѣ и вызванныя ими смуты въ церкви греческой. Іерархическая и ученая дѣятельность и судьба патріарха Кирилла Лукариса

Соборы православные въ противодѣйствіе вторженію латинства и протестантства въ церковь восточную.

Болѣе замѣчательные писатели греческіе послѣ паденія Константинополя: богословы, полемисты, историки, проповѣдники.

Состояніе Богослуженія.

Уничтоженіе подъ гнетомъ турецкимъ прежняго благолѣпія церковнаго. Убожество храмовъ и утвари церковной. Паденіе уставнаго порядка и благоговѣйности въ совершеніи богослуженія.

Заслуги монастырей аѳонскихъ и другихъ въ дѣлѣ сохраненія древняго чина богослужебнаго совершеніемъ службы по уставу и сбереженіемъ древнихъ богослужебныхъ манускриптовъ въ библіотекахъ монастырскихъ.

Постепенное возстановленіе благолѣпія богослужебнаго въ церквахъ греческихъ при содѣйствіи церкви русской.

Общая характеристика религіозно-нравственнаго состоянія христіанства греческаго подъ владычествомъ турокъ". См. тамъ же (по Совѣту) за 1896 г. д № 13.

[1]) См. тамъ же.

Сдѣлавшись ректоромъ Кіевской духовной Академіи въ 1898 году, почившій Архипастырь не оставилъ своей любимой профессорской дѣятельности. Въ засѣданіи академическаго Совѣта, бывшемъ 31 августа 1898 года, онъ, доложивъ Совѣту свой отзывъ о программѣ, какая была представлена его преемникомъ по каѳедрѣ, въ заключеніе выразилъ желаніе „излагать студентамъ III курса, при одной лекціи въ недѣлю, исторію церкви первыхъ трехъ вѣковъ“ [1]).

Программа чтеній профессора—епископа Димитрія по исторіи церкви въ первые три вѣка ея жизни представляла собою почти точное (дословное) воспроизведеніе прежней его программы, выше напечатанной, по древней общей церковной исторіи, обнимая вступительную часть и первые два періода ея [2]).

Вотъ что можно сказать, на основаніи архивныхъ данныхъ о профессорскихъ программахъ преподаванія почившаго Архипастыря. О самомъ преподаваніи церковной исторіи почившимъ Архипастыремъ и его академическихъ лекціяхъ по этому предмету рѣчь будетъ ниже. Здѣсь было бы интересно рѣшить вопросъ о томъ, въ какой степени былъ независимъ и самостоятеленъ почившій Архипастырь въ своихъ академическихъ чтеніяхъ по церковной исторіи. Къ сожалѣнію, мы, не имѣвъ подъ руками и не слушавъ лекцій его предшественниковъ по каѳедрѣ общей церковной исторіи—древней и новой, не можемъ принять на себя рѣшеніе даннаго вопроса. Сравненіе же программъ его, съ одной стороны, и его предшественниковъ, съ другой стороны, привело насъ къ тому выводу, что почившій Архипастырь, вообще бывшій самостоятельнымъ человѣкомъ въ мысли и въ дѣйствіяхъ, какъ раньше въ преподаваніи нрав-

---

[1]) См. тамъ же Журналы Совѣта Кіев. дух. Акад. за 31 августа 1898 года.

[2]) См тамъ же (по Совѣту) за 1900 г. д. № 13.

ственнаго богословія сразу измѣнилъ систему изложенія предмета сравнительно съ своими учителями, такъ и въ чтеніяхъ по церковной исторіи съ перваго же года своего профессорства пошелъ по своему особенному пути. Предшественникомъ его по каѳедрѣ древней общей церковной исторіи и вмѣстѣ учителемъ его по этому предмету былъ †проф. Н. И. Щеголевъ. Послѣдній, сколько можно судить по его программамъ, особенно за 1863—1867 гг. [1]), преподавалъ древнюю общую церковную исторію по программѣ, которая даетъ право думать, что онъ обращалъ главнѣйшее вниманіе на *фактическое изложеніе исторіи* и мало останавливался на характеристикѣ внутренней жизни церкви. А. М. Г. Ковальницкій, повидимому, съ перваго же года своего профессорства по древней общей церковной исторіи сталъ обращать особенное, преимущественное вниманіе на эту именно послѣднюю сторону науки. По крайней мѣрѣ, такіе отдѣлы его программы, какъ о „христіанскомъ богословіи“ (того или другаго періода церковной жизни), „о церковномъ устройствѣ и управленіи, христіанской жизни и дисциплинѣ“ отличаются особенною полнотою.

По каѳедрѣ новой церковной исторіи предшественникомъ (и учителемъ) М. Г. Ковальницкаго былъ †проф. А. Д. Вороновъ. Послѣдній въ своихъ чтеніяхъ, сколько можно судить о нихъ по его программамъ [2]), обращалъ главнѣйшее вниманіе *на исторію католичества и протестантства;* между тѣмъ какъ въ программахъ М. Г. Ковальницкаго по новой церковной исторіи эта послѣдняя почти совершенно отсутствуетъ. Но каковъ онъ былъ собственно, какъ профессоръ и лекторъ?

М. Г. Ковальницкій былъ *блестящимъ ученымъ профессоромъ Академіи* въ полномъ смыслѣ этого слова. Слушавшій

---

[1]) См. тамъ же по внутр. правл. за 1865 г. д. № 98 и за 1867 г. д. № 152.

[2]) См. тамъ же и ср. Журн. Совѣта Кіев. дух. Акад. за 1881 г.

лекціи М. Г. Ковальницкаго въ маѣ 1874 года, въ качествѣ ревизора Академіи, †митрополитъ (тогда архіепископъ Литовскій) Макарій Булгаковъ въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ, представленномъ св. синоду, далъ такой отзывъ о почившемъ Архипастырѣ, какъ профессорѣ: „Доцентъ по каѳедрѣ общей древней церковной исторіи, магистръ богословія, *Михаилъ Ковальницкій* преподаетъ студентамъ втораго курса три раза въ недѣлю и успѣваетъ прочитать всю назначенную для него часть науки. Студентамъ выдаетъ подробную программу и въ пособіе указываетъ церковную исторію Гассе, переведенную на русскій языкъ при Казанской дух. Академіи. *Съ способностями весьма хорошими и познаніями основательными, лекціи излагаетъ ясно, послѣдовательно, тономъ спокойнымъ, разсудительнымъ*“ [1]).

По словамъ преемника почившаго Архипастыря по ректорству, высокопреосвященаго Платона, нынѣшняго архіепископа Сѣверо-Американскаго, онъ, будучи „глубоко-образованнымъ профессоромъ, всѣми всегда уважаемымъ наставникомъ, былъ *дѣйствительнымъ украшеніемъ профессорской семьи*“ [2]). Почившій профессоръ В. Ѳ Пѣвницкій, съ своей стороны, характеризовалъ архіеп. Димитрія, какъ профессора, въ прощальной рѣчи, сказанной 16 мая 1902 года, слѣдующими словами: „Вступивши на служеніе Академіи, прямо по окончаніи курса, вы вполнѣ оправдали тѣ надежды, какія возлагали на васъ мы, наставники, цѣнившіе вашъ талантъ... Мы видѣли въ васъ *неутомимаго работника*,

---

[1]) Изъ домашняго архива † м Макарія. Кромѣ того, на особомъ спискѣ всѣхъ профессоровъ Кіев. дух. Академіи, представленномъ ревизору Академіи, противъ фамиліи Ковальницкаго М. Г. имѣется замѣтка карандашемъ, сдѣланная, повидимому, во время слушанія ревизоромъ лекціи, или непосредственно послѣ нея, именно слѣдующая: „*Очень способный, владѣетъ даромъ слова,* выражаетъ мысли ясно и послѣдовательно, тономъ спокойнымъ, разсудительнымъ“. М. Макарій представлялъ доцента М. Г. Ковальницкаго къ награжденію орденомъ св Анны 3 ст.

[2]) См. Кіевск. Епарх Вѣдом. 1902 г. № 15 ч. неоф стр. 583.

всецѣло преданнаго наукѣ и блистательно ведущаго свое дѣло. Обладая сильнымъ критическимъ умомъ, вы сразу возвысили ту каѳедру, работать на которой были призваны, и далеко оставили за собою своихъ предшественниковъ, не давшихъ вамъ богатаго наслѣдства. Нѣсколько поколѣній студентовъ слушали ваши уроки и всѣ признавали вашъ ученый авторитетъ, и съ великимъ уваженіемъ относились къ вашимъ чтеніямъ“ [1]).

Преемникъ почившаго Архипастыря по академической каѳедрѣ, нынѣшній профессоръ Харьковскаго университета І. А. Бродовичъ, между прочимъ, такъ характеризовалъ академическія лекціи Владыки Димитрія, хорошо, надѣемся, сохранившіяся и въ памяти его многочисленныхъ академическихъ учениковъ. „Тридцать пять студенческихъ поколѣній прошли предъ вашей профессорской каѳедрой“, говорилъ проф. Бродовичъ въ своей прощальной рѣчи, „и я, судя по себѣ, увѣренъ, что всѣ они сохранили самыя лучшія воспоминанія о вашихъ лекціяхъ. Васъ всегда окружала многолюдная внимательная аудиторія. Ваши лекціи посѣщались съ удовольствіемъ, выслушивались съ интересомъ, усваивались съ пріятностію. Насколько я теперь могу судить по воспоминаніямъ, *ваши чтенія отличались глубиною и основательностію мысли, тщательностію и безукоризненностію отдѣлки.* Обладая замѣчательно тонкимъ критическимъ умомъ и рѣдкой синтетической способностію, вы свободно оріентировались въ разнообразіи научнаго матеріала и, приведя все необходимое въ стройный порядокъ, предлагали своимъ слушателямъ увлекательнѣйшія чтенія. Я не могу надивиться, съ какимъ искусствомъ вы въ сжатой рѣчи давали массу положительныхъ свѣдѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, tacito modo опровергали разныя возраженія, не при-

---

[1]) См. тамъ же стр. 589.

водя самыхъ этихъ возраженій и не называя ихъ авторовъ. Всякій излишній балластъ никогда не находилъ мѣста въ вашихъ лекціяхъ. Въ вашей рѣчи не было лишней мысли, въ вашей фразѣ не было лишняго слова. Припоминаю одну замѣтку, читанную мною во время студенчества въ старыхъ записяхъ вашихъ лекцій. Какой то студентъ, желая сдѣлать для подготовки къ экзамену сокращеніе изъ имѣвшихся у него записей, видно, промучившійся надъ этою работою, въ чувствѣ безсилія, пишетъ: „дальше о томъ-то прошу, господа, читать по старымъ лекціямъ, которыя я, при синтетичности рѣчи профессора Ковальницкаго, никакъ не могу сократить“ [1]).

Будучи, какъ видимъ изъ словъ высокоученаго ревизора—славнаго церковнаго историка нашего, затѣмъ учителя, товарища и ученика почившаго Архипастыря, прекраснымъ профессоромъ и лекторомъ, Владыка Димитрій въ то же время былъ очень сдержанъ въ печатаніи своихъ произведній, ибо былъ слишкомъ строгъ и требователенъ въ отношеніи къ себѣ, какъ и къ другимъ, съ этой стороны. По словамъ † профессора В. Ѳ. Пѣвницкаго, почившій Архипастырь „скупо дѣлился съ ученымъ міромъ чрезъ печатное слово результатами своихъ работъ. Владѣя въ совершенствѣ научными средствами, при своемъ недюжинномъ талантѣ, при сильномъ критическомъ умѣ, онъ обогатилъ бы церковно-историческую науку важными изслѣдованіями и оставилъ бы богатое наслѣдіе не студентамъ только, слушавшимъ его, а всему читающему міру, интересующемуся церковно-историческими вопросами. Зная его талантъ, можно было съ увѣренностію сказать, что каждое его произведеніе было бы цѣннымъ вкладомъ въ науку и представляло бы изъ себя въ своемъ родѣ перлъ созданія, какимъ была его актовая рѣчь: „о значеніи національнаго элемента въ историческомъ развитіи христіанства“ [2]).

[1]) См. тамъ же стр. 597—598

[2]) См. тамъ же стр. 590.

Кромѣ сейчасъ названной актовой рѣчи, въ наукѣ извѣстны еще двѣ печатныя книги, принадлежащія почившему Архипастырю—профессору, хотя и не подписанныя его именемъ. Разумѣемъ книги: 1) Христіанская Церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ (Кіевъ. 1892 г.) и 2) Еще по вопросу: Христіанская Церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ (Кіевъ. 1893 г.), написанныя имъ по спеціальному поводу, появившіяся первоначально на страницахъ академическаго журнала и ярко обнаружившія въ обыкновенно скромномъ и молчаливомъ профессорѣ—авторѣ необыкновенную силу критическаго таланта, глубину и обширность научныхъ свѣдѣній его въ области церковной древней исторіи и рѣдкую силу логической мысли.

Такъ М. Г. Ковальницкій оставался свѣтскимъ профессоромъ до 1895 года. Въ этомъ послѣднемъ году въ его жизни совершилась рѣшительная перемѣна. Онъ, оставась профессоромъ, былъ назначенъ инспекторомъ Академіи и вслѣдъ затѣмъ 12 сентяря 1895 г. былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Димитрія, а 17 сентября того же года былъ рукоположенъ въ іеромонаха и 24 сентября возведенъ въ санъ архимандрита [1]). Архимандритъ Димитрій оставался инспекторомъ

---

[1]) См. арх. Кіев дух. Акад по Правленію за 1895 г. д № 54. Изъ цитуемаго здѣсь дѣла видно, что *30 августа 1895 года* заслуженный экстра-ординарный профессоръ М. К просилъ м. Іоанникія (Руднева) „сдѣлать распоряженіе о постриженіи его въ монашество, согласно его желанію, выраженному имъ *въ докладной,* на имя Его Высокопреосвященства, *запискѣ* отъ 25 іюля сего года. (Къ сожалѣнію, самой записки въ дѣлѣ нѣтъ Не осталась ли она въ дѣлахъ † кіевскаго митрополита Іоанникія?) М. Іоанникій 8 сентября 1895 года поручилъ "о. намѣстнику лавры постричь въ монашество г. Ковальницкаго". М Г. Ковальницкій былъ постриженъ въ монашество, съ нареченіемъ ему имени Димитрія, архим. Сергіемъ (Ланинымъ, впослѣд. архіеп. Ярославскимъ) *12 сентября 1895 г.* въ Крестовоздвиженской церкви Ближнихъ пещеръ Кіево-Печерской Лавры, *14 сентября* того же года былъ рукоположенъ м Іоанникіемъ въ іеродіакона въ Великой Лаврской церкви, *17 сентября* того -же года имъ же былъ посвященъ въ іеромонахи въ церкви 2-го кіев-

Кіевской духовной Академіи въ теченіе трехъ лѣтъ, проявивъ за это короткое время кипучую дѣятельность по устроенію внутренней студенческой жизни въ Академіи и обнаруживъ непоколебимую и рѣшительную волю въ дѣлѣ укрѣпленія академической дисциплины. Инспекторское служеніе почившаго Архипастыря было исключительнымъ періодомъ въ его продолжительной жизни. Непосредственный наблюдатель инспекторской дѣятельности архіепископа Димитрія, тотъ же † профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій такими мѣткими чертами охарактеризовалъ ее въ своей рѣчи: „Когда въ Академіи открылась вакансія инспектора, и вы дали согласіе занять эту должность, *трудную* особенно *въ нынѣшнее неспокойное время*, вашъ предшественникъ по ректурѣ (*разумѣется блаженно почившій епископъ Сильвестръ*), такъ много заботъ приглашавшій о благосостояніи ввѣренной ему Академіи, сказалъ тогда: „теперь я спокоенъ за Кіевскую Академію. Нашлись твердыя, благонадежныя руки, которымъ ввѣряется управленіе молодыми людьми“! И нужно ли говорить, *съ какимъ самоотверженіемъ, съ какимъ усердіемъ* вы несли тяготу инспекторскую, на васъ возложенную, какъ тщательно поддерживали порядокъ въ Академіи, и какъ заботливо охраняли честь молодежи, ввѣренной вашимъ заботамъ? Безъ лести могу сказать вамъ, что я видѣлъ въ васъ *примѣрнаго, образцоваго инспектора*... Но для васъ время вашего инспекторства было, я думаю, самымъ тяжелымъ временемъ вашей жизни. Это было время постояннаго безпокойства и душевныхъ волненій. Легкомысліе нѣкоторыхъ юношей, не хотѣвшихъ подчиняться школьному порядку, вами охраняемому, часто доставляло вамъ крупныя огорченія. Подъ вліяніемъ этихъ огорченій, вы рѣшились было оставить тотъ трудный

скаго женскаго училища духовнаго вѣдомства и *24 сентября* того же года имъ же въ Крестовой Лаврской церкви былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

постъ, на который поставлены были высшею властію, и Академію и заявили объ этомъ въ прошеніи, поданномъ покойному митрополиту (*разумѣется — митрополитъ Кіевскій Іоанникій*) и имъ принятомъ"... [1]).

Къ великому счастію для Академіи, рѣшеніе архимандрита Димитрія оставить Академію, благодаря принятымъ нѣкоторыми лицами, въ томъ числѣ особенно † профессоромъ В. Ѳ. Пѣвницкимъ, мѣрамъ, не осуществилось, и вскорѣ послѣ того, именно въ 1898 году 5 марта, архим. Димитрій былъ назначенъ ректоромъ Кіевской духовной Академіи, а затѣмъ вскорѣ былъ сдѣланъ (2 мая 1898 г.) епископъ Чигиринскимъ, викаріемъ Кіевской епархіи. 28 іюня 1898 г. архим. Димитрій былъ хиротонисанъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ въ санъ епископа, а наканунѣ (27 іюня) въ Кіево-Печерской Лаврѣ происходило его нареченіе, во время котораго теперь блаженно почившій Архипастырь произнесь рѣдкую для подобныхъ торжествъ рѣчь и въ ней живыми чертами изобразилъ свою прошедшую жизнь и ея особенныя событія, приведшія его, между прочимъ, къ монашеству. Пусть замѣчательныя слова Владыки еще разъ огласятъ сейчасъ слухъ читателей нашего органа.

„Я", говорилъ тогда почившій нынѣ Архипастырь, „воспитанъ Церковію для служенія Церкви. И еще въ молодости навсегда отдалъ я свои силы дѣлу Церкви. Но я не сталъ тогда же *служителемъ вѣры* у алтаря церковнаго. Годы воспитанія сложили во мнѣ настроеніе, приведшее меня къ школьной каѳедрѣ,—и я сталъ *служителемъ науки*, чтобы силою знанія христіанскаго содѣйствовать укрѣпленію вѣры Христовой. Тридцать слишкомъ лѣтъ углублялся я въ многовѣковую исторію христіанства, по мѣрѣ моихъ

---

[1]) См. тамъ же стр. 590—591

силъ возстановляя предъ смѣнявшимися предо мною поколѣніями юныхъ богослововъ возвышенный, свѣтлый и славный образъ вселенской Церкви, ея могучее нравственное воздѣйствіе на исторію человѣчества, чтобы въ ея великомъ и многосодержательномъ прошедшемъ, полномъ то мирнаго и жизнеспособнаго нравственнаго развитія и совершенствованія, то напряженной и грозной борьбы за вѣру и благочестіе, за истинное и разумное движеніе впередъ,—дать молодымъ будущимъ дѣятелямъ Церки ободряющіе и направляющіе уроки для настоящаго.

Не скрою, что мнѣ, въ моемъ одиночествѣ, не разъ дѣлаемы были то нѣсколько прикровенныя, то болѣе прямыя указанія вступить на тотъ путь служенія Церкви, на которомъ давно уже долженъ былъ бы наступить для меня часъ, какой переживаю я нынѣ. Но я отклонялъ то, что имѣло свести меня съ пути служенія, ранѣе свободно мною избраннаго, что заставило бы меня разстаться съ дѣломъ, съ которымъ сроднился мой духъ. Не утаю: минуты колебанія въ такихъ случаяхъ были. Но мнѣ помогала приходить въ нѣкоторое равновѣсіе та самая наука, изъ которой я научился и научалъ въ благоговѣйномъ созерцаніи великаго прошлаго христіанства возгрѣвать въ себѣ любовь къ Церкви и усиливать ревность къ вѣрѣ въ настоящемъ. Предъ моимъ мысленнымъ взоромъ проходили одинъ за другимъ выпуклыми, но всегда неизгладимыми въ исторіи чертами написанные образы величественныхъ святителей, богомудрыхъ пастырей Церкви. Меня восторгала ихъ дѣятельность церковная, обезсмертившая ихъ имена. Но,—признаюсь,—въ этой же изумительной ихъ дѣятельности я находилъ для себя точку опоры, чтобы не сходить съ своего скромнаго мѣста въ строѣ церковномъ. Въ полныхъ жизни образахъ историческихъ выступало предо мною пастырство, какъ подвигъ тяжелый, какъ самоотверженіе—до исповѣд-

ничества, какъ самоотверженіе—даже до смерти, какъ борьба геройская, напряженная борьба, за свѣтъ вѣры противъ тьмы невѣрія и примрака суевѣрія, за благочестіе, за все возвышенное и доброе, за истину и правду, за святое дѣло, указанное Церкви Пастыреначальникомъ Христомъ, за ея исключительное право заправлять высшими духовными отправленіями жизни человѣческой, вести людей къ совершенству,—за ея достоинство, свободу и самостоятельность... Я благоговѣлъ предъ подвигами великихъ церковныхъ вождей прошлаго; я хорошо понималъ, что и нынѣ святое дѣло Церкви находится въ такихъ условіяхъ, что пастырство есть борьба и подвигъ. Но я не чувствовалъ въ себѣ силы, довлѣющей для подвига; я не обрѣталъ въ себѣ мужества для самопожертвованія; я *малодушествовалъ* (Іерем. 1, 17). И мое колебаніе кончалось каждый разъ рѣшимостію уклониться отъ принятія того, что достойно выполнить, хотя отчасти подражая высокимъ историческимъ образцамъ, я находилъ выше моихъ силъ.

Переживая нынѣ мыслію свое прошедшее, я не могу пройти молчаніемъ время моей жизни, воспоминаніе о которомъ отрады мнѣ не доставляетъ. Въ своей *личной* жизни я рѣшился на шагъ, которымъ хотѣлъ, наконецъ, сдѣлать крутой поворотъ въ сторону, чтобы убѣжать подальше отъ того пути служенія Церкви, на который мнѣ указывалось, но на который выступить я не желалъ. Тяжкое нравственное испытаніе,—едва я могъ понести его,—постигло меня въ это время...[1]). Наказуя, наказалъ меня Господь. Но и милуя, помиловалъ Онъ меня.

Убѣгая, я, неожиданно для себя, приблизился къ тому, отъ чего бѣжалъ[2])...

---

[1]) Здѣсь почившій архипастырь намекалъ на свою неудачную женитьбу. Онъ вступилъ въ бракъ 26 сентября 1882 г. съ купеческою дочерью Е. Г. Захаріевскою и указомъ Св. Синода 26 августа 1891 г былъ съ нею разведенъ. См. арх Кіев дух. Конс. 1889 г. д.д. №№ 110 и 135.

[2]) См. Кіев Епар. Вѣд. 1898 г. № 13 неоф ч. стр. 542—546.

III.

Сравнительно очень непродолжительно было служеніе почившаго Архипастыря въ должности ректора славной Кіевской Академіи. Но оно было необыкновенно дѣятельно и плодотворно. Ректорская дѣятельность почившаго Архипастыря была всецѣло проникнута глубокимъ благоговѣніемъ предъ великимъ прошлымъ родной ему Академіи, искреннимъ желаніемъ его оживить лучшія преданія академической старины, горячимъ стремленіемъ расширить и углубить научную дѣятельность академическихъ силъ вообще и, въ частности, направить ее на изученіе исторической судьбы Академіи,— однимъ словомъ, всецѣлою преданностью интересамъ Академіи и самоотверженною любовію къ ней. Всѣ эти черты ректорской дѣятельности почившаго Архипастыря лучше и краснорѣчивѣе всего выразились въ его многочисленныхъ предложеніяхъ, заявленныхъ имъ въ свое время въ собраніяхъ академическаго Совѣта. Большинство изъ этихъ предложеній представляли плодъ напряженныхъ, иногда продолжительныхъ и усиленныхъ занятій ректора, и въ то же самое время они являлись исходнымъ пунктомъ серьезныхъ начинаній его на пользу и благо Академіи.

Мы считаемъ положительно необходимымъ освѣжить въ памяти академическихъ дѣятелей и читателей нашего журнала нѣкоторыя изъ такихъ предложеній почившаго Архипастыря.

Такъ, напр., однимъ изъ первыхъ дѣяній почившаго Архипастыря, какъ ректора Академіи, было предложеніе его относительно установленія особеннаго *академическаго* празднованія въ честь святыхъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, кіево-братскихъ молитвенниковъ и святителей: Ѳеодосія Черниговскаго, Димитрія Ростовскаго и Иннокентія Иркутскаго. 26 сентября 1898 года, въ день годичнаго академи-

ческаго акта, перваго въ ректорство почившаго Архипастыря, непосредственно же послѣ акта, въ засѣданіи Совѣта Академіи, имъ было сдѣлано слѣдующее предложеніе: „Сегодня", писалъ въ своемъ предложеніи почившій Архипастырь, „годичное торжественное собраніе нашей Академіи совершилось знаменательно: оно открылось величаніемъ св. св. трехъ святителей—Ѳеодосія Черниговскаго, Димитрія Ростовскаго и Иннокентія Иркутскаго, и молитвой къ нимъ

Это—въ первый разъ мы торжественно-*академически* почтили память свято-прославляемыхъ церковію святителей—воспитанниковъ нашей Академіи. Въ первый разъ мы торжественно засвидѣтельствовали о внутреннемъ, духовномъ единеніи нашемъ съ ними, не только какъ съ вчиненными въ лики святыхъ чадами св. церкви нашей, но и какъ съ родными намъ, какъ съ питомцами общей нашей Матери-кормилицы, Академіи.

Прославленіе памяти святителей въ стѣнахъ нашей школы, гдѣ они росли, укрѣплялись и созрѣвали духовно для славной дѣятельности на пользу св. Церкви нашей, гдѣ они получили задатки тѣхъ духовныхъ сокровищъ, дѣятельнымъ пріумноженіемъ которыхъ въ жизни достигли въ мѣру возраста святыхъ совершенныхъ, да послужитъ намъ всѣмъ—и старшимъ членамъ академическаго братства, и младшимъ (младенческому братству, какъ называли воспитанниковъ Академіи въ школьное время жизни нашихъ святителей),—да послужитъ и напоминаніемъ о великихъ духовно-просвѣтительныхъ, нравственно-совершительныхъ задачахъ Академіи, и возбужденіемъ къ неустанной работѣ для выполненія этихъ высокихъ задачъ. Три святыхъ свѣточа нашей Академіи, осіявающіе немеркнущимъ свѣтомъ ея славное прошедшее, да озаряютъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ ту святую истину, что и на будущее время должны пребывать въ нашей Академіи сіи три: вѣра (Иннокентія), знаніе (Димитрія) и благочестіе (Ѳеодосія).

Я увѣренъ, что отвѣчу общему настроенію Академіи, когда выражу желаніе, чтобы сегодняшнее *первое* торжественное въ стѣнахъ Академіи прославленіе памяти родныхъ намъ питомцевъ общей нашей Матери было *не единственнымъ*.

Я, поэтому, предлагаю Совѣту Академіи постановить, чтобы на будущее время годичныя торжественныя собранія Академіи 26 сентября начинались, какъ это было нынѣ, молебнымъ пѣніемъ къ тремъ святымъ святителямъ, молитвенникамъ Кіево-Братскимъ.

Предлагаю на усмотрѣніе Совѣта и нижеслѣдующее: св. Церковь совершаетъ память святыхъ трехъ святителей нашихъ—каждаго особо: св. Ѳеодосія—9 сентября, св. Димитрія—21 сентября, св. Иннокентія—26 ноября. Въ нашей академической жизни это—дни будніе, учебные. Связавши сегодня въ одно три дорогихъ для насъ свято-славныхъ имени въ чествованіи *торжественно-академическомъ*, озаботимся установленіемъ для Академіи и прославленія памяти ихъ,—всѣхъ трехъ совокупно,—торжественно—*праздничнаго церковнаго*. Могу съ радостію сообщить Совѣту Академіи, что Его Высокопреосвященство, Митрополитъ Кіевскій Іоаннникій, въ заботахъ о благѣ родной ему Академіи нашей, неизмѣнно-сочувственно относящійся ко всему, что служитъ къ подъему ея духовной жизни, милостиво выразилъ уже мнѣ сочувствіе предлагаемой мною сейчасъ на усмотрѣніе Совѣта мысли.

Долгомъ почитаю освѣдомить Совѣтъ Академіи, что какъ нынѣ высокимъ духовнымъ утѣшеніемъ *молебнаго прославленія* молитвенниковъ Кіево-Братскихъ на нашемъ академическомъ праздникѣ мы одолжены личному почину и милостивому указанію Его Высокопреосвященства, лично совершившаго и молебенъ, такъ и ежегодное *церковное* празднованіе памяти совокупно всѣхъ трехъ святителей можетъ быть на будущее время установлено для Академіи, согласно сдѣланному уже мнѣ самимъ Его Высокопреосвященствомъ указанію, именно въ одно изъ первыхъ чиселъ сентября,

чтобы, такимъ образомъ, Академія вступала въ новый годъ своей учебной жизни, помянувши, прославивши и призвавши на помощь своихъ нѣкогда воспитанниковъ, а нынѣ небесныхъ покровителей и святыхъ молитвенниковъ.

Не благоугодно ли Совѣту Академіи нынѣ же разсмотрѣть настоящія мои предложенія"?

Отвѣтомъ на это предложеніе преосвященнаго ректора Академіи было единодушное постановленіе Совѣта о томъ, чтобы на будущее время годичныя торжественныя собранія Академіи начинались молебнымъ пѣніемъ святителямъ Ѳеодосію Черниговскому, Димитрію Ростовскому и Иннокентію Иркутскому, съ установленіемъ торжественнаго ежегоднаго празднованія въ Академіи (по церковному чину) памяти этихъ трехъ святителей совокупно 5 сентября[1]).

Въ 1900 году ректоръ Академіи, преосв. Димитрій началъ оффиціальную переписку съ представителями кіевскаго городского управленія о стипендіяхъ, учрежденныхъ послѣднимъ въ 1869 году, по поводу празднованія 50-лѣтняго юбилея Кіевской духовной Академіи, для дѣтей кіевскихъ гражданъ, когда они будутъ обращаться въ Академію за высшимъ богословскимъ образованіемъ[2]). Поводомъ къ перепискѣ послужило то обстоятельство, что кіевское городское управленіе, объявивъ торжественно на актѣ 28 сентября 1869 года объ учрежденіи стипендій, затѣмъ не давало въ Академію никакого оффиціальнаго сообщенія объ этомъ, не передавало самаго стипендіальнаго капитала, и потому не могло быть составлено положеніе о городской стипендіи. Въ такомъ видѣ дѣло находилось до 1900 года, когда на него обратилъ свое вниманіе преосв. Димитрій, который и под-

---

[1]) См. арх. Кіев. дух Акад. Журн. Совѣта Акад. за 26 сент. 1898 г.

[2]) См. эту переписку въ арх. Кіев. дух. Акад Журн Совѣта Акад. 1) за 4 сент. 1901 г. и 2) за 13 мая 1902 г

нялъ вопросъ о стипендіи, причемъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы, по возможности, расширить кругъ студентовъ Академіи, которые могли получить право на пользованіе кіевскою городскою стипендіею. Переписка съ городскимъ управленіемъ потребовала отъ преосв. Димитрія, который отдался этому дѣлу на извѣстное время всецѣло, сильнаго напряженія, но результатомъ его усилій было пріобрѣтеніе Академіею новыхъ двухъ стипендій. Въ данной перепискѣ для насъ особенно интересно то глубокое пониманіе исторіи и великаго значенія Кіевской Академіи, какое проявилъ при этомъ преосв. Димитрій. Нѣкоторыя изъ сужденій, высказанныхъ тогда преосв. Димитріемъ, освѣщаютъ, можно сказать, яркимъ свѣтомъ многія страницы изъ исторіи Кіевской духовной Академіи. Вотъ, напр., одна небольшая выдержка изъ этой любопытной переписки преосв. Димитрія „Кіевскіе граждане—братчики Богоявленскаго Братства, основывая, 300 лѣтъ тому назадъ, свою братскую школу,—нашу Академію,—не сдѣлали изъ нея узко-сословную мѣщанскую школу“, писалъ онъ. „Они основали Universitas, Университетъ, въ которомъ въ теченіе 250 лѣтъ получали воспитаніе дѣти не только кіевскихъ мѣщанъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ), ремесленниковъ (Спкачка-Леванда протоіерей), лавниковъ и войтовъ (одинъ изъ послѣднихъ, на нашей памяти скончавшійся, популярный на Подолѣ Николай Григорьевичъ Киселевскій), но и дѣти не-кіевлянъ: дворянъ (св. Иннокентій Кульчицкій изъ Волыни), духовенства (св. Ѳеодосій Углицкій изъ Подольской окраины), казачества отъ рядовыхъ до старшины и гетмановъ (св. Димитрій Туптало, сынъ сотника изъ Макарова кіевскаго; нетлѣнно почивающій Іоасафъ Горленко изъ казаковъ полтавскихъ) и всего поспольства кіевской земли (митрополитъ Кіевскій Тимоѳей Щербацкій, изъ крестьянъ Васильковскаго уѣзда). Наша Академія служила притягательнымъ центромъ цивилизаціи (единственнымъ тогда) на далекое пространство вокругъ Кіева. Стекавшееся

въ Кіевъ со всѣхъ сторонъ юношество низшихъ и высшихъ общественныхъ сферъ, искавшее просвѣщенія въ Академіи, привлекало въ Кіевъ жизненные соки страны и матеріальныя средства. Чрезъ Академію области, входящія и нынѣ въ сферу вліянія Кіева, оживляли этотъ свой культурный центръ; чрезъ нее притекало со всей кіевской земли матеріальное благосостояніе для кіевскаго мѣщанства (разумѣю вообще городскихъ обывателей), какъ и нынѣ Университеты, въ качествѣ культурныхъ центровъ, оживляютъ свои города и поднимаютъ ихъ матеріальное благосостояніе. И я думаю, что не будетъ противорѣчить всей трехсотлѣтней исторіи Академіи и исторіи отношеній къ ней стараго Кіевскаго Городского Общества, когда вопросъ о кандидатахъ на юбилейныя стипендіи Кіевскаго Городского Общества новое Кіевское Городское Общество разрѣшитъ такъ, какъ это предположилъ въ своемъ „проэктѣ Положенія“ достойный староста Кіевскаго Купеческаго Общества: кандидатами на стипендіи могутъ быть *прежде всего* дѣти постоянныхъ жителей города Кіева всѣхъ сословій, а затѣмъ уроженцы Кіевской губерніи. А еще правильнѣе будетъ сказать такъ: уроженцы Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерній, которыя и нынѣ въ весьма значительной мѣрѣ создаютъ торговое и обывательское благосостояніе Кіева. Говоря это, я хочу подкрѣпить себя маленькой аналогіей“ [1])... и т. д.

Еще болѣе ярко свою любовь и благоговѣніе предъ Академіею и ея славнымъ прошлымъ преосв. Димитрій выразилъ въ своемъ предложеніи относительно необходимыхъ приготовленій къ собиранію и напечатанію „Актовъ по исторіи Академіи“, а равно и къ составленію самой исторіи ея, особенно въ виду приближающагося 300-лѣтняго юбилея Академіи. Въ своемъ предложеніи, прочитанномъ въ засѣданіи

---

[1]) См. арх. Кіев. дух. Акад. Журн. Совѣта Акад. за 4 сент. 1901 г.

Совѣта Академіи 26 сентября 1901 года, *тотчасъ по окончаніи торжественнаго годичнаго акта академическаго*, почившій Архипастырь не ограничился простымъ заявленіемъ, но, по своему обыкновенію, основательно мотивировалъ свое предложеніе, намѣтилъ даже самый планъ историческихъ работъ и даже далъ изъ своихъ личныхъ средствъ необходимую для начала дѣла довольно значительную денежную сумму. Въ виду глубокаго интереса этого предложенія для нашей Академіи, мы позволяемъ себѣ привести его здѣсь in extenso. „Приближается исполненіе трехсотлѣтія славнаго бытія нашей Академіи“, писалъ владыка Димитрій. „И я почитаю своимъ непремѣннымъ долгомъ обратить вниманіе Совѣта Академіи на настоятельную потребность надлежащаго обсужденія вопроса о достойномъ празднованіи трехсотлѣтняго юбилея нашей дорогой Кормилицы—Матери.

Немногіе годы, еще отдѣляющіе насъ отъ знаменательнаго 1915 года, пробѣгутъ быстро—незамѣтно. И я думаю, что возбуждаю вопросъ благовременно. Можетъ быть, даже нѣсколько запоздало.

Ко дню вступленія Академіи въ четвертое столѣтіе, мы должны представить русскому образованному міру образъ нашей Матери во весь ея трехвѣковый ростъ, и придать ему всю ту выразительность въ великихъ и малыхъ чертахъ, для которой даетъ обильный жизненный матеріалъ ея многосодержательное прошлое,—чтобы она, Богоявленская Братская Школа—Коллегія—Академія—Духовная Академія, древняя годами, но не дряхлая жизнію, фениксъ самообновлявшійся, не разъ буквально изъ пепла самовозрождавшійся, явилась предъ взорами просвѣщенныхъ людей окруженная ореоломъ, какъ свѣточъ, одно время единственный, осіявавшій и живившій всю Россію свѣтомъ высшаго знанія, украшенная вѣнцомъ побѣднымъ, какъ мужественный ратоборецъ, высоко, среди даже тяжкихъ погромовъ, державшій знамя „благочестія“ (православія) и народности русской, въ борьбѣ церкви и па-

рода русскаго, въ борьбѣ, долгое время неравной, съ противникомъ сильнымъ силой матеріальной и духовной.

Для выполненія такой предъюбилейной задачи потребуется времени немало; потребуется работы, иногда самой кропотливой, много и много.

Мы не имѣемъ еще полной научной Исторіи нашей Академіи... Три вѣка—поле обширное. Требуется совокупная подготовительная работа на этомъ полѣ многихъ рукъ. А для привлеченія къ этой работѣ, для добраго, полнаго и притомъ возможно скораго успѣха въ этомъ настоятельномъ дѣлѣ изслѣдованія, освѣщенія и воспроизведенія всего прошлаго нашей Академіи, необходимо представить въ распоряженіе ученыхъ работниковъ достаточный матеріалъ историческій. Необходимо собрать и издать историческіе памятники, касающіеся жизни Академіи: какъ акты самой Академіи, такъ и существенные документы, говорящіе объ Академіи.

Я, поэтому, предлагаю Совѣту Академіи поставить и обсудить вопросъ объ изданіи „*Актовъ по исторіи Академіи*", по крайней мѣрѣ, Академіи старой, до 1817 года, когда для нея наступила невольная двухгодичная вакація, послѣ которой она выступаетъ въ дальнѣйшій путь въ совершенно новомъ видѣ, какъ Академія *Духовная*. Документальнаго матеріала есть много, даже очень много. Особенно для исторіи Академіи въ XVIII вѣкѣ. Мы имѣемъ 4 толстыхъ тома Актовъ Братскаго монастыря и Академіи, собранныхъ (кажется, главнымъ образомъ выбранныхъ изъ консисторскаго архива) В. И. Аскоченскимъ, въ подлинникахъ или современныхъ копіяхъ. Имѣемъ въ академической библіотекѣ (въ библіотекѣ рукописей № 725) связку Актовъ Братскаго монастыря и Академіи, выбранныхъ изъ монастырскаго архива, изъ которой можно бы сдѣлать два тома, равныхъ томамъ Актовъ Аскоченскаго. Есть много академическихъ и касающихся Академіи актовъ въ старомъ консисторскомъ архивѣ, какъ это удостовѣрено членами Академіи, разбиравшими этотъ

архивъ. Весьма много можно найти въ архивѣ Святѣйшаго Синода, въ которомъ, напримѣръ, хранятся подробныя академическія донесенія съ 1735 года по 1745 годъ. Есть много весьма цѣнныхъ, даже драгоцѣнныхъ документовъ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, какъ то хорошо знаютъ наши профессоры, работавшіе въ этомъ Архивѣ. Повторяю, документальнаго матеріала много, даже очень много, такъ что даже можетъ явиться мысль о выборѣ для изданія только болѣе существеннаго. Но я лично желалъ бы, чтобы проэктируемое мною изданіе Актовъ было возможно полнымъ, дабы желающій работать въ области исторіи Академіи могъ находить въ нашемъ изданіи все потребное, не вынуждаясь странствовать по архивамъ. Желалось бы, чтобы въ нашемъ изданіи напечатано было (послѣ надлежащей провѣрки по рукописямъ) и то, что уже было напечатано, даже напечатано не одинъ разъ. Желалось бы, чтобы и мелкіе, касающіеся частностей нашей школы, документы не были опущены, особенно относящіеся къ эпохѣ древнѣйшей.

Работа эта серьезная, громадная, требующая архивной эрудиціи, къ тому же очень замедляемая необходимостію кропотливыхъ изысканій.....

Это—первое мое предложеніе.

А второе будетъ такое.

Еще послѣ блаженной кончины славнаго фундатора нашей школы, митрополита Петра Могилы, Богоявленскимъ Братствомъ и его школой было установлено ежегодно, въ день кончины Петра Могилы, 31 декабря, совершать молитвенное поминовеніе основателей и благотворителей Академіи и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся. Для такого поминовенія существуетъ у насъ теперь „Синодикъ“, въ который занесено довольно именъ. Но этотъ нынѣшній нашъ Синодикъ имѣетъ такой убогій видъ, что объ немъ даже неловко говорить. Это—нѣсколько страницъ голыхъ именъ, безъ вся-

кихъ даже малѣйшихъ отмѣтокъ, по которымъ бы можно было судить, кто и кто подразумѣвается подъ однимъ и тѣмъ же именемъ, повтореннымъ въ Синодикѣ нѣсколько разъ. Въ записяхъ Синодика есть неправильности, много пропусковъ именъ памятныхъ Коллегіи—Академіи лицъ. Не таковъ долженъ быть Синодикъ духовно-просвѣтительнаго учрежденія, занимающаго высокое мѣсто въ церкви и притомъ долго существовавшаго пожертвованіями ради всегдашняго поминовенія церковнаго.

Два года тому назадъ, когда меня особенно стала занимать мысль о нашемъ юбилеѣ, я задумалъ исправить и пополнить нашъ Синодикъ, дать ему такой видъ, чтобы стоящія въ немъ имена не были ничего опредѣленнаго не говорящими словами..... Но затѣмъ.... я пришелъ къ мысли дать Синодику совершенно иной видъ, чѣмъ предполагалъ сначала.... я подумалъ, почему бы намъ не позаботиться о составленіи и изданіи Синодика именно съ краткими біографическими свѣдѣніями о лицахъ вѣчно памятныхъ Академіи и поминаемыхъ Академіею, то есть о такомъ изданіи, которому въ настоящее время даютъ названіе: „Біографическій Словарь“. Если бы этому Словарю мы придали хронологическій порядокъ (съ присоединеніемъ въ концѣ, для удобства пользованія имъ, алфавитнаго списка), то, пока будетъ составлена полная Исторія Академіи, интересующіеся трехсотлѣтнимъ прошлымъ Академіи нашли бы нѣкоторое удовлетвореніе своему интересу въ небольшихъ, но выпуклыхъ, въ извѣстной мѣрѣ связанныхъ между собою хронологически, біографическихъ эскизахъ. Это былъ бы *Синодикъ ученый, академическій*. Изъ него мы извлекли бы для богослужебнаго поминовенія *Синодикъ церковный*, въ которомъ стояли бы только имена, а въ особыхъ графахъ фамиліи и время кончины.

Это мое второе предложеніе.

Теперь вопросъ о средствахъ матеріальныхъ для осуществленія этихъ изданій. Лишнимъ считаю представлять

вниманію Совѣта разсчетъ потребныхъ для дѣла расходовъ. Да и сдѣлать такой разсчетъ, хотя бы и приблизительный, пока нельзя. Знаю только, что средствъ потребуется на это немало. А Академія, хотя и триста лѣтъ существуетъ, накопить денегъ въ запасъ не имѣла возможности. Мы, правда, имѣемъ ежегодный небольшой доходъ отъ суммъ, назначенныхъ на ученыя изданія, въ частности, именно, на историческія. Но Совѣту извѣстно, что весь этотъ доходъ ежегодно уходитъ на покрытіе дефицитовъ по изданію академическаго журнала. Журналъ нашъ, къ глубокому сожалѣнію, *ниоткуда и никакой субсидіи не получаетъ*. Его 293 подписчика, дающіе редакціи 2100 рублей, далеко не могутъ покрыть даже расходовъ на бумагу и типографію, на что требуется свыше 3000 рублей. Для расходовъ по содержанію редакціи, на корректуру, для гонорара сотрудникамъ вовсе ничего не остается. И безъ ассигнуемыхъ ежегодно Совѣтомъ 2069 рублей 41 коп. указаннаго выше дохода, изданіе наше должно было бы и совсѣмъ прекратиться. На эти деньги для изданій, предполагаемыхъ мною, несомнѣнно разсчитывать нельзя.

Убѣжденный въ пользѣ и даже необходимости проэктируемыхъ мною изданій и горячо желая, чтобы къ дѣлу приступлено было какъ можно скорѣе, я позволяю себѣ предложить Совѣту Академіи,—если, конечно, мой проэктъ объ изданіяхъ будетъ принятъ,—изъ своихъ личныхъ средствъ *пока* 3000 рублей: по одной тысячѣ на каждое академическое столѣтіе. Безъ сомнѣнія, для полнаго осуществленія предположеннаго мною дѣла этой суммы далеко не достаточно. Но для начала будетъ. А тамъ—посмотримъ. Вѣдь начавшій хорошо половину дѣла сдѣлалъ“ [1]).

[1]) См. тамъ же Журн. Сов. Акад за 26 сент. 1901 г.

ствіи не забывалъ начатаго имъ дѣла, пополняя свою первоначальную жертву новыми пособіями на осуществленіе его [1]). Ко дню смерти Владыки Академіею напечатано уже восемь томовъ Актовъ Академіи, подъ редакціею профессоровъ Н. П. Петрова и Ѳ. И. Титова.

Одною изъ главнѣйшихъ заботъ почившаго Архипастыря, какъ ректора Академіи, была его забота о возможно большемъ подъемѣ и оживленіи учено-богословской и церковно-проповѣднической дѣятельности Кіевской духовной Академіи. Преосв. Димитрій всею душею любилъ родную Академію и всецѣло хотѣлъ принадлежать ей. Онъ съ видимою неохотою отдавался такимъ трудамъ и порученіямъ, которые выходили за предѣлы академическихъ интересовъ. Онъ стремился также къ тому, чтобы и профессоры, а равно и студенты Академіи всецѣло отдавались академическимъ занятіямъ и интересамъ. Однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ такой дѣятельности ректора Академіи, преосв. Димитрія, навсегда останется учрежденіе имъ на свой собственный счетъ особаго капитала для изданія учено-богословскихъ и церковно-проповѣднических опытовъ студентовъ Кіевской духовной Академіи. Предложеніемъ объ учрежденіи такого фонда почившій Архипастырь блестяще закончилъ свою многолѣтнюю профессорскую, инспекторскую и ректорскую службу въ Кіевской духовной Академіи. А самое это предложеніе, по обыкновенію, весьма основательно мотивированное, представляетъ превосходную историческую справку изъ новѣйшей исторіи Кіевской духовной Академіи, которая, по справедливости, должна занять выдающееся мѣсто въ академической біографіи почившаго Архипастыря. Вотъ это достопамятное историческое предложеніе. „Въ 1819 году наша Академія возродилась, какъ Академія духовная, какъ

---

[1]) См. тамъ же Журн. Сов. Кіев. дух. Акад. за 13 мая 1902 г. о дополнительномъ пожертвованіи тысячи рублей на изданіе Актовъ.

высшее богословское учено-учебное учрежденіе", писалъ 12 мая 1902 года преосв. Димитрій. „Съ первыхъ же годовъ по преобразованіи и обновленіи Академіи, въ ней весьма замѣтно сказывается богословско-научное оживленіе.

Не касаясь въ настоящій разъ ученой дѣятельности профессоровъ Академіи, я хочу обратить вниманіе собранія на научную работу студентовъ Академіи новой.

Не великъ оказался составъ студентовъ въ новой Академіи. Вмѣсто многихъ сотенъ студентовъ Академіи старой, съ ея восемью школами, отъ аналогіи до богословіи, въ новой духовной Академіи, на ея двухъ двухгодичныхъ курсахъ, оказалось по нѣсколько десятковъ студентовъ. На первомъ курсѣ 1819—1823 годовъ было всего 39 человѣкъ. Но это былъ цвѣтъ юношества духовныхъ школъ значительной части Россіи, а не Кіева только и сосѣднихъ Кіеву мѣстъ; это не было рядовое юношество, а избранники, сильные дарованіями духовными, основательнымъ образованіемъ въ средней школѣ подготовленные къ тому, чтобы и проникать въ самыя глубины современнаго знанія человѣческаго, и подниматься на высоту богословскаго вѣдѣнія (sanctiorum humaniorumque litterarum).

Подъемъ уровня научнаго въ Академіи скоро сказался замѣчательною учено-литературною производительностію студентовъ Академіи новой. Въ доказательство этого достаточно намъ вспомнить учено-богословскіе труды студентовъ первыхъ курсовъ Академіи, изданные самой Академіей въ видѣ сборниковъ различныхъ наименованій: „Нѣкоторые опыты упражненій воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи по окончаніи перваго учебнаго курса 1824 года"; „Опыты упражненій воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи V учебнаго курса" (1832 года); „Собраніе сочиненій студентовъ Кіевской Духовной Академіи 1839 года" (сборникъ опытовъ нѣсколькихъ курсовъ). Это—труды для своего, небогатаго литературно-богословскою производительностію, времени весь-

ма цѣнные, а какъ первые опыты молодыхъ ученыхъ, даже достоѣные примѣчанія.

Но послѣ изданія нѣсколькихъ томовъ, эти выпуски „нѣкоторыхъ опытовъ упражненій“ воспитанниковъ нашей Академіи прекратились.

Само собою разумѣется, это не значило, что, послѣ перваго, въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій, пышнаго расцвѣта юныхъ ученыхъ силъ нашей обновленной Академіи, наступило для нея время какого-то хилаго, малоплоднаго прозябанія, или, еще хуже, уклоненія отъ высокихъ научныхъ задачъ, поставленныхъ преобразованной Академіи.

Я не стану входить теперь въ обсужденіе причинъ и обстоятельствъ, приведшихъ къ прекращенію ученаго изданія, которое такъ прекрасно было начато, которое съ горячимъ сочувствіемъ было встрѣчено людьми, хорошо знавшими Академію, дорожившими ея учеными успѣхами, видѣвшими въ этомъ изданіи лучшее средство свѣжіе плоды знанія академическаго сдѣлать общимъ достояніемъ.

Къ сожалѣнію, изданіе ученыхъ трудовъ студентовъ нашей Академіи, въ которомъ бы Академія представляла на судъ знатоковъ богословія и опытныхъ цѣнителей, а также въ общее пользованіе добрыхъ любителей богословія первые плоды богословскихъ знаній выпускавшихся ею каждые два года молодыхъ богослововъ, такъ и не было возобновлено впослѣдствіи (разумѣю курсовые сборники лучшихъ опытовъ; изданія же Академіею отдѣльныхъ сочиненій студентовъ были).

Оживленная научная литературно-богословская дѣятельность Академіи нашла себѣ прекрасное выраженіе въ основанномъ Академіею, по почину приснопамятнаго Иннокентія, около времени появленія послѣдняго тома опытовъ студентовъ, журналѣ „Воскресное Чтеніе“,—этомъ симпатичнѣйшемъ органѣ богословско-литературномъ, распространенномъ въ свое время, ради назидательности и, можно сказать, ху-

дожественности, въ широкихъ кругахъ. Но это былъ органъ „къ успѣшнѣйшему совершенію ученыхъ трудовъ“ самихъ профессоровъ Академіи; онъ предназначался не для первыхъ опытовъ студентовъ, а для зрѣлыхъ плодовъ ученыхъ разысканій и изслѣдованій профессоровъ. Непосредственно этой послѣдней цѣли ученой имѣлъ также служить основанный Академіею въ 1860 году журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, органъ строго ученыхъ работъ въ первое время почти исключительно профессоровъ Академіи. Какъ въ „Воскресномъ Чтеніи“, такъ и въ „Трудахъ“ появлялись изрѣдка и опыты студентовъ, но это самая малость изъ ученобогословской производительности воспитанниковъ Академіи, изъ курса въ курсъ становившейся все болѣе и болѣе зрѣлой, обширной и разнообразной.

Въ лекціяхъ профессоровъ и ихъ ученыхъ работахъ наука академическая правильно прогрессировала, держась всегда на надлежащей богословской и научной высотѣ; объ этомъ убѣдительнѣе всего свидѣтельствуютъ литературныя произведенія профессоровъ въ обоихъ академическихъ журналахъ—христіанскаго просвѣщенія (Воскресное Чтеніе) и богословской учености (Труды Академіи).

Тотъ же характеръ, хотя не такую же силу, имѣла и юная богословская ученость питомцевъ-студентовъ Академіи, вдохновляемая и направляемая воспитателями—профессорами. Достаточно было бы только прослѣдить, курсъ за курсомъ, списки темъ, дававшихся профессорами для курсовыхъ сочиненій студентовъ, чтобы даже изъ этого только перечня научныхъ задачъ, въ разрѣшеніи которыхъ должны были показать мѣру своихъ духовныхъ силъ, умственнаго развитія и богословскаго знанія заканчивающіе свое образованіе студенты,—увидѣть, какъ жизненна была академическая наука, какъ она шла въ уровень съ научнымъ теченіемъ времени. Стоитъ разсмотрѣть многія изъ студенческихъ ученыхъ работъ на эти темы, въ томъ именно видѣ, какъ онѣ неио-

средственно вышли изъ-подъ пера молодыхъ богослововъ, чтобы,—не взирая на нѣкоторую недозрѣлость этихъ нерѣдко довольно обширныхъ работъ, несмотря на нѣкоторыя погрѣшности въ содержаніи и изложеніи, естественныя въ первыхъ ученыхъ опытахъ, писанныхъ на срокъ, при другихъ учебныхъ занятіяхъ,—признать, что знанія, сообщавшіяся студентамъ, и по содержанію, и по научному методу, стояли на высотѣ современной науки, и что студенты успѣшно и благоплодно усвояли эти знанія. Справедливо такіе ученые успѣхи воспитанниковъ Академіи глубоко радовали людей, близко знавшихъ Академію, сочувствовавшихъ ей, дорожившихъ успѣхами богословской науки.

Обращаясь нынѣ мыслію своею къ періоду жизни Академіи, прошедшему на моихъ глазахъ, какъ наставника Академіи,—къ послѣднему 35-лѣтію нашей Академіи,—я припоминаю, какъ, изъ курса въ курсъ, въ поньскихъ засѣданіяхъ Совѣта, мы выслушивали цѣлые ряды иногда весьма похвальныхъ отзывовъ профессоровъ-рецензентовъ объ ученыхъ достоинствахъ кандидатскихъ диссертацій; нерѣдко рецензіи заканчивались пожеланіемъ, чтобы то или другое сочиненіе напечатано было въ цѣломъ видѣ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, болѣе интересныя въ научномъ отношеніи и болѣе обработанныя, главы онаго; нѣкоторыя сочиненія удостоивались самой лестной похвалы, какъ „вклады въ богословскую науку“.

Но, къ глубокому сожалѣнію, большая часть этихъ сочиненій такъ и не появлялась никогда въ печати. И „вклады въ богословскую науку“ обыкновенно поступаютъ у насъ во вклады въ академическій архивъ, въ которомъ почиваетъ уже много молодой студенческой учености.

Дѣйствительно, если мы выдѣлимъ студенческія ученыя работы, появляющіяся впослѣдствіи въ печати, какъ магистерскія диссертаціи, которыя обыкновенно болѣе или менѣе капитально перерабатываются и, слѣдовательно, уже болѣе

или менѣе теряютъ букетъ юношескаго ученаго первоцвѣта, то окажется, что весьма немногіе первые ученые опыты нашихъ студентовъ вступаютъ въ свѣтъ подъ авторитетомъ Академіи, въ ея ученомъ органѣ, объемъ котораго малъ и для ученыхъ работъ самихъ профессоровъ.

Конечно, многія изъ студенческихъ кандидатскихъ диссертацій получаютъ мѣсто въ различныхъ духовныхъ журналахъ. Но это, во-первыхъ, часто свидѣтельствуетъ не столько о достоинствахъ появляющихся въ свѣтъ ученыхъ трудовъ, сколько о смѣлости и самоувѣренности авторовъ; и Академія нерѣдко не можетъ принять на себя отвѣтственность за учено-богословскую цѣнность такихъ трудовъ. Притомъ же разбросанные по различнымъ духовнымъ журналамъ, иногда слишкомъ мало распространеннымъ въ кругахъ, интересующихся научнымъ богословіемъ (напримѣръ, въ различныхъ, имѣющихъ только мѣстный кругъ читателей, Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ), эти первые ученые опыты тонутъ въ общей массѣ богословской литературы, такъ богатой въ настоящее время. И Академія наша теряетъ отъ этого кое-что весьма существенное: она лишается возможности въ періодически выпускаемыхъ сборникахъ богословскихъ трудовъ воспитанниковъ Академіи предоставить интересующимся отечественной богословской наукой судить по учебно-ученой дѣятельности студентовъ о состояніи науки богословской въ нашей Академіи, объ ея характерныхъ особенностяхъ, которыя особенно наглядно могутъ выступать именно въ этихъ трудахъ, въ которыхъ серьезность учебнаго руководства профессоровъ гармонически сливается съ юношескою свѣжестію самостоятельно-ученой работы студентовъ; она лишается возможности дать въ такихъ сборникахъ академической молодой учености документальную исторію прогрессивнаго хода, развитія, усовершенствованія, расширенія науки академической, наконецъ, и нѣкотораго ея видоизмѣненія, соотвѣтственно общему росту богословской науки, по тре-

бованію выступающихъ новыхъ запросовъ жизни, по вызову нарождающихся новыхъ потребностей церкви и общества.

Но еще болѣе существенный вредъ правильному, надлежащему движенію впередъ академической науки, успѣшному развитію ея причиняетъ поступленіе студенческихъ ученыхъ произведеній въ академическій архивъ, безъ надежды появленія ихъ на свѣтъ.

Ученые труды, иногда очень цѣнные, обращаются въ мертвый капиталъ, безъ всякой пользы для науки загромождающій полки академическаго архива

Не входя въ подробности, замѣчу: въ числѣ множества ученыхъ вопросовъ, изъ года въ годъ предлагаемыхъ студентамъ и избираемыхъ ими для кандидатскихъ диссертацій, есть и такіе, надъ которыми уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ работали студенты; въ новыхъ темахъ или повторяются эти вопросы только въ новой формулировкѣ, ради освѣщенія предмета съ новой, интересующей профессора, точки зрѣнія, или изъ общаго предмета, надъ которымъ раньше работалъ и представилъ цѣнную, но неопубликованную работу студентъ, выдѣляются для новой работы нѣкоторыя существенныя стороны; словомъ, весьма нерѣдко предлагаются студентамъ для работы темы, если не представляющія повтореніе, съ вариантами, темъ, надъ которыми работали студенты-предшественники, то весьма близкія къ прежнимъ темамъ, тѣсно связанныя съ ними. И выходитъ, что студентъ съ молодымъ увлеченіемъ и усердіемъ внимательно работаетъ надъ изслѣдованіемъ того, что одинъ изъ его предшественниковъ, быть можетъ, очень недавній, хорошо уже обслѣдовалъ и изложилъ; работаетъ по тѣмъ же источникамъ, при тѣхъ же пособіяхъ, воображаетъ, что самостоятельно открылъ Америку, не подозрѣвая, что придетъ къ тѣмъ же результатамъ, которые добылъ и, можетъ быть, въ лучшемъ, чѣмъ онъ, видѣ изложилъ его предшественникъ, и которые сложены въ академическомъ архивѣ (въ скобкахъ замѣчу, что бы-

вали при этомъ явленія весьма нежелательныя въ моральномъ отношеніи, когда въ число пособій при ученой работѣ студента попадали и рукописные труды предшественниковъ (или студентовъ другихъ Академій), и студентъ пользовался ими въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ сколько можетъ быть допущено пользованіе чужимъ, не переходя въ грубый плагіатъ).

По правдѣ сказать, при такихъ условіяхъ, академическая наука въ студенческихъ ученыхъ произведеніяхъ, иногда очень цѣнныхъ, но сложенныхъ въ архивѣ, не движется впередъ, а—выражусь просто—топчется на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Къ этому соображенію объ учебно-богословскихъ опытахъ нашихъ студентовъ я желаю присоединить еще одно.

Наша Академія, по преобразованіи ея въ 1819 году, сразу заявила себя, какъ Академія проповѣдническая. Объ этомъ прекрасно свидѣтельствуетъ первый же выпускъ нѣкоторыхъ опытовъ упражненій воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи, по окончаніи перваго учебнаго курса. Въ немъ помѣщено одиннадцать студенческихъ „Словъ“ (въ томъ числѣ четыре Слова безсмертнаго нашего проповѣдника Ивана Борисова), которыя и въ настоящее время можно бы признать выдающимися произведеніями церковнаго краснорѣчія. Во второмъ томѣ „Опытовъ“ пятаго курса дано мѣсто пяти Словамъ. Въ теченіе цѣлаго полустолѣтія проповѣдническая слава Академіи поддерживалась такими блестящими проповѣдниками, какъ Иннокентій, Димитрій, Ѳаворовъ; позволю себѣ не назвать по имени достойнаго преемника ихъ проповѣдническаго дѣланія въ Академіи, украшающаго своимъ краснорѣчивымъ словомъ проповѣдническую каѳедру академической церкви и во второмъ полустолѣтіи,—до настоящаго времени.

Но приходится признать съ глубокимъ сожалѣніемъ, что проповѣдническій интересъ у насъ сталъ ослабѣвать,—

не въ послѣднее только время. Грустно, но нельзя не сказать, что тяжкій ударъ церковному проповѣдничеству нанесенъ былъ оффиціально въ 1869 году, когда гомилетическая наука и практика проповѣдническая исключены были изъ круга общеобязательныхъ занятій студентовъ Академіи Припоминаю, съ какимъ огорченіемъ и обидой за слово проповѣдническое уединился тогда въ свою маленькую аудиторію практическаго отдѣленія нашъ маститый нынѣ гомилетъ. Позволю себѣ привести при этомъ оффиціальную справку, которая лучше всего покажетъ, какой невозгладимый ущербъ нанесенъ былъ тогда церковной проповѣди въ нашей Академіи. Вотъ предложеніе профессора гомилетики Василія Пѣвницкаго и опредѣленіе, по поводу его предложенія, Совѣта Академіи, въ журналѣ Совѣта 10 октября 1869 года: „Въ новомъ академическомъ Уставѣ“, пишетъ профессоръ Пѣвницкій, „не говорится о пріученіи студентовъ Академіи къ проповѣдничеству, составлявшему, при прежнемъ порядкѣ, одинъ изъ главныхъ предметовъ въ курсѣ академическихъ занятій студентовъ“, и предлагаетъ вопросъ „должны ли быть проповѣди обязательны для всѣхъ студентовъ Академіи, или для студентовъ одного церковно-практическаго отдѣленія, на которомъ преподается гомилетика?“ — Опредѣлено... „Совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ дѣлать проповѣди обязательными для студентовъ всѣхъ отдѣленій, и полагаетъ назначать ихъ студентамъ одного церковно-практическаго отдѣленія... При этомъ *не возбраняется* (весьма характерно) студентамъ и другихъ отдѣленій, *по собственному избранію*, при руководствѣ преподавателя гомилетики, составлять проповѣди. Совѣтъ желалъ бы даже, чтобы такихъ студентовъ нашлось возможно большее число“. Лишнимъ будетъ, конечно, разъяснять, къ какимъ на практикѣ печальнымъ для студенческаго проповѣдничества результатамъ привело это *невозбраненіе студентамъ по собственному избранію* заниматься тѣмъ, что дотолѣ было „однимъ изъ главныхъ предметовъ въ курсѣ ака-

демическихъ занятій студентовъ". Церковное проповѣдничество было дискредитовано въ глазахъ даже студентовъ церковно-практическаго отдѣленія. Паденіе студенческаго проповѣдничества сразу стало замѣтно. Уставъ 1884 года уже *не поднялъ студенческой проповѣди на прежнюю высоту*: легче низвергать, чѣмъ возстановлять. И съ сожалѣніемъ приходится теперь сказать (это, я увѣренъ, подтвердятъ всѣ профессоры, между которыми теперь распредѣляется у насъ рецензированіе студенческихъ проповѣдей), что въ настоящее время составленіе студенческихъ проповѣдей въ студенческихъ учебныхъ занятіяхъ стоитъ на послѣднемъ планѣ. Жалкій видъ имѣютъ обыкновенно нынѣшнія проповѣди студентовъ. Въ самое недавнее время мнѣ приходилось оффиціально слышать отъ студентовъ (въ видахъ самооправданія), что они годичныя проповѣди писали въ одинъ день. За то и проповѣди эти я храню, какъ документы крайняго проповѣдническаго безобразія и небрежности, просто, какъ вещественныя доказательства тяжкаго студенческаго преступленія противъ церковной проповѣди.

Можетъ быть, это холодное отношеніе студентовъ нашихъ къ занятіямъ церковно-проповѣдническимъ слѣдуетъ въ незначительной мѣрѣ объяснять нынѣшнимъ общимъ теченіемъ, которое направляется, повидимому, къ тому, чтобы если не подмѣнить, то весьма заслонить и даже далеко отодвинуть въ тѣнь церковную проповѣдь, какъ учительную часть богослуженія,—посредствомъ такъ называемыхъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій.

Для примѣра: одинъ изъ горячихъ защитниковъ религіозныхъ собесѣдованій внѣ богослуженія и внѣ храма, въ длинной рѣчи (С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ 1896 года № 44), охарактеризовавши „важныя неудобства" богослужебной проповѣди: что она произносится обыкновенно въ концѣ литургіи, когда слушатели болѣе часа уже простояли въ духотѣ и тѣснотѣ и утомлены (но вѣдь можно и

не отодвигать проповѣдь въ конецъ литургіи,—св. Іоаннъ Златоустъ бесѣдовалъ въ началѣ литургіи), что слушатели бываютъ поэтому невнимательны къ проповѣднику, особенно если проповѣдь страдаетъ отвлеченностію, сухостью, безжизненностью (но развѣ этихъ качествъ нельзя устранить изъ проповѣди? и развѣ внѣбогослужебныя бесѣды не могутъ страдать тѣмъ же недостаткомъ?), что въ проповѣди церковной нельзя говорить подробно о нѣкоторыхъ матеріяхъ (можно обо всемъ, касающемся нравственной жизни человѣка, только въ надлежащихъ границахъ церковнаго приличія; а физическую сторону „извѣстной болѣзни“, не внося въ бесѣды церковныя, можно оставить для врачебно-санитарныхъ бесѣдъ), что богослужебная проповѣдь не можетъ быть продолжительна, а потому не въ состояніи дать обильной пищи уму и сердцу (не думаю я, чтобы длинпота была достоинствомъ назидательнаго и убѣдительнаго слова),—рисуетъ затѣмъ „*большое преимущество особенно внѣцерковныхъ* (?! даже не внѣбогослужебныхъ!!) бесѣдъ предъ проповѣдью, произносимою при богослуженіи, въ разныхъ отношеніяхъ“. „Прежде всего на внѣцерковныхъ бесѣдахъ дозволяется сидѣть“ (но вѣдь не воспрещается сидѣть и во время церковно-богослужебной проповѣди!); а сидѣнья для этого бываютъ „устроены *даже съ большимъ удобствомъ*“ (вотъ первое существенное преимущество внѣцерковной бесѣды!); проповѣдникъ можетъ говорить на тему, имъ самимъ избранную и излюбленную народомъ (а въ церковной проповѣди развѣ нельзя?), можетъ говорить языкомъ вполнѣ доступнымъ народу (а въ проповѣди развѣ нѣтъ?), „не стѣсняться искусственною риторикою“ (а развѣ это—неизбѣжная принадлежность церковной проповѣди?), и прочее, и прочее, очень въ своемъ родѣ интересное и даже знаменательное... Я, конечно, вполнѣ сочувствую „богословскимъ чтеніямъ“, „чтеніямъ религіознымъ“, но когда „бесѣды внѣбогослужебныя“, „внѣцерковныя бесѣды“ хотятъ выдвинуть въ ущербъ церковно-

богослужебной проповѣди, преувеличенно, натянуто порицаемой, то это же можетъ повести къ послѣдствіямъ вовсе нежелательнымъ для церкви и благочестія. Изъ храмовъ хотятъ перенести нравственное назиданіе во всякія помѣщенія. Не послужитъ ли это возбужденіемъ и поощреніемъ духа сектантства, вмѣсто церкви въ частныхъ собраніяхъ, въ родѣ Collegia pietatis, ищущаго удовлетворенія религіозно-нравственныхъ потребностей своего духа? Не идутъ ли этимъ навстрѣчу все болѣе широкіе размѣры принимающимъ попыткамъ дѣло нравственнаго улучшенія народа, *„удовлетвореніе всѣмъ высшимъ духовнымъ потребностямъ человѣка“* (какъ это недавно сказано въ одномъ печатномъ приглашеніи къ пожертвованіямъ на достройку громаднаго народнаго дома, рядомъ съ убогой деревянной, только обложенной кирпичемъ церковью), изъ храмовъ Божіихъ перенести въ залы народныхъ домовъ, въ чайныя, и тѣмъ добиться, можетъ быть и несознательно, отчужденія народа отъ церкви, сдѣлать церковь и ея храмъ лишними для дѣла нравственнаго и вообще культурнаго развитія народа? Не слѣдуетъ ли, говорю, въ значительномъ охлажденіи студентовъ Академіи къ усовершенію въ дѣлѣ церковно-проповѣдническомъ видѣть одно изъ проявленій этого, безъ сомнѣнія, весьма опаснаго теченія, въ глубокой основѣ своей если не антицерковнаго, то своими „вѣцерковными“ бесѣдами неосторожно идущаго навстрѣчу антицерковности, отчужденію отъ церкви? И не слѣдуетъ ли Академіи дѣйствовать противъ такого теченія и принять энергическія мѣры къ реформированію и оживленію церковной проповѣди, чтобы и повода не было къ укорамъ въ „отвлеченности, сухости и безжизненности“, чтобы она не изгоняла изъ церкви, а влекла въ нее? Не слѣдуетъ ли подумать о мѣрахъ къ подъему въ нашихъ студентахъ интереса къ *проповѣдничеству церковно-богослужебному?* Не слѣдуетъ ли намъ всѣми мѣрами поощрять проявленія церковно-проповѣдническаго таланта въ студентахъ, какъ это, напри-

мѣръ поощряется на протестантскихъ богословскихъ факультетахъ, гдѣ за проповѣди на данные тексты съ подробно обоснованною въ экзегетическомъ и гомилетическомъ отношеніи диспозиціею присуждаются награды (медали) наравнѣ съ сочиненіями на научныя темы? (Ученыя Записки Юрьевскаго Университета № 1, 1898 года, стр. 19—20). У насъ къ числу поощрительныхъ мѣръ должно быть отнесено и почетное напечатаніе Академіею лучшихъ студенческихъ проповѣдей.

Въ виду всего доселѣ изложеннаго мною, я думаю, что отвѣчу давно чувствующейся потребности и выражу общее желаніе учащей академической корпораціи, когда скажу, что Академіи слѣдуетъ вспомнить начальные годы послѣ своего преобразованія въ 1819 году и установить изданіе отдѣльными, болѣе или менѣе обширными выпусками кандидатскихъ диссертацій нашихъ студентовъ, какъ первыхъ серьезно-ученыхъ ихъ опытовъ (которые, замѣчу, нерѣдко превосходятъ научностію и содержательностію появляющіяся въ печати инаугуральныя диссертаціи нѣмецкихъ докторовъ богословія), съ присоединеніемъ къ научнымъ трудамъ и студенческихъ проповѣдей,—изданіе, подобное изданію, хорошо начатому по окончаніи перваго курса нашей преобразованной Академіи, прекрасно продолженному Иннокентіемъ, но безвременно остановленному.

Я предлагаю Академіи поднять нить, давно прерванную, и возстановить изданіе подъ такимъ названіемъ: Учено-Богословскіе и Церковно-Проповѣдническіе Опыты студентовъ Кіевской Духовной Академіи такого-то курса.

Въ этомъ изданіи могутъ получать мѣсто только кандидатскія диссертаціи, а не и магистерскія, для изданія которыхъ установленъ уже извѣстный порядокъ и имѣется достаточное обезпеченіе. Желательно было бы, чтобы въ этомъ погодно выпускаемомъ сборникѣ получали мѣсто не только лучшія, образцовыя кандидатскія диссертаціи, которыя мо-

гутъ имѣть право и на мѣсто рядомъ съ учеными работами профессоровъ въ „Трудахъ Академіи", но и ученые опыты сравнительно меньшей ученой цѣнности, напримѣръ: сочиненія, не очень отличающіяся самостоятельностію, или излагающія результаты, ранѣе добытые наукою, слѣдовательно, не представляющія для спеціалиста интереса новости,—словомъ, сочиненія, которыя съ высшей точки зрѣнія профессоровъ, и по строго-ученой оцѣнкѣ рецензентовъ, имѣютъ не весьма высокую научную цѣну, но, во-первыхъ, заслуживаютъ вниманія и поощренія, какъ первые ученые опыты, а затѣмъ для любителей богословскаго чтенія не—спеціалистовъ могутъ представлять интересъ и учености, и новости. Наконецъ, могутъ быть печатаемы и нѣкоторыя только главы сочиненій, болѣе интересныя по содержанію, болѣе обработанныя по изложенію, имѣющія въ себѣ нѣкоторую цѣльность и законченность, приближающую эти главы къ монографіямъ,—съ обозначеніемъ, что это только части сочиненій.

Теперь вопросъ въ средствахъ, изъ-за недостатка которыхъ у насъ не могутъ осуществляться многія добрыя намѣренія. Если Совѣтъ Академіи принимаетъ, по крайней мѣрѣ, по существу мое настоящее предложеніе, то я предлагаю отъ себя нѣкоторое обезпеченіе для осуществленія такого изданія: я внесу теперь же 15.000 рублей (государственной рентой), годичнаго дохода съ которыхъ (570 рублей) будетъ достаточно для изданія небольшого пока тома „Опытовъ студентовъ". А если бы Совѣтъ Академіи призналъ болѣе удобнымъ издавать по одному тому Опытовъ каждые два года, сразу за два курса, то 1140 рублей процентовъ, да нѣкотораго дохода отъ продажи экземпляровъ изданія, уже достаточно было бы для изданія тома и болѣе внушительныхъ размѣровъ. Не желая связывать Совѣтъ Академіи изложеніемъ здѣсь представляющихся мнѣ нынѣ подробностей изданія, я скажу только, что предпочелъ бы изданіе ежегодное.

Думаю, что осуществленіе этого моего проэкта *поднимет ученую и церковно-проповѣдническую производительность студентовъ Академіи, оживитъ и общую научную жизнь Академіи, будетъ вполнѣ отвѣчать научному достоинству и доброму имени Академіи нашей, вѣрной и самоотверженной служительницы науки богословской*“ [1]).

Ко дню смерти архіеп. Димитрія, на % съ пожертвованнаго имъ, при указанныхъ обстоятельствахъ, капитала, напечатано *десять выпусковъ* (въ 400 и болѣе стр. каждый) Учено-богословскихъ и церковно-проповѣдническихъ студенческихъ опытовъ.

Изъ другихъ дѣяній почившаго Архипастыря, какъ ректора Кіевской духовной Академіи, выразившихся въ формѣ предложеній его академическому Совѣту, должны быть отмѣчены особенно слѣдующія: 1) о ходатайствѣ предъ высшею властію касательно разрѣшенія учредить при Академіи на пожертвованный имени потомственнаго почетнаго гражданина В. И. Ѳеолого капиталъ не одну студенческую стипендію, какъ значится въ завѣщаніи его, но двѣ стипендіи [2]); 2) о необходимости составленія подробнаго и обстоятельнаго Положенія объ испытаніяхъ и объ удостоеніи ученыхъ степеней и званій въ Академіи, примѣнительно къ дѣйствующему академическому уставу и соотвѣтственно назрѣвшимъ потребностямъ ученой и учебной жизни Академіи [3]); 3) сообщеніе Учебному Комитету при св. синодѣ, принятое въ Совѣтѣ Академіи 15 ноября 1900 года, по поводу прошенія студента Кутаисской духовной семинаріи Раждена Тодуа на имя синодальнаго оберъ-прокурора, причемъ Р. Тодуа былъ принятъ въ Казанскую духовную Академію, но, по болѣзненному состоянію, желалъ поступить въ Кіевскую духовную Академію [4]); 4) предложеніе о необхо-

[1]) См. тамъ же Журн. Сов. Кіев. дух. Акад. за 13 мая 1902 г.

[2]) См. тамъ же Журн. Сов. Кіев. дух. Акад. за 17 декабря 1899 г.

[3]) См тамъ же Журн. Сов. Кіев. дух. Акад. за 2 сент. 1900 г. (предложеніе датировано 30 августа 1900 г).

[4]) См. тамъ же въ журн. Сов Кіев. дух. Акад. за 15 ноября 1900 г.

димости войти въ обсужденіе вопроса о пересмотрѣ дѣйствующихъ положеній о макарьевскихъ—юбилейной и посмертныхъ—преміяхъ, соотвѣтственно обнаружившимся на практикѣ неточностямъ и неясностямъ въ прежнихъ положеніяхъ [1]); 5) постановленіе академическаго Совѣта, редактированное преосв. Димитріемъ, по поводу запроса св. синода о пріемѣ въ Академію семейныхъ священниковъ [2]) и 6) объ учрежденіи кассы краткосрочныхъ ссудообразныхъ пособій для студентовъ Академіи, съ пожертвованіемъ (дополнительнымъ) 300 рублей на этотъ предметъ изъ своихъ личныхъ средствъ [3]).

Всѣ, сейчасъ названныя нами, предложенія почившаго Архипастыря отличаются основательностію, чисто научною обстоятельностію (иныя изъ нихъ въ печати занимаютъ болѣе печатнаго листа) и всестороннимъ изслѣдованіемъ возбуждаемаго вопроса, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ изобилуютъ многими и яркими примѣрами изъ академической жизни и практики, видимо, прекрасно изученной иниціаторомъ предложенія путемъ многолѣтнихъ наблюденій надъ жизнію Академіи. Вотъ что, напр., писалъ въ своемъ предложеніи отъ 30 августа 1900 года почившій Архипастырь касательно семестровыхъ студенческихъ сочиненій: „Семестровыя сочиненія мы ставимъ, повидимому, высоко: при счетѣ балловъ, баллы по сочиненіямъ берутся *вдвое*. Но на

[1]) См. тамъ же въ журн. Сов. Кіев. дух. Акад. за 16 янв. 1901 г.

[2]) См. тамъ же въ журн. Сов. Кіев. дух. Акад. за 26 сент. 1901 г.

[3]) См. тамъ же въ журн. Сов. Кіев дух. Акад. за 13 мая 1902 г. Касса эта была установлена Правленіемъ Академіи собственно еще 30 января 1896 года на счетъ внесенныхъ почившимъ Архипастыремъ, бывшимъ тогда архимандритомъ—инспекторомъ Академіи, 300 рублей. По словамъ самого учредителя ея, „касса эта оказалась весьма полезною для студентовъ, выручая ихъ изъ мелкихъ денежныхъ затрудненій, иногда очень досадныхъ. Студенты вполнѣ оцѣнили доброе значеніе кассы и охраняютъ ея цѣлость: за семь лѣтъ операцій касса потерь не имѣла“. Но практика показала, что 300 рублей для операцій кассы было недостаточно. Поэтому, иниціаторъ учрежденія кассы, оставляя Академію, позаботился объ увеличеніи ея капитала до 600 рублей, въ какомъ видѣ она остается и доселѣ. Изъ кассы выдаются краткосрочныя пособія студентамъ Акад. въ размѣрѣ отъ 5 до 7 рублей

самомъ дѣлѣ, при оцѣнкѣ правъ студента Академіи на ученую степень или ученое званіе, да и при переводѣ изъ курса въ курсъ, сочиненія семестровыя мы совсѣмъ упускаемъ изъ виду. Счетъ балловъ по сочиненіямъ *вдвое* имѣетъ у насъ значеніе только для опредѣленія мѣста студента въ порядковомъ спискѣ. А затѣмъ неудовлетворительные баллы (2 и даже 1) по семестровымъ сочиненіямъ не мѣшаютъ у насъ полученію воспитанниками даже степени кандидата богословія, если только баллы по устнымъ отвѣтамъ и курсовое сочиненіе даютъ это право. Въ студентахъ, хорошо знающихъ, что неудовлетворительные баллы, поставленные на семестровыхъ сочиненіяхъ, значенія для полученія ученой степени не имѣютъ, *эта ненормальность ослабляетъ энергію къ ученой письменной работѣ; и многіе исполняютъ ее только для формы, беззаботно пользуясь ученымъ матеріаломъ, собраннымъ товарищами (на весь курсъ дается одна тема или двѣ).* Но къ чему же, собственно говоря, въ виду этого, профессоры несутъ немалый трудъ, добросовѣстно рецензируя сочиненія семестровыя, если баллы по этимъ сочиненіямъ вовсе не получаютъ самостоятельнаго и выдающагося значенія при оцѣнкѣ достоинствъ студента самого въ себѣ, а не только сравнительно съ товарищами? Какъ извѣстно Совѣту, въ іюнѣ истекшаго учебнаго года, какъ и въ іюнѣ 1899 года, при обсужденіи дѣлъ выпускныхъ студентовъ, я обращалъ вниманіе членовъ Совѣта на эту аномалію; заводились у насъ по этому вопросу продолжительныя обсужденія, которыя, впрочемъ, такъ и не привели къ опредѣленному, точно формулированному, рѣшенію этого весьма серьезнаго вопроса. Слѣдовало бы теперь, въ коммиссіи, подвергнуть этотъ вопросъ особенно внимательному обсужденію. Если неудовлетворительные баллы по семестровымъ сочиненіямъ (какъ и баллы такіе же по устнымъ отвѣтамъ) не обсуждать по окончаніи каждаго года (*а слѣдовало бы обсуждать*), а отложить все дѣло до окончанія курса, какъ у

насъ теперь дѣлается, то нельзя ли рѣшить этотъ вопросъ въ сущности такъ: неудовлетворительный баллъ по семестровому сочиненію (двойка, если мы установимъ окончательно считать двойку балломъ неудовлетворительнымъ, а не „посредственнымъ“) служитъ такъ же (и даже болѣе) препятствіемъ къ полученію ученой степени или ученаго званія, какъ и неудовлетворительный баллъ по устному отвѣту (долженъ бы служить препятствіемъ и къ переходу въ слѣдующій курсъ). Притомъ баллы по сочиненіямъ должны быть разсматриваемы (какъ и въ Университетѣ; см. § 21 Правилъ объ испытаніяхъ въ коммиссіи историко-филологической) самостоятельно, отдѣльно отъ балловъ устныхъ отвѣтовъ по тѣмъ же предметамъ: и неудовлетворительный баллъ по сочиненіямъ не можетъ быть покрытъ очень хорошимъ устнымъ отвѣтомъ по тому же предмету. Что касается исправленія неудовлетворительнаго балла по сочиненію семестровому переэкзаменовкой, то это можно бы сдѣлать такъ: имѣющій неудовлетворительный баллъ по сочиненію, какъ обнаруживший и недостатокъ знанія предмета и писательскую неумѣлость, долженъ подвергнуться устному испытанію (переэкзаменовкѣ) по тому предмету, по которому сочиненіе написано неудовлетворительно, хотя бы экзаменный баллъ устнаго отвѣта по этому предмету былъ удовлетворительный. И кромѣ того, экзаменующійся долженъ написать на тему по тому предмету „письменный отвѣтъ“, какъ въ Университетахъ на испытаніяхъ въ коммиссіи,—въ теченіе 5-ти часовъ (съ 9 до 2), чтобы показать, что онъ усовершился не только въ знаніяхъ по этому предмету, но и навыкъ въ письменной работѣ. Удовлетворительный баллъ на курсовомъ сочиненіи не можетъ покрыть неудовлетворительныхъ балловъ на сочиненіяхъ семестровыхъ“ [1]).

---

[1]) См. тамъ же Журн. Сов Кіев. дух. Акад. за 2 сент 1900 г.

Или вотъ какія, напр., соображенія и наблюденія высказывалъ почившій Архипастырь въ томъ же своемъ предложеніи относительно курсовыхъ студенческихъ сочиненій. „По уставу духовныхъ академій (§ 125)“, писалъ онъ, „изготовленіе такъ называемыхъ курсовыхъ сочиненій обязательно для всѣхъ студентовъ IV курса. Этой работѣ придается такое серьезное значеніе, что ради нея для студентовъ IV курса полагается 12 лекцій въ недѣлю (тогда какъ въ другихъ курсахъ 30). Между тѣмъ на практикѣ, имѣющей опору въ томъ же уставѣ духовныхъ академій, эти сочиненія оказываются вовсе необязательными для студентовъ IV курса, студенты могутъ вовсе не писать курсовыхъ сочиненій и, при 12 всего лекціяхъ въ недѣлю, предаваться бездѣлью. Дѣло вотъ въ чемъ: въ § 138 устава духовныхъ академій сказано, что студенты, *непредставившіе* сочиненія на степень кандидата, или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента. На практикѣ это ведетъ вотъ къ чему: студентъ, узнавши частнымъ образомъ, что его баллы по устнымъ отвѣтамъ за три курса не даютъ ему права на степень кандидата богословія, считаетъ лишней работу надъ курсовой темой: дескать, все-равно получу дѣйствительнаго студента. Для виду предъ начальствомъ, онъ записываетъ за собою кандидатскую тему, а затѣмъ складываетъ оружіе и для работы надъ сочиненіемъ пальцемъ не шевельнетъ. Это дѣлается открыто. Всѣ товарищи знаютъ, что такой-то не пишетъ сочиненія, потому—все-равно—кандидата не получитъ. Такіе студенты обыкновенно проводятъ цѣлый годъ въ равнодушномъ бездѣльи. Въ 1899 году такихъ у насъ было двое; изъ нихъ одинъ русскій. Въ 1900 году тоже двое; и опять одинъ русскій. Другой студентъ избираетъ тему, вѣроятно, съ искреннимъ намѣреніемъ работать надъ кандидатской диссертаціей. Но или тема оказывается для него не по силамъ, или у него нѣтъ энергіи, настойчивости

къ преодолѣнію часто встрѣчающихся въ ученой работѣ трудностей, и онъ, провозившись за работой этакъ до Рождества, въ отчаяніи безпомощно опускаетъ руки. И работѣ надъ сочиненіемъ конецъ! „Получу дѣйствительнаго студента Академіи и безъ сочиненія. А сочиненіе напишу когда нибудь послѣ, на должности". Большею частію это „послѣ" бываетъ ad calendas Graecas. Такіе заслуживаютъ сожалѣнія. Они мучатся цѣлый годъ, видя, какъ товарищи бодро заканчиваютъ одинъ изъ послѣднихъ серьезныхъ актовъ своей школьной работы (одинъ такой студентъ былъ и въ прошломъ году). Есть и еще одинъ типъ неувѣренныхъ въ себѣ, самокритиковъ, недовольныхъ собою, самобичующихся. Такіе, уже почти приготовивши сочиненіе, иногда даже переписавши большую часть, или почти все, въ недовольствѣ своею работою отказываются закончить ее и своевременно подать И все это считается въ порядкѣ вещей. И воображаютъ студенты, что они имѣютъ на это право; что это ихъ дѣло—подать сочиненіе или не подать. Все это говорится и дѣлается открыто, даже, можно сказать, оффиціально. Объ этомъ знаютъ профессоры и начальство. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что въ этомъ ложномъ представленіи о своихъ обязанностяхъ студенты наши споконъ вѣку находятъ поддержку у насъ самихъ. Мы, думаю, не безъ вліянія § 138, не внушаемъ студентамъ, что они обязаны во время подать курсовое сочиненіе, не задаваясь вопросомъ, удовлетворительно оно, или неудовлетворительно, что они такъ же обязательно должны написать это сочиненіе, какъ писали семестровыя, что о неподавшемъ курсоваго сочиненія вовсе не будетъ въ Совѣтѣ разсужденія, какъ объ окончившемъ курсъ, подобно тому, какъ отсрочивается окончательное сужденіе о студентѣ, недержавшемъ устнаго экзамена.—Мы только ободряемъ студентовъ, обнадеживаемъ ихъ, чтобы они не падали духомъ, что сочиненіе какъ разъ можетъ оказаться хорошимъ. Тѣ, кто, по начальственнымъ обязанностямъ, входилъ ближе въ

дѣло изготовленія студентами курсовыхъ сочиненій, знаютъ, какого труда стоитъ убѣдить одного студента продолжать работу, другого—заканчивать сочиненіе, а у нѣкоторыхъ колеблющихся просто изъ рукъ вырывать сочиненія, чтобы дать имъ оффиціальный ходъ. Помню, какъ я еще на первомъ году своей баккалаврской службы убѣдилъ двухъ своихъ полутоварищей С. и Р. подать курсовыя сочиненія, которыя они хотѣли изорвать и въ тотъ же день уѣхать изъ Кіева; какъ они, спустя уже нѣсколько лѣтъ, благодарили меня за то, что я убѣдилъ ихъ подать сочиненія, которыя, по отзывамъ рецензентовъ, оказались удовлетворительными — Четыре года тому назадъ, въ бытность мою инспекторомъ Академіи, былъ такой случай. Какъ-то въ мартѣ спрашиваю, по старой традиціи, у студентовъ: всѣ ли студенты подаютъ курсовыя сочиненія? Это не было съ моей стороны выспрашиваніемъ студенческихъ секретовъ: о намѣреніи котораго либо студента не подавать сочиненія курсоваго по какой либо причинѣ говорилось оффиціально, открыто, какъ о явленіи, которое въ порядкѣ вещей. Назвали мнѣ одного изъ лучшихъ студентовъ, который хотя написалъ уже много и переписалъ, но далеко не выполнилъ темы и рѣшилъ не подавать сочиненія. Я удивился и пригласилъ къ себѣ этого студента... Я, стоя на спокон-вѣчной традиціи, вмѣсто того, чтобы потребовать отъ него оффиціально подачи сочиненія, сталъ совѣтовать ему и убѣждать его всяческими доводами подать сочиненіе, такъ какъ онъ все-таки сдѣлалъ много, что сочиненіе можетъ быть достаточнымъ для степени кандидата, что онъ можетъ по окончаніи курса продолжать работу, комментировать всю книгу пророка и представить сочиненіе на степень магистра. Студентъ поддался увѣщаніямъ, рискнулъ представить сочиненіе. Къ крайнему его изумленію, рецензенты согласно оцѣнили его сочиненіе, какъ кандидатское, балломъ „5“. За сочиненіе присуждена ему вдобавокъ установленная за лучшія студенческія сочиненія

премія... Послѣ этого, я, взвѣсивши положеніе дѣла, разорвать съ давними традиціями, и въ послѣдніе три года не убѣждалъ уже студентовъ подавать курсовыя сочиненія, а требовалъ подачи, какъ исполненія студентами своей обязанности Это показалось студентамъ чѣмъ-то совершенно новымъ до того, что они заподозривали основательность и законность моего требованія, увидѣли въ этомъ даже притѣсненіе съ моей стороны, что въ истекшемъ году одинъ изъ нихъ, правда, скорбный главою, и выразилъ мнѣ вопросомъ, съ наивно-ехидной улыбочкой. „а развѣ я не имѣю права не подать сочиненія курсоваго? это мое дѣло; когда я приготовлю, подамъ. Мнѣ не трудно будетъ и по окончаніи курса изготовить; тема у меня не важная“. Таковъ взглядъ нашихъ студентовъ на курсовыя сочиненія, съ которымъ приходится считаться ежегодно. И если въ нашей Академіи студенты, неподающіе курсоваго сочиненія, изъ года въ годъ считаются двумя—тремя единицами, а не десятками, то это, во первыхъ, дѣлаетъ честь нашимъ студентамъ, которые усердно исполняютъ это студенческое дѣло, хотя ошибочно думаютъ, что могутъ не исполнять. А во вторыхъ, неначальствующіе въ Академіи не знаютъ, чего стоитъ, особенно академической инспекціи, исправная подача студентами курсовыхъ сочиненій. Я полагаю, что для урегулированія вопроса о курсовыхъ сочиненіяхъ слѣдуетъ, прежде всего, ходатайствовать, чтобы въ § 138 устава духовныхъ академій отмѣнено было выраженіе „непредставившіе сочиненія“, потому что эта оговорка имѣетъ на практикѣ деморализующее вліяніе на студентовъ. Каждый студентъ на IV курсѣ обязанъ подать сочиненіе, каково бы оно—хорошо или худо,—по его личному убѣжденію, ни было. Неписавшій курсоваго сочиненія на IV курсѣ безъ достаточнаго къ тому основанія (продолжительная болѣзнь) является нарушителемъ одного изъ существенныхъ требованій академической дисциплины; и при оцѣнкѣ достоинствъ такого студента при выпускѣ его изъ Академіи

можетъ идти рѣчь и объ уменьшеніи ему балла по поведенію, какъ ненадежному къ исполненію своихъ обязанностей. Всѣ студенты должны подать сочиненія въ назначенный срокъ; во всякомъ случаѣ (при запозданіи по довлѣющей причинѣ) сочиненіе должно быть подано не позже 7-го іюня, то есть, до начала заканчивающихъ учебный годъ іюньскихъ собраній Совѣта Академіи. За симъ, во избѣжаніе недоумѣній при присужденіи студентамъ ученыхъ степеней, вызываемыхъ окончательными приговорами профессорскихъ рецензій, я полагалъ бы установить точную, въ окончательномъ выводѣ рецензій, формулировку достоинства курсовыхъ сочиненій“ [1])...

Отъ вниманія заботливаго ректора, какимъ былъ преосв. Димитрій, не ускользнули нѣкоторые недочеты въ жизни и дѣятельности вспомогательныхъ учрежденій, существовавшихъ (и нынѣ существующихъ) при Академіи. Эти дефекты большею частію были неизбѣжнымъ результатомъ естественнаго порядка вещей, въ силу котораго жизнь подвинулась впередъ и создала такія условія, какихъ не предусматривала прежняя организація академическихъ вспомогательныхъ учрежденій. Между тѣмъ преосв. Димитрій въ теченіи предыдущей своей продолжительной академической жизни, какъ оказалось, присматривался къ дѣятельности этихъ учрежденій и прекрасно зналъ слабыя стороны сей дѣятельности.

Прежде всего, преосв. Димитрій обратилъ вниманіе на существовавшее съ 28 сентября 1882 г. при Кіевской духовной Академіи *Богоявленское Братство*. Въ первый же годъ своего ректорства, 31 декабря 1898 г. онъ выступилъ предъ Общимъ Собраніемъ Братства съ обширною и всесторонне мотивированною *запискою—предложеніемъ о необходимости коренного преобразованія академическаго Богоявленскаго Братства.*

Въ этой своей запискѣ, представляющей историческій обзоръ важнѣйшихъ моментовъ въ предшествовавшей 16-лѣт-

---

[1]) См тамъ же.

ней исторіи Братства, преосв. Димитрій, принявъ во вниманіе, съ одной стороны, коренныя особенности въ организаціи управленія дѣлами Братства, которыя, какъ показала 16-лѣтняя практика, не только не содѣйствовали осуществленію добрыхъ задачъ Братства, но скорѣе затрудняли и тормозили его, а съ другой стороны—громко заявлявшія себя настоятельныя потребности Академіи, удовлетвореніе которыхъ не было предусмотрѣно прежнимъ уставомъ Братства,—предложилъ измѣнить послѣдній, причемъ самъ же, по обыкновенію, намѣтилъ планъ реформы и далъ средства для расширенія и оживленія его дѣятельности въ новомъ видѣ.

По проэкту преосв. Димитрія, предполагалось, прежде всего, устранить *обособленное положеніе Братства въ отношеніи Академіи*, благодаря которому Братство было не *при* Академіи, а *рядомъ* съ Академіею. Эта отчужденность Братства отъ Академіи особенно ярко выражалась въ томъ, что предсѣдателемъ Братства всегда избиралось лице, не принадлежавшее къ составу академической профессорской корпораціи, равно товарищъ предсѣдателя, всѣ члены Братства, казначей и секретарь его *могли быть* не изъ лицъ, служившихъ въ Академіи. Академію въ прежнемъ Братствѣ обязательно представлялъ только одинъ непремѣнный членъ Совѣта въ лицѣ инспектора Академіи, а ректоръ Академіи, по своему званію, былъ только почетнымъ членомъ Братства, имѣвшимъ право присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ Братства и принимать участіе во всѣхъ рѣшеніяхъ его.

Съ другой стороны, прежнимъ уставомъ Братства изъ числа лицъ, которымъ оно могло помогать своими средствами, исключались наличные *профессора и служащіе въ Академіи.* Въ своей исторической запискѣ преосв. Димитрій цѣлымъ рядомъ краснорѣчивыхъ фактовъ доказалъ, что такая особенность въ предшествовавшей дѣятельности академическаго Братства была *намѣренно* предусмотрѣна уставомъ его, какъ

не отвѣчавшая благотворительной идеѣ, положенной въ основаніе всего устава.

На основаніи изложенныхъ справокъ и соображеній, преосв. Димитрій предлагалъ Общему Собранію Братства избрать особую коммиссію и поручить ей измѣнить уставъ Братства въ томъ направленіи, чтобы Братство возможно тѣснѣе стояло въ отношеніи къ Академіи при обязательномъ предсѣдательствованіи ректора Академіи въ Братствѣ и чтобы благотворительная дѣятельность послѣдняго была расширена путемъ помощи не только студентамъ Академіи и бывшимъ воспитанникамъ ея, но также и профессорамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ Академіи и семействамъ ихъ. Для прочнаго обезпеченія обновленной и расширенной такимъ образомъ благотворительной дѣятельности Братства иниціаторъ реформы предлагалъ, по обыкновенію, свои личныя средства.

Предложеніе преосв. Димитрія было единогласно принято Общимъ Собраніемъ, и была назначена особая коммиссія для пересмотра устава Братства.

Выработанный этою послѣднею коммиссіею проэктъ былъ одобренъ Общимъ Собраніемъ 8 марта 1900 года и, подъ именемъ „Устава Богоявленскаго при Кіевской духовной Академіи Братства для вспомоществованія *служащимъ въ Академіи* и студентамъ ея“, былъ представленъ на утвержденіе высшей власти. 12 октября 1900 г. проэктъ устава былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а 10 ноября 1900 г. происходило уже первое общее собраніе преобразованнаго Братства, подъ предсѣдательствомъ самого иниціатора реформы.

День этотъ былъ, сколько помнимъ, днемъ искренняго торжества почившаго Архипастыря, который предъ этимъ немало волновался по поводу замедленія въ дѣлѣ утвержденія новаго устава. Свою радость преосв. Димитрій, по обыкновенію, выразилъ въ особомъ предложеніи, съ которымъ

онъ обратился къ Общему Собранію и въ которомъ отмѣтилъ новыя черты въ дѣятельности Братства

„Въ виду утвержденія подлежащею властію новаго устава Братства, я“, говоритъ преосв. Димитрій, „выполняя сдѣланное мною 31 декабря 1898 года заявленіе, вношу нынѣ въ кассу Братства наличными 2.000 рублей, которые, согласно § 21-му устава, должны быть положены въ основаніе расходнаго капитала профессорскаго (т. е. служащихъ въ Академіи). Для заимообразнаго удовлетворенія всѣхъ требованій эта сумма можетъ, конечно, оказаться и недостаточною, особенно, если много будетъ заимообразныхъ полученій въ полномъ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья. Во всякомъ же разѣ операціи Братства по § 21 устава на первое время значительно обезпечены.

Но въ нашемъ уставѣ есть еще одинъ параграфъ, которому я придаю значеніе не менѣе,—скажу даже,—болѣе существенное, чѣмъ § 21-му. Это § 22-й устава о неприкосновенномъ профессорскомъ капиталѣ, изъ процентовъ на который могутъ быть выдаваемы безвозвратныя единовременныя вспомоществованія. Въ основаніе этого капитала новый уставъ нашъ ничего реальнаго не положилъ, а пока надежду возложилъ на могущій быть со временемъ избытокъ въ расходномъ прфессорскомъ капиталѣ.

Желая положить начало для операцій Братства и по этому параграфу, я теперь же вношу въ кассу Братства 2.000 рублей билетами государственной ренты съ купонами съ 1-го марта 1901 года, которые прошу положить въ основаніе неприкосновеннаго профессорскаго капитала“ [1])...

Вотъ при такихъ обстоятельствахъ начало свою жизнь и дѣятельность обновленное, по иниціативѣ преосв. Димитрія,

---

[1]) См. Уставъ Богоявленскаго при Кіевской духовной Академіи Братства. К 1901 г., гдѣ на стр. 17—34 напечатана Записка о преобразованіи Братства и о началѣ его дѣятельности по новому уставу, а на стр. 35—52—Записка преосв. Димитрія, епископа Чигиринскаго, ректора Академіи, читанная имъ въ Общемъ Собраніи Братства 31 декабря 1898 года.

Богоявленское Братство при Кіевской духовной Академіи. Ставъ подъ непосредственное *предсѣдательство* (которое преосв. Димитрій понималъ не въ одномъ только начальственномъ руководствѣ, но и въ личной щедрой благотворительности) ректора Академіи, Богоявленское Братство начало теперь оказывать помощь не только студентамъ, но и нуждающимся профессорамъ Академіи

Преосвященный Димитрій и впослѣдствіи, даже по выходѣ изъ Академіи, продолжалъ съ полнымъ вниманіемъ слѣдить за состояніемъ обновленнаго имъ Братства и заботиться объ увеличеніи средствъ его. Оставляя Академію, въ маѣ 1902 года онъ пожертвовалъ изъ своихъ личныхъ средствъ 2 000 рублей, которые просилъ записать въ неприкосновенные капиталы профессорскаго и студенческаго отдѣловъ кассы Братства, по тысячѣ рублей въ каждый отдѣлъ. Затѣмъ, 30 апрѣля 1905 года, посѣтивъ Академію на пути изъ Казани въ Одессу, архіепископъ Димитрій пожертвовалъ еще 100 рублей въ кассу Академическаго Братства, по 50 рублей въ неприкосновенные капиталы профессорскаго и студенческаго отдѣловъ. Такимъ образомъ, основанный преосв. Димитріемъ профессорскій неприкосновенный капиталъ академическаго Братства, при незначительныхъ пожертвованіяхъ посторонннхъ лицъ, при обращеніи наличныхъ денегъ въ процентныя бумаги и при причисленіи къ нему остатковъ отъ процентовъ капитала для выдачи безвозвратныхъ пособій служащимъ въ Академіи (также имъ основаннаго) возросъ къ 1 января 1913 года до 7.106 руб. 49 коп., а расходный профессорскій капиталъ къ тому же времени увеличился до 3365 р. 15 коп.

Съ неменьшею серьезностію и заботливостію, чѣмъ за Богоявленскимъ Братствомъ, слѣдилъ преосв. Димитрій, въ бытность ректоромъ Академіи, и за другимъ вспомогательнымъ учрежденіемъ, существовавшимъ тогда (и нынѣ существующимъ) при Кіевской духовной Академіи. Разумѣемъ

Церковно-Археологическое Общество и Церковно-Археологическій музей при немъ. Это послѣднее Общество должно было привлечь къ себѣ тѣмъ большее вниманіе и вызывать тѣмъ большія симпатіи преосв. Димитрія, что оно служило стоть дорогимъ для него интересамъ науки и въ особенности науки церковно-археологической и близко родственной ей церковно-исторической науки. Дѣятельность этого Общества, какъ возникшаго на глазахъ преосв. Димитрія первоначально (въ 1872 г.) въ видѣ музея и *церковно-археологической коммиссіи* при немъ, потомъ (въ 1873 г.) явившагося въ видѣ Музея и *Церковно-археологическаго Общества* при немъ и, наконецъ, въ 1881 преобразованнаго въ *Церковно-археологическое Общество съ церковно-археологическимъ Музеемъ при немъ*, была, видимо, хорошо извѣстна преосв. Димитрію еще въ то время, когда онъ былъ просто профессоромъ, равно какъ ему были извѣстны не только важныя заслуги его для науки, но и отрицательныя стороны его организаціи, стѣснявшія и тормозившія его благотворную дѣятельность. Главный недостатокъ организаціи Церковно-археологическаго академическаго Общества, по наблюденіямъ преосв. Димитрія, заключался въ томъ, что „уставъ 1881 года въ Общество, поставившее для себя первоначальную задачу,—археологическую,—надъ которою имѣлъ, по смыслу первоначальнаго устава, работать сравнительно небольшой кругъ спеціалистовъ и прикосновенныхъ къ археологической спеціальности лицъ, ввелъ обильный притокъ ученыхъ силъ по различнымъ богословскимъ спеціальностямъ, для которыхъ стали тѣсными прежнія задачи, установленныя для дѣятельности Общества“. На этой почвѣ неудовлетворенности академическихъ профессоровъ узко-спеціальными задачами Церковно-археологическаго Общества возникла идея высвобожденія изъ прежнихъ узкихъ рамокъ Общества и созданія въ Академіи новыхъ научно-общественныхъ центровъ, гдѣ находило бы себѣ ис-

ходъ естественное стремленіе къ ученому взаимообщенію въ болѣе широкой сферѣ богословской мысли.

Такое стремленіе сдѣлалось особенно замѣтнымъ въ годы ректорства преосв. Димитрія и начало выражаться, между прочимъ, въ томъ, что въ засѣданіяхъ Церковно-археологическаго Общества, происходившихъ подъ его предсѣдательствомъ, начали заслушиваться такіе рефераты (напр., о новомъ томѣ русской церковной истории † проф. Е. Е. Голубинскаго, о современномъ состояніи старокатоличества, англиканства, о современномъ положеніи богословской школы въ Сѣверной Америкѣ, о преобразованіи духовной школы, о христіанствѣ и культурѣ, о философскихъ понятіяхъ нашего времени объ исторіи, какъ наукѣ), которые, по выраженію преосв. Димитрія, „проникали въ собранія Церковно-археологическаго Общества контрабандою и ихъ заслушивали вопреки уставу, точно опредѣлявшему кругъ занятій Общества".

Идя на встрѣчу столь ясно опредѣлившимся запросамъ времени и желая устранить выяснившіеся дефекты въ организаціи ученаго академическаго Общества, преосв. Димитрій въ собраніи Общества, происходившемъ 9 октября 1900 года, выступилъ съ мотивированнымъ предложеніемъ о нѣкоторомъ измѣненіи устава Церковно-археологическаго Общества. Его предложеніе, по обыкновенію, представляло цѣлый обстоятельный докладъ—историческую справку о предшествовавшей организаціи и дѣятельности Общества На основаніи фактовъ и личныхъ наблюденій, преосв. Димитрій приходилъ къ признанію необходимости переименовать существовавшее дотолѣ при Академіи *Церковно-археологическое* Общество въ *Церковно-историческое,* въ видахъ возможно большаго расширенія его дѣятельности, но съ удержаніемъ status quo Церковно-археологическаго Музея и съ предоставленіемъ Церковно-археологической наукѣ полнаго простора въ реформированномъ Церковно-историческомъ Обществѣ.

Предложеніе преосв. Димитрія вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній между представителями археологической науки, съ одной стороны, и преподавателями другихъ академическихъ наукъ, съ другой. Высказанныя въ это время мнѣнія и сужденія рекомендовано было принять во вниманіе особой коммиссіи, которая тогда же была избрана для пересмотра устава Церковно-археологическаго Общества на указанныхъ въ предложеніи преосв. Димитрія основаніяхъ. Коммиссія скоро представила выработанный ею проэктъ новаго устава ученаго академическаго Общества, которому было присвоено названіе „Церковно-историческаго и Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи". Такимъ двойнымъ наименованіемъ Общества подчеркивалось то выдающееся значеніе археологической науки въ средѣ другихъ дисциплинъ академическаго преподаванія съ историческимъ элементомъ, какое она (археологія) должна была сохранить въ обновленномъ Обществѣ.

Особенности выработаннаго коммиссіею устава ученаго академическаго Общества состояли, главнымъ образомъ, во 1-хъ) въ расширеніи круга занятій Общества, съ распространеніемъ его дѣятельности на всѣ отрасли академической науки, съ историческимъ элементомъ; во 2) въ установленіи болѣе тѣсной связи Общества и Церковно-археологическаго Музея съ Академіею, примѣнительно къ академическому уставу 1884 года, и въ 3) въ редакціонныхъ примѣчаніяхъ нѣкоторыхъ §§ устава Общества, въ смыслѣ наибольшей точности текста ихъ, на основаніи указаній опыта.

Разсмотрѣнный и принятый Обществомъ этотъ проэктъ устава Общества 22 августа—5 сентября 1901 года былъ утвержденъ св. синодомъ. А съ 15 октября того же года преобразованное ученое академическое Общество уже начало и свою дѣятельность, на основаніи новаго устава, дѣйствующаго и до сего дня [1]).

---

[1]) См. Уставъ Церковно-историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи (К. 1901 г.), гдѣ на стр. 9—17

Такова была ректорская дѣятельность почившаго Архипастыря. Лучше всего охарактеризовалъ эту дѣятельность преемникъ его по ректорству въ Кіевской духовной Академіи, преосв. (нынѣ) архіепископъ Платонъ въ своемъ предложеніи Совѣту Академіи (5 іюня 1902 года) объ избраніи почившаго Архипастыря въ званіе почетнаго члена Академіи... „Ректорство его по времени незначительно“, писалъ преосв. Платонъ, „но по результатамъ давно небывалое въ славной исторіи нашей Академіи. Много въ Академіи осталось памятниковъ отъ ректорства епископа Димитрія, памятниковъ его неутомимости въ трудахъ на благо Академіи, его энергіи, его любви къ Академіи и неустанной заботы о вящшей славѣ ея и духовной силѣ. Всѣ акты его попеченія о преуспѣяніи Академіи трудно даже и перечислить, но указать важнѣйшіе изъ нихъ и можно и должно.

Церковное призываніе академическихъ святителей, молитвенниковъ Кіево-Братскихъ, началось въ Академіи въ ректорство преосвященнаго Димитрія по иниціативѣ и по почину его.

Капиталъ для краткосрочныхъ безпроцентныхъ вспомоществованій нуждающимся студентамъ внесенъ преосвященнымъ Димитріемъ.

Преосвященному Димитрію принадлежитъ возбужденіе вопроса о достойномъ ознаменованіи предстоящаго 300-лѣтняго юбилея Академіи,—равно какъ и капиталъ на расходы по изданію актовъ по исторіи Академіи въ виду этого юбилея внесенъ преосвященнымъ же Димитріемъ.

Новый уставъ нынѣшняго Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Академіи выработанъ пре-

---

напечатана „Записка о преобразованіи Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи въ Церковно-историческое и Археологическое Общество при Кіевской духовной Академіи“ и на стр. 19—30—„Записка преосв. Димитрія, заслушанная въ собраніи Общества 9 октября 1900 года“.

освященнымъ Димитріемъ, слѣдствіемъ чего явилось оживленіе дѣятельности прежняго Церковно-Археологическаго Общества.

Новый уставъ Богоявленскаго Братства выработанъ преосвященнымъ Димитріемъ,—причемъ расширеніе благотворительной дѣятельности Братства произошло чрезъ открытіе особаго—профессорскаго отдѣла по кассѣ его. Щедрое основаніе и начало для дѣятельности этого отдѣла положено преосвященнымъ Димитріемъ. Увеличеніе средствъ Братства совершалось постепенно и чрезъ привлеченіе новыхъ членовъ и умѣлое настойчивое собираніе прежнихъ долговъ.

Преосвященный Димитрій озабоченъ былъ оживленіемъ академическаго журнала чрезъ привлеченіе на помощь ему преміальныхъ суммъ.

Преосвященному Димитрію принадлежитъ исходатайствованіе синодальныхъ суммъ на предположенное изданіе памятниковъ, относящихся къ исторіи церкви въ Западной Россіи.

Въ послѣдніе дни пребыванія преосвященнаго Димитрія въ Академіи имъ было ведено крайне запутанное, требовавшее многихъ усилій и хлопотъ, дѣло о городскихъ стипендіяхъ.

Я не все указалъ изъ того, что сдѣлалъ для Академіи ея ректоръ, преосвященный Димитрій, думая, что и указанное убѣдительнѣйше говоритъ о томъ, что ректорство преосвященнаго Димитрія есть одна забота о благѣ Академіи. Благомъ Академіи всегда былъ занятъ его умъ и къ благу Академіи всегда влеклось его сердце. И теперь въ умѣ его отведено, конечно, не послѣднее мѣсто нашей Академіи, и сердце его не перестаетъ и доселѣ горячо любить нашу Академію. Умомъ своимъ и сердцемъ онъ нашъ, навсегда нашъ. Это—епископъ нашъ, это—епископъ академическій,—мы всѣ его признаемъ такимъ, мы не можемъ считать его инымъ, онъ нашъ родной“ [1]).

[1]) См. тамъ же Журн Сов. Кіев. дух Акад. за 5 іюня 1902 г.

Не менѣе яркую характеристику той же эпохи въ жизни почившаго Архипастыря далъ и † профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій въ своей прощальной рѣчи къ нему. „Недолго продолжалось ваше служеніе Академіи въ этомъ (ректорскомъ) званіи",—говорилъ В. Ѳ. Пѣвницкій,—„четыре года съ небольшимъ. Но какъ много сдѣлано вами ко благу Академіи и служащихъ въ ней въ это короткое время! Вы, всецѣло преданный Академіи, служили ей и намъ, не щадя ни силъ, ни своихъ матеріальныхъ средствъ. Ваши, слишкомъ щедрыя и безпримѣрныя жертвы, взятыя на Академію, въ особенности, заявленныя въ послѣднее засѣданіе Совѣта Академіи, свидѣтельствуя о вашей безграничной любви къ ней, глубоко взволновали сердца всѣхъ насъ и повергли насъ въ благородное умиленіе, и въ избыткѣ этого умиленія мы не находили словъ, чтобы достойно возблагодарить васъ. Крупными, красными буквами ваше имя будетъ записано въ лѣтописяхъ Академіи, и никогда не изгладится оно, пока будетъ существовать наша Академія. Вы уѣзжаете отъ насъ; но ваши жертвы, но слѣды вашей заботливости объ Академіи навсегда остаются въ ней, и не только мы, но и наши преемники, представители послѣдующихъ поколѣній, пользуясь тѣмъ, что оставила ваша любовь, никогда не перестанутъ благословлять ваше имя. И какіе широкіе размѣры ваша мудрая предусмотрительность дала вашимъ благотвореніямъ, обнимая собою цѣлокупную жизнь Академіи! Внося значительный капиталъ въ сокровищницу Академіи, вы имѣли въ виду облегчить чрезъ это удовлетвореніе нуждъ и студентовъ и наставниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать оживленію литературной дѣятельности и учащихъ и учащихся въ Академіи. Вамъ принадлежитъ, далѣе, неоцѣненная заслуга, что вы заблаговременно подняли мысль о приготовленіи къ достойному празднованію трехсотлѣтняго юбилея Академіи, и, возложивъ исполненіе этой задачи на избранныхъ дѣятелей Академіи, дали значительныя средства на изданіе

актовъ, или памятниковъ, относящихся къ исторіи Академіи. Нельзя умолчать и о томъ, что у васъ была забота о томъ, чтобы устроить въ лучшемъ видѣ зданія Академіи, и по вашей мысли составлены нынѣ проэкты разныхъ перестроекъ и пристроекъ въ Академіи, въ видахъ устраненія въ нашихъ старыхъ зданіяхъ многихъ неудобствъ, съ которыми мы примирялись донынѣ. Если эти проэкты и не будутъ приведены въ исполненіе въ скоромъ времени, все-таки они будутъ сѣменемъ, брошеннымъ вами, которое, можетъ быть, дастъ добрый всходъ. И помимо всего этого, стоитъ войти въ Братскій монастырь, чтобы видѣть, какъ внѣшне благоустроилась мѣстность, окружающая зданіе Академіи. Здѣсь прямо бросаются въ глаза слѣды вашей заботливости и вашего эстетическаго чувства, приведшаго въ пріятный видъ прежде заброшенное и мало устроенное“ [1]).

Въ рѣчи профессора Бродовича нашли мѣсто нѣкоторыя дополнительныя черты ректорской дѣятельности почившаго Архипастыря. „Ваша административная дѣятельность“, говорилъ преемникъ почившаго по каѳедрѣ, „широка и многоплодна, и въ ней выражается безграничная, самоотверженная любовь къ родной Академіи. Вы приняли административный постъ неохотно, не безъ колебаній, но вы прошли его блестяще, со славою. Студенты, профессора, служащіе, учрежденія, наконецъ, монастырь были для васъ предметомъ неослабной попечительности и радѣнія. Вы входили и въ умственные интересы студентовъ (упорядоченіе библіотечнаго дѣла, проэктъ правилъ о занятіяхъ и испытаніяхъ, установленіе изданія лучшихъ работъ—диссертацій и проповѣдей), и въ матеріальныя нужды ихъ (учрежденіе вспомогательной кассы), и въ эстетическія потребности ихъ (пріобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ), и въ гигіеническія нужды (устройство

---

1) См Кіев. Еп. Вѣдом. 1902 г. № 15 неоф. ч., стр. 591—593.

галлереи). Равнымъ образомъ, заботясь о профессорахъ, вы входили и въ научные интересы ихъ (преобразованіе церковно-археологическаго Общества, изданіе актовъ для исторіи Академіи), и въ матеріальныя нужды ихъ (основаніе вспомогательной кассы). Вы, навѣрное, и не подозрѣваете, сколько похвалъ и благодарностей слагаютъ вамъ въ сердцѣ своемъ члены академической корпораціи за эту помощь. Въ монастырѣ Братскомъ остаются двѣ крупныя печати вашей архипастырской руки. возлѣ монастырской колокольни вы построили домъ, приносящій значительный доходъ, а въ пустынномъ урочищѣ Церковщина, на мѣстѣ подвижничества св. Ѳеодосія—церковь и корпусъ для братіи. Глядя на вашу энергичную и разностороннюю дѣятельность, думаешь, что если бы вамъ силы, время да средства, то вы устроили бы и благоукрасили бы Академію и монастырь до неузнаваемости. Вы не разъ говаривали. „коли-бъ я такъ мигъ, якъ я не можу“ (кабы я настолько могъ, насколько не могу)“ [1]).

Какъ викарій Кіевской митрополіи, почившій Архипастырь, будучи ректоромъ Академіи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній Кіевской епархіи, которыми онъ завѣдывалъ, по уполномочію Кіевскаго митрополита. Въ этой своей дѣятельности, хотя и второстепенной, Владыка Димитрій за короткое время успѣлъ проявить сильную энергію воли, предпріимчивость и глубокую силу ума. По словамъ тогдашняго ректора Кіевской духовной семинаріи (архимандрита, впослѣдствіи епископа Ѳеодосія Олтаржевскаго), какъ начальникъ и руководитель семинаріи, почившій Архипастырь „явилъ собою человѣка необычайныхъ качествъ духа, тѣмъ неотразимѣе дѣйствовавшихъ на подчиненныхъ, чѣмъ рѣже встрѣчаются они въ такомъ счастливомъ сочетаніи. Независимость убѣж-

---

[1]) См. тамъ же, стр. 599 - 600.

дений, мужество и твердость въ исполненіи долга, неутомимость, быстрота и мудрость въ рѣшеніяхъ дѣлъ, строгая законность, не исключающая благоразумной снисходительности, постоянная заботливость о сохраненіи порядка и правильнаго теченія жизни довѣренныхъ ему духовно-учебныхъ заведеній,—вотъ тѣ высокія качества, которыми украшалась дѣятельность почившаго Архипастыря, какъ непосредственнаго начальника Кіевской духовной семинаріи" [1]).

Такимъ же былъ почившій Архипастырь и въ отношеніи къ низшимъ духовнымъ мужскимъ училищамъ Кіевской епархіи во время завѣдыванія ими, какимъ онъ былъ къ Академіи и семинаріи. По словамъ смотрителя Кіево-Подольскаго духовнаго училища, священника Н. Шпачинскаго, „свидѣтеля архипастырской дѣятельности почившаго Владыки по тремъ духовнымъ училищамъ—Черкасскому, Богуславскому и Кіево-Подольскому",—онъ „своею неутомимою дѣятельностію, своею ясною, отчетливою и безпристрастною работою представлялъ для своихъ подчиненныхъ живой образъ того, что требовалось отъ нихъ..... и каждый изъ нихъ въ лицѣ его видѣлъ добраго Архипастыря, сердечно отзывчиваго на просьбы, внимательнаго и къ семейнымъ обстоятельствамъ своихъ подчиненныхъ" [2]).

Но съ особенною любовію и съ трогательнымъ вниманіемъ почившій Архипастырь относился къ женскимъ духовнымъ училищамъ и ко второму изъ нихъ, кажется, преимущественно. Инспекторъ сего послѣдняго, протоіерей В. В. Богородицкій въ свое время очень вѣрно отмѣтилъ характерныя черты отношеній почившаго Архипастыря къ любимому имъ училищу, о которомъ онъ и самъ замѣтилъ: „я навсегда со-

---

[1]) См. тамъ же, стр. 642.
[2]) См. тамъ же, стр. 630—631.

храню память объ училищѣ,—неизмѣнно, до конца дней своихъ, буду молиться о домѣ семъ и живущихъ въ немъ". „Всего четыре года находилось наше училище подъ вашимъ непосредственнымъ руководствомъ", говорилъ въ своемъ адресѣ прот. Богородицкій, „но и за это короткое время вы, Владыко, успѣли вписать ваше имя неизгладимыми письменами и въ нашихъ сердцахъ, и въ исторіи нашего училища: всѣ крупныя мѣропріятія, предпринятыя за это время ради благосостоянія училища,—а ихъ было не мало: отмѣтимъ расширеніе училищнаго зданія, открытіе седьмого (педагогическаго) класса и общества для вспомоществованія недостаточнымъ воспитанницамъ училища, обезпеченіе училища земельною собственностію,—пришли къ благополучному концу, благодаря мудрымъ совѣтамъ и авторитетной поддержкѣ вашего преосвященства" [1]).

Какъ викарій Кіевской епархіи, почившій Архипастырь принималъ извѣстное участіе и въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, причемъ однажды, по порученію митрополита, обозрѣвалъ нѣкоторые сельскіе приходы Кіевской епархіи. По словамъ адреса Кіевскаго городского духовенства, прочитаннаго въ свое время протоіереемъ профессоромъ І. Н. Корольковымъ, „для Кіевскаго духовенства, въ особенности для тѣхъ приходскихъ пастырей, приходы которыхъ почившій Архипастырь посѣтилъ во время одной изъ архіерейскихъ епархіальныхъ ревизій, должны остаться незабвенными и глубокопоучительными его архипастырскія бесѣды съ ними, его руководящія мнѣнія и совѣты, вытекавшіе изъ сопоставленія нынѣшней жизни Церкви Христовой съ жизнью древнехристіанской вселенской Церкви" [2]).

---

[1]) См. тамъ же, стр. 635.
[2]) См. тамъ же, стр. 633.

IV.

Служеніе высокопреосвященнаго архіепископа Димитрія въ Кіевѣ и Кіевской Академіи продолжалось до 27 апрѣля 1902 года, когда онъ былъ назначенъ на самостоятельную архіерейскую каѳедру въ Тамбовъ. Въ Тамбовѣ почившій Архипастырь оставался очень недолго, менѣе одного года. 8 февраля 1903 года онъ былъ перемѣщенъ на Казанскую архіерейскую каѳедру, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Но и въ Казани почившій Архипастырь пробылъ недолго, немного болѣе двухъ лѣтъ.

Въ то время какъ въ Тамбовѣ вниманіе почившаго Архипастыря было сосредоточено главнѣйшимъ образомъ на приготовленіяхъ къ достойному празднованію предположеннаго тогда прославленія преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, въ каковомъ празднествѣ онъ потомъ, будучи уже Казанскимъ архіепископомъ, и принималъ участіе; въ Казани высокопреосвященный Димитрій обратилъ свое вниманіе преимущественно на состояніе миссіонерскаго дѣла въ епархіи, имѣющей въ своемъ составѣ множество инородцевъ (татаръ), какъ просвѣщенныхъ уже Христовою вѣрою, такъ и непросвѣщенныхъ еще. Такъ какъ миссіонерскимъ дѣломъ въ Казани вѣдаетъ непосредственно Братство св. Гурія, то естественно, что почившій Архипастырь, любившій дѣлать все основательно, и началъ изучать дѣятельность сего послѣдняго, имѣя въ виду, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, оживить и, по возможности, обновить главный органъ Казанской епархіальной миссіи. Къ сожалѣнію, почившій Архипастырь на этомъ пути встрѣтилъ многія преткновенія, доставившія ему сильныя огорченія и даже непріятности.

Судя по обнародованнымъ оффиціальнымъ документамъ, дѣло происходило такъ. На первыхъ же порахъ своего архипастырскаго служенія въ Казани архіепископъ Димитрій замѣ-

тилъ большіе непорядки въ дѣлахъ Братства св. Гурія, завись̀вшіе, между прочимъ, и отъ того, что между Совѣтомъ Братства и состоявшей при Братствѣ Переводческой Комиссіей существовали нелады и вообще ненормальныя отношенія. По Высочайше одобреннымъ 25 іюля 1903 года правиламъ, вышеозначенная Комиссія отдѣлилась отъ Братства св. Гурія и съ 1904 года перешла въ непосредственное вѣдѣніе Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Тогда 27 января 1904 года архіеп. Димитрій назначилъ чрезвычайную ревизіонную комиссію для провѣрки дѣлъ Братства, которой вмѣнилъ въ обязанность „произвести разслѣдованіе, когда то начатое, но оставшееся, кажется, неоконченнымъ, денежныхъ, книжныхъ и вообще дѣловыхъ отношеній между Братствомъ и Переводческой Комиссіей, и, на основаніи безпристрастнаго разслѣдованія, дать въ своемъ заключеніи твердую точку опоры и строго опредѣленный матеріалъ для окончательнаго разсчета между обоими учрежденіями, отселѣ независимыми другъ отъ друга". Коммиссія эта, работавшая, по словамъ архіеп. Димитрія, съ особеннымъ вниманіемъ и полнымъ безпристрастіемъ, обнаружила „печальное состояніе дѣлъ Братства и неприглядную дѣйствительность стоявшей въ самой тѣсной денежной связи съ Братствомъ Переводческой Комиссіи" [1]). Тогда Переводческая Комиссія поспѣшила принять мѣры къ реабилитаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ укрыться подъ защиту Православнаго Миссіонерскаго Общества, совѣтъ котораго бумагою отъ 2 декабря 1904 г. прекратилъ все дѣло. Архіеп. Димитрій былъ весьма огорченъ такимъ исходомъ дѣла и свое огорченіе излилъ въ обширномъ примѣчаніи къ „Отчету о дѣятельности Братства св. Гурія за тридцать седьмой братскій годъ. Съ 4-го октября 1903 г. по 4 е октября 1904 года", которое представляетъ

---

[3]) См. Отчетъ дѣятельности Братства св. Гурія за 36-й годъ, К. 1904 г., стр. 158—165 и 193—196.

блестящую характеристику миссіонерскихъ учрежденій Казанской епархіи и вмѣстѣ архипастырской дѣятельности автора' его въ Казани Въ виду высокаго автобіографическаго значенія этого примѣчанія почившаго Архипастыря мы позволяемъ себѣ привести его здѣсь полностію.

„Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества[1]), непосредственному вѣдѣнію котораго, по точному смыслу Устава Братства, не подлежали ни Братство, ни его Переводческая Комиссія", писалъ почившій Архипастырь, „не могъ имѣть надлежащихъ свѣдѣній—о прискорбныхъ подробностяхъ дѣятельности обоихъ этихъ учрежденій, особенно о теченіи денежныхъ ихъ дѣлъ: свѣдѣнія эти можно было получить только на мѣстѣ, проревизовавши надлежаще дѣлопроизводство и имущество этихъ учрежденій; у Совѣта же Православнаго Миссіонерскаго Общества были въ виду только Годичные Отчеты, которые, какъ обнаружила Чрезвычайная Ревизіонная Комиссія, вовсе не давали правильнаго представленія о дѣлахъ, напротивъ, благовидно прикрывали всякіе, даже очень крупные недочеты. Неосвѣдомленъ былъ Совѣтъ Общества пока и о томъ, что раскрыла въ состояніи дѣлъ Братства и Переводческой Комиссіи Чрезвычайная Ревизіонная Комиссія 1904 г. Совѣтъ Миссіонерскаго Общества дѣлалъ свое постановленіе 2-го декабря 1904 года и изготовлялъ помѣщенное здѣсь въ текстѣ Отношеніе, звучащее порицаніемъ Братству за возбужденіе „нежелательныхъ пререканій", еще не имѣвши возможности познакомиться съ результатомъ разслѣдованія, произведеннаго Чрезвычайной Ревизіонной Комиссіей, такъ какъ Докладъ этой Комиссіи еще не вышелъ тогда изъ Канцеляріи Совѣта Братства и не былъ еще препровожденъ Совѣту Православнаго Миссіонерскаго Общества. Совѣтъ

[1]) Отношеніе Православнаго Миссіонерскаго Общества въ Совѣтъ Братства св. Гурія отъ 2 декабря 1904 года, давшее поводъ архіеп. Димитрію выступить съ своимъ нижепечатаемымъ примѣчаніемъ—протестомъ, напечатано въ томъ же отчетѣ, на стр. 70. Этимъ отношеніемъ денежные отчеты Переводческой Комиссіи признавались „невозбуждающими сомнѣній".

Общества составилъ представленіе о дѣлѣ для своего оффиціальнаго постановленія на основаніи частныхъ односторонних недостовѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ, очевидно, кѣмъ либо изъ лицъ, для которыхъ Докладъ Ревизіонной Комиссіи не весьма благопріятенъ, и для которыхъ нежелательно дальнѣйшее раскапываніе непріятныхъ денежныхъ и другихъ дѣловыхъ подробностей, какія открыла и отмѣтила въ своемъ Докладѣ Чрезвычайная Ревизіонная Комиссія.

Какъ попечитель Братства Святителя Гурія, хорошо, не по слухамъ только, а посредствомъ внимательнаго изученія документовъ, на мѣстѣ ознакомившійся съ состояніемъ дѣлъ Братства и отношеніями между Братствомъ и Переводческой Комиссіею, которая при немъ состояла,—я нахожу полезнымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько существенныхъ замѣчаній, которыя должны значительно ограничить рѣшительный тонъ 1-го п. Отношенія Совѣта Миссіонерскаго Общества о „невозбуждающихъ сомнѣнія Отчетахъ Переводческой Комиссіи“ и показать, что весьма серьезное дѣло нельзя низводить въ область мелочныхъ „нежелательныхъ пререканій между двумя по своему назначенію однородными учрежденіями“, что рѣчь идетъ о существенно важныхъ недочетахъ, которые затушить и замазать нельзя, не уклоняясь отъ истины и не причиняя существеннаго вреда весьма важному дѣлу

Давно уже состояніе дѣлъ Братства и Переводческой при немъ Комиссіи, распоряжавшихся не незначительными денежными средствами, не частными, а казенными и общественными, стало возбуждать въ Казани говоръ недоумѣнія, огорченія и даже негодованія. Въ весьма сомнительное и даже явно печальное состояніе приведены были то и другое учрежденія установившимся на практикѣ порядкомъ управленія дѣлами обоихъ. Въ Братствѣ Предсѣдатели Совѣта епископы—викаріи были собственно почетными предсѣдателями; быстро смѣняя одинъ другого, они не имѣли возможности не только заправлять дѣлами Братства, но и близко позна-

комиться съ ними. Все дѣло Братства велъ и направлялъ членъ—секретарь Совѣта, который, до іюля прошедшаго 1904 года, даже принималъ и вскрывалъ единолично всю корреспонденцію Братства, и денежные пакеты и посылки вопреки § 19 Устава Братства. Какъ показываютъ дѣловые документы Братства, Совѣтъ съ Предсѣдателемъ обыкновенно только принималъ къ свѣдѣнію ранѣе исполненное секретаремъ, безъ Совѣта рѣшавшимъ даже немаловажныя дѣла. Тотъ же многопѣтній секретарь,—единоличный распорядитель въ Братствѣ,—былъ въ то же время и Предсѣдателемъ состоящей при Братствѣ Переводческой Комиссіи. Но здѣсь положеніе его было уже совсѣмъ иное: какъ въ Братствѣ вѣдалъ все онъ—секретарь, такъ здѣсь его предсѣдательство было только почетное (можно сказать—номинальное); все дѣло здѣсь ведетъ членъ—дѣлопроизводитель, а Предсѣдатель съ Комиссіей такъ мало значатъ, что даже выступаютъ, какъ исполнительные органы члена-дѣлопроизводителя,—„исполняютъ его порученія“ (на это есть документъ).

Весной 1900 года сдѣлана была попытка оффиціально провѣрить и разъяснить то, о чемъ всѣ знали и громко говорили въ Казани. Предсѣдатель Совѣта Братства, епископъ-викарій Іоаннъ (послѣ епископъ Пермскій), обратился къ Высокопреосвященному Арсенію Архіепископу Казанскому съ ходатайствомъ о назначеніи особой Ревизіонной Комиссіи, которая бы опредѣлила состояніе денежныхъ средствъ Братства и разсмотрѣла способы ихъ расходованія. По резолюціи Архіепископа Казанскаго, Комиссія добросовѣстно разслѣдовала дѣлопроизводство Братства съ 1891 по 1900 годъ. Не касаясь теперь другихъ сторонъ жизни Братства, которыя осмотрѣла Комиссія, остановлюсь на добытыхъ ею результатахъ по расходованію денежныхъ средствъ Братства.

Оказалось, что въ теченіи десяти лѣтъ Переводческая Комиссія перебрала въ Братствѣ, чрезъ которое поступали суммы на ея содержаніе, 5212 руб. 77 коп. Въ такомъ смыслѣ

сдѣланъ былъ Ревизіонной Комиссіей докладъ Архіепископу, которымъ переданъ на разсмотрѣніе Совѣта Братства. Выводы денежнаго разсчета, сдѣланнаго на основаніи внимательнаго изученія документовъ Ревизіонной Комиссіей, признанъ вполнѣ правильными и принялъ Совѣтъ Братства въ засѣданіи 24-го октября 1900 года (ст. протокольной книги Совѣта Братства 507), согласился съ ними и предсѣдатель Переводческой Комиссіи,—онъ же членъ-секретарь Совѣта Братства За симъ Совѣтъ Братства постановилъ „сдѣлать разсчетъ съ Переводческою Комиссіею согласно подсчету Ревизіонной Комиссіи". Это постановленіе Совѣта Братства и приведено было, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, въ исполненіе посредствомъ удержанія Совѣтомъ Братства суммы, ассигнованной Миссіонерскимъ Обществомъ на содержаніе Переводческой Комиссіи, въ количествѣ 5500 руб. Сумма эта, какъ видно изъ приходо-расходныхъ книгъ Братства за соотвѣтствующій годъ, не была выдана Переводческой Комиссіи. И никто не протестовалъ оффиціально противъ такого разсчета, не смотря на то, что Совѣтомъ Братства удержано было не то только, что ему слѣдовало (5212 руб. 77 коп.), а на 300 почти рублей больше (5500 руб.). Очевидно, разсчета окончательнаго между Братствомъ и Переводческою Комиссіею сдѣлано не было: 288 р. удержано, вѣроятно, въ залогъ въ виду возможныхъ въ будущемъ перерасходовъ.

Спустя 3 мѣсяца, 21-го января 1901 года, должно было состояться общее годичное собраніе, на которомъ имѣлъ быть доложенъ и произведенный Совѣтомъ Братства разсчетъ между Братствомъ и Переводческою Комиссіею, съ молчаливаго согласія Предсѣдателя Переводческой Комиссіи. Утромъ въ этотъ день появилась въ Казанскомъ Телеграфѣ статья за подписью Н. Бобровниковъ (членъ—дѣлопроизводитель Переводческой Комиссіи), въ которой, послѣ сообщенія о дѣятельности Комиссіи за истекшее 25-лѣтіе, представленъ денежный отчетъ за истекшій годъ (по 4 октября

1900 г.), въ явномъ противорѣчіи съ принятымъ Совѣтомъ Братства разсчетомъ, сдѣланнымъ особой Ревизіонной Комиссіей. Дѣло поставлено такъ, что не Переводческая Комиссія должна Братству 5212 руб. 77 коп., а напротивъ,—въ кассѣ Братства Переводческая Комиссія имѣетъ еще на счету 4276 руб. 51 коп. Эта вызывающая статья вечеромъ въ тотъ же день доложена была Общему Собранію Братства и возбудила живѣйшіе разговоры. Въ виду того, что въ означенной статьѣ выставлено состояніе денежныхъ средствъ Комиссіи въ полномъ несоотвѣтствіи съ приходо-расходными книгами и другими документами, находящимися въ архивѣ Братства, а также принимая во вниманіе, что означенная статья могла произвести неправильное и нежелательное впечатлѣніе на незнакомыхъ съ дѣломъ братчиковъ и сестеръ, вызвать незаслуженное нареканіе на Совѣтъ Братства,—Предсѣдатель Совѣта Братства, епископъ Іоаннъ, тогда же въ Общемъ Собраніи выяснилъ членамъ Братства неточность помѣщенныхъ въ статьѣ г-на Бобровникова свѣдѣній, указалъ на дѣйствительное положеніе денежныхъ дѣлъ Переводческой Комиссіи и предложилъ Общему Собранію избрать новую особую Комиссію для подробной ревизіи денежныхъ дѣлъ и провѣрки наличнаго имущества Переводческой Комиссіи. Былъ тогда же Общимъ Собраніемъ избранъ и утвержденъ Архіепископомъ Ревизіонный Комитетъ, задачи и кругъ дѣятельности котораго опредѣлены были такъ: „Во первыхъ, для приведенія въ точность суммъ Переводческой Комиссіи; во вторыхъ, для констатированія порядка и правильности ихъ расходованія и веденія отчетности, и въ третьихъ, для провѣрки имущества Комиссіи“.

Для выполненія поставленной ему задачи Ревизіонный Комитетъ порѣшилъ прежде всего разсмотрѣть приходо-расходныя книги Переводческой Комиссіи, за которыми и обратился къ Предсѣдателю Переводческой Комиссіи профессору Машанову, но получилъ совершенно неожиданный оффиці-

ательный отвѣтъ, „что у Переводческой Комиссіи не имѣется ни приходо-расходныхъ книгъ, ни документовъ, относящихся къ приходу и расходу суммъ, такъ какъ приходъ и расходъ Комиссіи ведется въ Братскихъ книгахъ, вмѣстѣ съ приходомъ и расходомъ Братства. Книги же приходо-расходныя Братства, а также и всѣ денежные документы его находятся въ архивѣ Братства“,—куда онъ, Предсѣдатель Переводческой Комиссіи, какъ въ то же время и Секретарь Совѣта Братства, и приглашалъ Ревизіонный Комитетъ пожаловать для потребнаго ему разслѣдованія. Ревизіонный Комитетъ вынужденъ былъ, такимъ образомъ, для выясненія денежныхъ дѣлъ Переводческой Комиссіи ограничиться разсмотрѣніемъ Братскихъ приходо-расходныхъ книгъ за послѣднее 10-лѣтіе (1891—1900) и заняться выборкой изъ нихъ всѣхъ статей прихода и расхода, имѣющихъ отношеніе къ денежнымъ суммамъ Переводческой Комиссіи При этомъ Комитетъ встрѣтился съ большими недоумѣніями и крайними трудностями. Казначей Братства, ведя въ книгахъ приходо-расходныя записи, не всегда дѣлалъ точныя указанія, относится ли извѣстный приходъ или расходъ къ Переводческой Комиссіи, или же къ Братству. Въ книгахъ прихода иногда отмѣчается только, отъ кого получены деньги, но за что, на какую потребность и въ пользу какого учрежденія при Братствѣ,—объ этомъ умалчивается. По однимъ приходо-расходнымъ книгамъ Братства Ревизіонный Комитетъ не призналъ возможнымъ привести въ точность суммы, полученныя Переводческой Комиссіей *изъ Братства и черезъ Братство* (подробно см. хранящійся въ архивѣ Братства „Отчетъ Ревизіоннаго Комитета по дѣламъ Переводческой Комиссіи 1901—2 годовъ“).

Но для подробнаго ознакомленія съ денежными дѣлами Переводческой Комиссіи необходимо было еще выяснить, сколько имѣлось въ ней различныхъ поступленій на приходъ, кромѣ ежегоднаго смѣтнаго назначенія изъ Православнаго

Миссіонерскаго Общества. Необходимо было провѣрить денежный расходо-приходъ по изданію и расходованію, какъ безплатному, такъ и платному книгъ для инородцевъ,—что всецѣло находилось въ вѣдѣніи Переводческой Комиссіи Всѣ операціи по этой части сосредоточены были не при Братствѣ, а при Учительской Семинаріи, гдѣ дѣлопроизводитель Переводческой Комиссіи состоитъ директоромъ.

Дѣло по переводамъ, изданію и распространенію книгъ для инородцевъ—весьма обширное, сложное, многоденежное. Но подвергалось ли оно когда нибудь съ чьей либо стороны дѣйствительной провѣркѣ—учету по документамъ? Въ настоящій разъ для контроля Братства это дѣло состоявшей при немъ Переводческой Комиссіи оказалось областью безусловно недоступною. Повидимому, все безконтрольно вѣдалъ дѣлопроизводитель Комиссіи

Когда Ревизіонный Комитетъ обратился къ Предсѣдателю Переводческой Комиссіи съ просьбою доставить ему запись поступленія и расходованія издаваемыхъ Переводческой Комиссіею книгъ за послѣднее 10-лѣтіе, то на повторенное отношеніе получилъ отвѣтъ, что „относительно доставленія свѣдѣнія о продажѣ и безплатной раздачѣ книгъ и представленія самихъ книгъ по приходу и отпуску книгъ имъ сообщено директору Учительской Семинаріи Н. А. Бобровникову, на обязанности котораго лежало это дѣло по складу при Учительской Семинаріи“, что „запись о раздачѣ и продажѣ книгъ лежала и лежитъ исключительно на обязанности члена—дѣлопроизводителя Переводческой Комиссіи, къ которому Предсѣдатель и проситъ обращаться за всѣми книгами, относящимися къ книжнымъ складамъ Комиссіи въ Казани“.

Ревизіонный Комитетъ и обратился къ дѣлопроизводителю Переводческой Комиссіи. Но получилъ отвѣтъ, что такое „увѣдомленіе о существованіи Ревизіоннаго Комитета по дѣламъ Переводческой Комиссіи... идетъ въ разрѣзъ съ

тѣмъ представленіемъ, которое у него, дѣлопроизводителя, установилось о юридическомъ положеніи Комиссіи. Какъ лицо, по отношенію Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества подначальное, онъ считаетъ долгомъ испросить у него указаній по существу увѣдомленія, но прежде просилъ Предсѣдателя Ревизіоннаго Комитета почтить его сообщеніемъ тѣхъ законоположеній, на основаніи которыхъ функціонируетъ специально посвященный Переводческой Комиссіи Комитетъ"; далѣе въ отвѣтѣ говорилось, „что онъ, дѣлопроизводитель, считаетъ *вреднымъ для дѣла* подчиненіе Комиссіи, издающей книги для разныхъ епархій, Братству, имѣющему, по уставу, точно ограниченный кругъ дѣятельности", что поэтому онъ отстраняетъ „новую попытку подчиненія Переводческой Комиссіи Братству св. Гурія, чѣмъ по существу для него и былъ 12 номеръ (т. е. увѣдомленіе) Ревизіоннаго Комитета".

Что оставалось дѣлать Комитету? Предсѣдатель Переводческой Комиссіи оффиціально объявилъ, что ни приходо-расходныхъ книгъ, ни документовъ, относящихся къ приходу и расходу суммъ Переводческой Комиссіи не имѣется, такъ какъ приходъ и расходъ Комиссіи ведется въ Братскихъ книгахъ вмѣстѣ съ приходомъ и расходомъ Братства. Въ Братскихъ же книгахъ, при неопредѣленности и недостаточности приходо-расходныхъ записей въ нихъ, нельзя было добиться чего либо обстоятельнаго и точнаго. А дѣлопроизводитель Комиссіи, въ *исключительномъ* вѣдѣніи котораго была самая значительная часть дѣловыхъ и денежныхъ операцій (по книжной части), рѣшительно отстранилъ ревизію, какъ попытку, по его мнѣнію, даже вредную для дѣла, попытку подчиненія Переводческой Комиссіи Братству св. Гурія (при которомъ она, впрочемъ, по прежнему продолжала состоять, никѣмъ пока отъ связи съ нимъ неосвобожденная). Ревизіонный Комитетъ, послѣ попытки выполнить свою задачу, пользуясь только книгами братскими, прекратилъ ревизію, и о жалкомъ результатѣ ея доложилъ Общему Собранію Брат-

ства въ январѣ 1902 года. По свидѣтельству участниковъ Собранія, докладъ Ревизіоннаго Комитета, по прочтеніи, не вызвалъ никакого обсужденія (напримѣръ, объ отказѣ подчиниться ревизіи). Собраніе, начиная съ Предсѣдателя Совѣта Братства, отнеслось къ нему какъ то безучастно, и не сдѣлало даже по нему никакого постановленія (см. Общее Собраніе Братства. Извѣст. по Казанской епархіи 1902 г. № 8). Братство, которое само въ то время страдало плохимъ веденіемъ денежныхъ дѣлъ, не чувствовало влеченія къ разбирательству денежныхъ непорядковъ Переводческой Комиссіи. Энергія достойныхъ членовъ обѣихъ Ревизіонныхъ Комиссій разбилась объ эту безучастность и косность Братства

Такъ и закончились обѣ ревизіи, имѣвшія своей задачей привести въ извѣстность суммы и вообще упорядочить имущественныя дѣла Братства и состоявшей при немъ Переводческой Комиссіи. Въ миссіонерскомъ кругу Казани онѣ вызвали было большое оживленіе; разговоровъ о нихъ велось не мало, но непосредственныхъ существенныхъ результатовъ никакихъ. Работы обѣихъ Комиссій и результаты, ими добытые, строго говоря, оффиціально нигдѣ не засвидѣтельствованы и остались неизвѣстны даже братчикамъ внѣ тѣснаго миссіонерскаго круга; въ отчетѣ Общаго Собранія Братства 21 января 1901 года о Ревизіонной Комиссіи по Братству и о ея докладѣ о 5000 перерасходѣ даже не упомянуто; сказано только о докладѣ (устномъ) преосвященнаго Іоанна, и все дѣло Братства представлено въ самомъ благополучномъ видѣ, заслуживающемъ „благодарности“ и „благословенія“ (точно ревизіи и не было). А на Общемъ Собраніи 27 января 1902 года о докладѣ Ревизіоннаго Комитета по дѣламъ Переводческой Комиссіи едва упомянуто было вскользь. Возбуждено было, правда, внѣ Собранія ходатайство о напечатаніи, по крайней мѣрѣ, выдержекъ изъ обоихъ ревизіонныхъ докладовъ въ мѣстной газетѣ въ противовѣсъ упомянутому Отчету о 25-лѣтіи Переводческой Комиссіи, но ходатайство

успѣха не имѣло. Самый докладъ Ревизіонной Комиссіи по Братству, прелюбопытный и многосодержательный, разсмотрѣнный Архіепископомъ и поступившій въ Совѣтъ Братства, *почезъ безслѣдно* (какъ случилось это? говорили разно); сохранился только хорошій черновой его экземпляръ. Докладъ Ревизіоннаго Комитета по дѣламъ Переводческой Комиссіи заброшенъ былъ въ разбираемый теперь хламъ братскаго архива А между тѣмъ эти два документа имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи и характеристики Казанскихъ миссіонерскихъ учрежденій Надо надѣяться, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, эти документы будутъ использованы для составленія правдивой, а не дутой, панегирической исторіи миссіи Казанской. Объ ревизіи, такимъ образомъ, хотя пролили много свѣта на состояніе дѣлъ Братства и Переводческой Комиссіи, но въ характерѣ и направленіи хода этихъ дѣлъ ничего не измѣнили Можно отмѣтить только два существенныхъ послѣдствія. 1 Совѣтъ Братства, удержавшій изъ шедшихъ чрезъ его посредство суммъ Переводческой Комиссіи 5212 руб., существенно подкрѣпилъ тощую кассу Братства и получилъ возможность задѣлать нѣкоторыя свои весьма существенныя прорѣхи. 2. Переводческая Комиссія, опытно узнавши, какъ „вредно для дѣла (т. е. стѣснительно для безконтрольнаго произвольнаго веденія дѣла) подчиненіе Комиссіи Братству“, отъ котораго можно было ожидать „новой попытки подчиненія“, усиленнѣе начала работать надъ освобожденіемъ отъ неудобнаго ближайшаго сосѣда—Братства,—чего и достигла, подчинившись отдаленному Совѣту Миссіонерскаго Общества

Чрезъ годъ послѣ этой ревизіонной передряги я вступилъ на Казанскую каѳедру. Близкіе къ миссіонерскому дѣлу казанцы еще находились подъ впечатлѣніемъ обѣихъ ревизій. И я скоро узналъ обо всемъ изложенномъ выше, и провѣрилъ по доставленнымъ мнѣ документамъ. Но, не желая склониться на сторону которой либо партіи и стараясь дер-

жаться на высотѣ безпристрастія, я почти цѣлый годъ присматривался къ Казанской миссіонерской дѣятельности. Но когда годичный Отчетъ Братства и докладъ Братской Ревизіонной Комиссіи показали мнѣ, что дѣла со времени ревизій 1900—1902 г. не улучшились, я назначилъ Чрезвычайную Ревизіонную Комиссію, которая должна была, согласно уставу, произвести подробную и внимательную ревизію дѣлъ Братства и, на основаніи надлежащаго разслѣдованія денежныхъ отношеній между Братствомъ и состоявшей при немъ Переводческой Комиссіей, учинить между ними окончательный разсчетъ, такъ какъ новыми правилами, подчинившими Переводческую Комиссію Совѣту Миссіонерскаго Общества, денежныя и другія отношенія между Братствомъ и Комиссіею почти прекращались Я не стану излагать здѣсь поразительныя подробности въ дѣятельности Братства, благовидно скрытыя въ годичномъ Братскомъ отчетѣ, но со всею очевидностію вынаруженныя Ревизіонной Комиссіей. Память о докладѣ Чрезвычайной Ревизіонной Комиссіи 1904 г., напечатанномъ съ другими документами въ приложеніи къ Братскому Отчету за 1902—1903 годъ, должна быть еще свѣжа у всѣхъ интересующихся миссіонерскими дѣлами Казани Но я остановлюсь на попыткѣ Комиссіи учинить надлежащій денежный разсчетъ между Братствомъ и Переводческой Комиссіей. Поступившіе въ распоряженіе Ревизіонной Комиссіи документы задали сразу ей задачу не легкую. Годичный отчетъ казначея Братства говоритъ, что къ 4 октября 1903 года Братство должно Переводческой Комиссіи 462 руб. 94 коп. А кому, конечно, точнѣе знать это дѣло, какъ не казначею, чрезъ котораго проходили деньги въ Переводческую Комиссію? Но спустя 3 мѣсяца, въ журналѣ Совѣта Братства отъ 27 января 1903 года, редижированномъ, конечно, секретаремъ Братства,—онъ же Предсѣдатель Переводческой Комиссіи,—уже говорится, что къ тому же 4 октября 1903 г. за Братствомъ остается денегъ Переводческой Комиссіи

всего только 40 руб. 70 коп., т. е. на 422 руб. 24 коп. меньше противъ счета казначея. А могъ ли, казалось бы, секретарь Братства сдѣлать разсчетъ въ пользу Братства и съ крупнымъ ущербомъ для предсѣдаемой имъ въ то же время Переводческой Комиссіи, если бы не было основанія для такого значительнаго отклоненія отъ разсчета, сдѣланнаго казначеемъ Братства? Что оставалось дѣлать Ревизіонной Комиссіи въ виду такого, можно сказать, скандальнаго разногласія между казначеемъ Братства и секретаремъ Братства—Предсѣдателемъ Переводческой Комиссіи? Провѣрить по документамъ. Но приходо-расходныхъ книгъ у Переводческой Комиссіи нѣтъ. А характеръ приходо-расходныхъ записей Братства хорошо былъ извѣстенъ членамъ Ревизіонной Комиссіи, уже работавшимъ въ Комиссіяхъ 1900—1902 годовъ. Пришлось прибѣгнуть къ сложнымъ счетнымъ комбинаціямъ, которыя въ концѣ дали цыфру долга Братства Переводческой Комиссіи 161 руб. 40 коп., которую, впрочемъ, сама Ревизіонная Комиссія считаетъ только приблизительною, не ручаясь за окончательную ея точность.

Передумывая все изложенное мною о счетахъ и отчетахъ по денежнымъ дѣламъ Братства и Переводческой Комиссіи, я невольно задаю себѣ вопросы: Если у Переводческой Комиссіи не имѣлось, какъ оффиціально удостовѣрилъ предсѣдатель, ни приходо-расходныхъ книгъ, ни документовъ, относящихся къ приходу и расходу суммъ, такъ какъ приходъ и расходъ Комиссіи велся въ Братскихъ книгахъ вмѣстѣ съ приходомъ и расходомъ Братства, а въ этихъ Братскихъ денежныхъ записяхъ трудно, почти невозможно разобраться, то какое значеніе имѣютъ ежегодно появляющіеся „Отчеты о движеніи суммъ Переводческой Комиссіи“? Если Ревизіонная Комиссія насчитываетъ на Переводческой Комиссіи въ пользу Братства переборъ въ 5212 руб. 77 коп., и Совѣтъ Братства принимаетъ этотъ счетъ, а Предсѣдатель Переводческой Комиссіи соглашается съ такимъ неожидан-

нымъ начетомъ на свою Комиссію, то не возникаетъ ли вопросъ: благополучно ли въ счетахъ Переводческой Комиссіи? Если дѣлопроизводитель Переводческой Комиссіи, вѣдающій *исключительно*, по завѣренію предсѣдателя, обширное, сложное денежное дѣло по операціямъ перевода, изданія и распространенія инородческихъ книгъ, въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ, за своею подписью опубликованномъ 21 января 1901 года, въ день Общаго Собранія Братства, съ явной цѣлью произвести давленіе на Собраніе, дѣлаетъ косвенное возраженіе Ревизіонной Комиссіи и Совѣту Братства, и ставитъ дѣло такъ, что не Комиссія должна Братству 5212 руб. 77 коп., а наоборотъ, за кассой Братства св. Гурія Переводческая Комиссія имѣетъ 4276 руб 51 коп., но, послѣ такого оффиціальнаго предъявленія крупнаго счета кассѣ Братства, молчаливо отказывается отъ своего счета, легко, безъ дальнѣйшихъ прямыхъ возраженій, мирится съ удержаніемъ въ пользу Братства всей годичной ассигновки Переводческой Комиссіи изъ Миссіонерскаго Общества, то принудительно выдвигается вопросъ, можно ли сказать, что „Отчеты Переводческой Комиссіи не возбуждаютъ сомнѣнія“? Если счеты въ Братствѣ по дѣламъ Переводческой Комиссіи представляютъ такой курьезъ: по годичному счету казначея Братства, Братство должно Переводческой Комиссіи 462 руб. 94 коп., а Предсѣдатель Переводческой Комиссіи, въ должности секретаря Братства уменьшаетъ этотъ долгъ въ ущербъ своей Комиссіи до 40 руб. 70 коп., а Ревизіонная Комиссія находитъ, что, можетъ быть, хотя далеко не несомнѣнно, долгъ этотъ можно считать приблизительно около 161 руб. 40 коп., то какъ же быть съ „невозбуждающими сомнѣнія“ денежными отчетами Переводческой Комиссіи..... и какую цифру долга признать за невозбуждающую сомнѣнія?

Допустимъ, что долгъ Братства Комиссіи окончательно опредѣляется суммой въ 161 руб. 40 к. Но имѣетъ ли право Совѣтъ Миссіонерскаго Общества своею властію простить

этотъ долгъ Братству единственно ради устраненія нежелательныхъ пререканій между двумя однородными по задачамъ учрежденіями, получающими средства изъ одного и того же источника? Когда между двумя совершенно частными учрежденіями, напр., между двумя торговыми фирмами, однородными по предмету торговли, возникаютъ денежныя недоразумѣнія, вслѣдствіе неправильнаго веденія торговыхъ книгъ одною фирмою или обѣими, то призванный посредникъ, не нарушая закона и правды, можетъ предложить, ради прекращенія пререканій между фирмами и сохраненія добрыхъ дѣловыхъ отношеній, скостить со счетовъ возбудившую недоразумѣніе сумму. Но Братство и Переводческая Комиссія учрежденія не частныя, *потому что онѣ живутъ не на частныя средства, а на казенныя*, по копѣйкамъ собираемыя по всей Россіи и поступающія къ этимъ учрежденіямъ чрезъ посредство Миссіонерскаго Общества. А имѣютъ ли право казенныя учрежденія, всѣ получающія свои средства изъ одного и того же источника—казны, въ случаѣ денежныхъ, даже еще не выяснившихся окончательно, начетовъ, рѣшать недоразумѣнія и устранять нежелательныя пререканія очень простымъ способомъ: вычеркнуть изъ счета вызывающую пререканія сумму? Думаю,—нѣтъ. Казенная копѣйка, собранная съ народа, требуетъ точнаго отчета. Все то, что въ существенномъ изложено мною выше о состояніи денежныхъ счетовъ Братства и Переводческой Комиссіи, а особенно послѣдній „Отчетъ Чрезвычайной Ревизіонной Комиссіи 1904 года“, по авторитетной оцѣнкѣ, „представляетъ такую картину разстройства Братства и Переводческой Комиссіи, что нечего и возразить противъ нея“. Но этотъ памятный Отчетъ приподнялъ только часть завѣсы, въ теченіе многихъ лѣтъ скрывающей безобразную картину. Совѣтъ же Миссіонерскаго Общества, во имя нежелательности пререканій, спѣшитъ опустить опять занавѣсь надъ безобразіемъ, вмѣсто того, чтобы во имя высшихъ интересовъ, принять энергиче-

скія мѣры къ тому, чтобы сорвать всю завѣсу, которою въ теченіе многихъ лѣтъ прикрывается „картина разстройства". Не списать нужно со счета Братскій долгъ Переводческой Комиссіи, долгъ, къ тому же пока еще точно и окончательно не установленный. Я даже и не удивился бы, если бы, по внимательномъ разслѣдованіи всего дѣлопроизводства обоихъ Казанскихъ миссіонерскихъ учрежденій, въ концѣ концовъ оказалось бы, что не Братство должно Переводческой Комиссіи, а наоборотъ. Примѣръ мы уже видѣли, когда Переводческая Комиссія считала за Братствомъ 4276 рублей, а Братство за Комиссіей—5212 р., и когда Братство, недолго думая, удержало у себя слѣдуемое Комиссіи, а Комиссія, вѣроятно, чтобы не возбуждать „нежелательныхъ пререканій", безпрекословно списала со своихъ счетовъ эту сумму. Все благоустроилось „по семейному", какъ и слѣдуетъ между учрежденіями, получающими деньги изъ одного источника и имѣющими однородныя задачи.... Нѣтъ, не списать. Совѣтъ Миссіонерскаго Общества, получивши Братскій Отчетъ за 1902—3 годъ съ приложеніями, обнаружившими „Картину разстройства Братства и Переводческой Комиссіи", долженъ былъ, въ виду явнаго неблагополучія, принять самыя энергичныя мѣры, послѣ мѣстной Чрезвычайной Ревизіонной Комиссіи, которая послѣ отпора, даннаго въ 1901 году, не могла уже и пытаться проникнуть своимъ ревизіоннымъ глазомъ въ запретную область операцій Переводческой Комиссіи, находившуюся въ исключительномъ вѣдѣніи члена—дѣлопроизводителя Переводческой Комиссіи, Совѣтъ Миссіонерскаго Общества долженъ былъ войти въ сношеніе съ Казанскимъ архіепископомъ о назначеніи имъ новой Чрезвычайной Комиссіи, которая была бы Совѣтомъ уполномочена обревизовать и то, къ чему не допускалъ членъ-дѣлопроизводитель Переводческой Комиссіи, ссылаясь на неимѣніе указаній Совѣта Миссіонерскаго Общества, которому онъ подначаленъ. Если бы въ составъ новой Чрезвычайной Ревизіонной Ко-

миссіи вошли и лица, участіемъ въ попыткахъ прежнихъ ревизій немало уже ознакомившіеся съ любопытнымъ состояніемъ дѣлъ обоихъ миссіонерскихъ учрежденій Казани, то результатъ ревизіи оказался бы весьма интереснымъ.

Ревизіи иногда не любятъ, потому что она вноситъ свѣтъ. Но имѣлъ ли право дѣлопроизводитель Переводческой Комиссіи не допустить Ревизіонную Комиссію къ обревизованію того, завѣдываніе чѣмъ „лежало исключительно на его обязанности“? Полагаю,—нѣтъ. Пока Переводческая Комиссія состояла при Братствѣ и денежными счетами съ нимъ пока была связана тѣсно до того, что не вела своихъ особыхъ приходо-расходныхъ книгъ, она, и ставши обширнымъ учрежденіемъ, оффиціально была по существу не болѣе, какъ одна изъ *трехъ особыхъ Комиссій*, какъ бы отдѣленій, Совѣта Братства, которыя этотъ Совѣтъ учредилъ еще въ 1870 году и которыя, хотя дѣйствовали каждая по своей части отдѣльно отъ засѣданій Совѣта, но всегда находились въ зависимости отъ Совѣта въ своихъ дѣйствіяхъ, а особенно въ своихъ средствахъ. Г-нъ членъ-дѣлопроизводитель, не приводя никакихъ оффиціальныхъ основаній своего отказа допустить ревизію дѣлъ, которыя онъ исключительно вѣдалъ, опирается только на своихъ личныхъ воззрѣніяхъ: „Увѣдомленіе о существованіи Ревизіоннаго Комитета по дѣламъ Переводческой Комиссіи, Комитета, возникшаго очевидно по мѣстнымъ соображеніямъ внѣ Миссіонерскаго Общества, идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ представленіемъ, которое *у меня установилось* о юридическомъ положеніи Комиссіи“; „я считаю вреднымъ для дѣла подчиненіе Комиссіи... Братству“, а Ревизіонный Комитетъ есть „Новая попытка подчинить Переводческую Комиссію Братству св. Гурія“. Но я рѣшительно утверждаю, что г. дѣлопроизводитель Переводческой Комиссіи „установилъ себѣ представленіе о юридическомъ положеніи Комиссіи“ неправильное. И въ Совѣтѣ Миссіонерскаго Общества такое представленіе не могло найти поддержки. Ко-

миссія, существующая *при Братствѣ Казанскомъ*, должна была ревизоваться въ Казани Братской Ревизіонной Комиссіей, назначаемой или утверждаемой архіепископомъ. Даже и теперь, когда совсѣмъ уже прекратилась зависимость Переводческой Комиссіи отъ Братства, и она оффиціально перешла въ непосредственное вѣдѣніе Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, въ ревизіонномъ отношеніи она все-таки остается въ зависимости отъ Казани и подчиняется мѣстной ревизіи: параграфъ 17-ый ВЫСОЧАЙШЕ одобренныхъ правилъ Переводческой Комиссіи говоритъ: „Годовой денежный отчетъ Комиссіи, послѣ предварительной документальной провѣрки на мѣстѣ особою Ревизіонною Комиссіею по назначенію архіепископа Казанскаго, представляется въ Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества". Можетъ быть, впрочемъ, и теперь представленіе, которое установилось у г-на дѣлопроизводителя о нынѣшнемъ юридическомъ положеніи Комиссіи, идетъ въ разрѣзъ съ ревизіоннымъ порядкомъ, установленнымъ ВЫСОЧАЙШЕ одобренными правилами Ревизіонной Комиссіи. По крайней мѣрѣ, годичный отчетъ Переводческой Комиссіи, которою г. дѣлопроизводитель заправляетъ, не былъ мнѣ представленъ на ревизію ни за 1903, ни за 1904 годъ (теперь идетъ уже къ половинѣ апрѣля 1905 года). Нужно надѣяться, что Совѣтъ Миссіонерскаго Общества обратитъ вниманіе Переводческой Комиссіи на этотъ недосмотръ. Для дѣла было бы въ высшей степени полезно, если бы Совѣтъ Миссіонерскаго Общества, отложивши въ сторону мнѣніе, будто отчеты Переводческой Комиссіи не возбуждаютъ сомнѣнія, не только направилъ бы, согласно новымъ правиламъ (§ 17-й), на ревизію къ архіепископу Казанскому Отчеты Переводческой Комиссіи за 1903—1904 годы, но и просилъ бы его назначить особую Ревизіонную Комиссію для полнаго обревизованія *за прежніе годы*, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за 10, приходо-расходнаго дѣлопроизводства Комиссіи, документовъ и въ особенности при-

ходо-расхода по переводческо-издательской части, а также наличности какъ кассовой, такъ и вещевой (книжныхъ складовъ). Подобная ревизія дѣлъ Братства св. Гурія, произведенная подъ моимъ руководствомъ Чрезвычайной Комиссіей, принесла величайшую пользу Братству. Засоренное, захирѣвшее, едва прозябавшее учрежденіе очищено, оживлено и возбуждено къ новой много-обѣщающей жизни. Настоящій Отчетъ Братства за 1903—1904 годъ съ неотразимою ясностію показываетъ, какъ „новое“ Братство энергическою работою введенныхъ въ него новыхъ, вѣрно понимающихъ высшія задачи Братства дѣятелей постепенно расчищаетъ и залѣчиваетъ язвы, истощавшія „старое“ Братство,—и оно, Богъ дастъ, дѣйствительно разовьетъ широкую дѣятельность, къ которой призываетъ его уставъ Братства.

Такъ смотрю я на пользу и даже настоятельную необходимость внимательной, подробной, по документамъ, ревизіи Переводческой Комиссіи не за послѣдній только годъ, но за болѣе длинный періодъ,—и смотрю такъ не я одинъ. Высокопреосвященный Арсеній, пять лѣтъ занимавшій Казанскую архіепископскую каѳедру и хорошо знавшій непорядочное состояніе дѣлъ какъ Братства, такъ и Переводческой Комиссіи,—почему онъ въ свое время и назначилъ одну за другою двѣ особыя Ревизіонныя Комиссіи, къ сожалѣнію, по какимъ то обстоятельствамъ кончившіяся почти ничѣмъ,—получивши отъ Совѣта Братства экземпляръ Отчета за 1902—3 годъ, съ приложеніемъ о результатахъ Чрезвычайной Ревизіонной Комиссіи, прислалъ оффиціальное привѣтствіе и благожеланіе Братству въ такихъ словахъ: „1905 г. янв. 12. Благодарю. Того же желаю Переводческой Комиссіи. Честнымъ труженникамъ мое благословеніе. А. Арсеній“.

Желаю того же Переводческой Комиссіи и я. Желаю, чтобы обстоятельная, безпристрастная правдивая ревизія привела прежде всего къ *всецѣлому обновленію* личнаго состава Переводческой Комиссіи; чтобы вмѣсто Казанскихъ кириллозъ—

мееодіевъ Переводческой Комиссіи, между коими есть вовсе не знающіе ни одного изъ инородческихъ языковъ, переводы на которые дѣлаются и издаются отъ имени Переводческой Комиссіи, привлечены были къ дѣлу если не знатоки тѣхъ языковъ, то, по крайней мѣрѣ, достаточно знакомые съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, притомъ люди просвѣщенные: чтобы Комиссія не прикрывала своимъ ученымъ авторитетомъ вызывающую въ знатокахъ удивленіе и негодованіе работу недоучекъ мальчишекъ, или случайно подвернувшихся малограмотныхъ невѣждъ, а то и проходимцевъ, съ исходатайствованіемъ даже для ихъ ученыхъ работъ не незначительныхъ казенныхъ субсидій.

Хорошо задумали тѣ, кто установилъ нѣкогда въ Казани центръ практической *среди* инородцевъ, а главное, ученой *для* инородцевъ миссіонерской дѣятельности. Но я считаю своею обязанностію сказать, что нынѣ въ этомъ центрѣ миссіонерства—*неблагополучно*“ [1])..... .

26 марта 1905 года Владыка Димитрій получилъ назначеніе на одну изъ виднѣйшихъ архіерейскихъ каѳедръ—Херсоно-одескую. Проѣзжая изъ Казани въ Одессу, почившій Архипастырь посѣтилъ родной и дорогой его сердцу Кіевъ и Академію, причемъ, шутя, замѣчалъ своимъ академическимъ знакомымъ, что онъ не сносилъ еще тогда одежды и обуви академическихъ.

Херсоно-одесскою епархіею почившій Архипастырь управлялъ около (безъ малаго) восьми лѣтъ. Въ Одессѣ онъ, не смотря на свою маститую старость и замѣтное ослабленіе своихъ тѣлесныхъ силъ, проявилъ необыкновенно энергичную, напряженную и кипучую дѣятельность, которая положительно изумляла всѣхъ, знавшихъ и окружавшихъ его.

---

[1]) См. Отчетъ о дѣятельности Братства св. Гурія за тридцать седьмой братскій годъ. Съ 4 окт. 1903 г по 4 окт. 1904 г. Примѣчаніе, стр. 71—87.

Въ Одессѣ почившій Архипастырь болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, сошелся какъ съ духовенствомъ, такъ и съ свѣтскимъ обществомъ, которыя не могли не уважать Архипастыря, дѣлавшаго столько добра своей Херсоно-одесской паствѣ. По случаю 50-лѣтняго юбилея ученой и церковно-общественной дѣятельности почившаго Архипастыря, исполнившагося 1 октября 1909 года, Одесская городская дума единогласно постановила привѣтствовать своего „глубокочтимаго и горячолюбимаго Архипастыря въ знаменательный день полувѣковаго его многополезнаго служенія, беззавѣтно посвященнаго охраненію вѣры и укрѣпленію незыблемыхъ началъ православія среди обширной паствы въ разноплеменной и разновѣрующей южной окраинѣ“. На такое привѣтствіе Думы почившій Архипастырь отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ Одескому городскому головѣ. „Я съ истинной отрадой читалъ сердечное привѣтствіе, которымъ Одесская городская дума съ вами, Николай Ивановичъ, во главѣ почтила меня 1-го октября. Въ горячей любви, какую засвидѣтельствовало мнѣ въ знаменательный для меня день представительство Одессы, я вижу естественный откликъ на мою искреннюю любовь къ нашему славному городу, на мою безраздѣльную заботу о духовномъ благѣ Одессы и всей врученной мнѣ Богомъ южной паствы. Ваши благопожеланія даютъ мнѣ крѣпкую поддержку и одобреніе въ виду многихъ затрудненій, которыя мнѣ приходится преодолѣвать. Моя жизнь отдана Одессѣ; я думаю одно съ городской думой: да цвѣтетъ наша Одесса, да укрѣпится въ ней русскій, оживляющій ее духъ православія, да восторжествуетъ она надъ засильемъ инородцевъ и покушеніями инородцевъ и покушеніями иновѣрцевъ. Богъ да поможетъ намъ“ [1])!

[1]) См. Херсон. Епарх. Вѣдом. 1909 г. № 20 отд. неоф., стр 514.— Объ отношеніи Херсоно-одесскаго епархіальнаго духовенства къ своему Архипастырю см. тамъ же 1910 г. № 3 отд. офф., стр. 55, гдѣ напечатано „Обращеніе Херсоно-одесскаго епархіальнаго духовенства къ св. синоду по поводу освященія въ Одессѣ Епархіальнаго Дома“.

Въ Одессѣ почившій Архипастырь въ полной мѣрѣ раскрылъ свои богатыя и разностороннія административныя дарованія, проникнутыя характеромъ широкой инициативы, глубокой трудоспособности и самоотверженной преданности интересамъ архипастырскаго служенія, какъ его понималъ самъ почившій Владыка. Въ разнообразныхъ начинаніяхъ и мѣропріятіяхъ одесскаго періода жизни архіеп. Димитрія особенно замѣтно доминируетъ надъ всѣмъ его любовь къ возможно болѣе широкой просвѣтительной пастырской дѣятельности и наклонность къ благотворительности церковно-общественной, построенной на принципѣ глубокой обдуманности и цѣлесообразности. Архипастырская дѣятельность его въ Одессѣ выразилась, между прочимъ, во многихъ замѣчательныхъ его письменныхъ воззваніяхъ и обращеніяхъ къ своей паствѣ, равно какъ и въ особенно многочисленныхъ его „предложеніяхъ“ (любимый видъ проявленія имъ своей инициативы). Въ виду высокаго историческаго значенія такой дѣятельности почившаго Архипастыря для Кіевской духовной Академіи, мы полагаемъ дать здѣсь возможно большее мѣсто пастырско-административному и пастырско-учительному слову его.

Должно замѣтить, что начало архипастырской дѣятельности почившаго Владыки въ Одессѣ совпало съ разгаромъ послѣдней смуты въ Россіи. Волненіе, охватившее всю Россію, съ особенною силою разразилось въ Одессѣ. Въ маѣ 1905 года почившій Архипастырь прибылъ въ Одессу, а въ іюнѣ того же года начались здѣсь безпорядки, благодаря которымъ особенно пострадалъ одесскій портъ. Затѣмъ осенью того же года въ Одессѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, поднялось народное волненіе, направленное, между прочимъ, противъ инородцевъ, которыхъ обвиняли въ оскорбленіи религіозныхъ и національныхъ чувствъ русскаго народа. Всѣ эти безпорядки сильно волновали и огорчали почившаго Архипастыря, въ характерѣ котораго всегда была преобла-

дающею чертою любовь къ порядку и законности. Обыкновенно сдержанный въ словѣ, Архипастырь, видимо, не могъ молчать, при подобныхъ обстоятельствахъ, и 22 октября 1905 года онъ обратился съ слѣдующимъ воззваніемъ къ христіанамъ города Одессы. „Опять нашъ злосчастный городъ переживаетъ страшное время", писалъ почившій Архипастырь. „Еще не сглажены слѣды позорнаго разоренія и истребленія, какому въ половинѣ іюня,—совсѣмъ неожиданно, точно налетѣлъ съ моря опустошительный ураганъ,—подвергся нашъ Одесскій портъ, какъ уже постигла насъ новая ужасная бѣда. Вотъ уже нѣсколько дней на улицахъ нашей Одессы,—даже въ самомъ сердцѣ города,—происходитъ еще болѣе позорная смута: буйства, насилія, убійства, разореніе, грабежъ. Почти ежеминутная стрѣльба то тамъ, то здѣсь на улицахъ, пальба и бросаніе бомбъ изъ домовъ, рукопашныя ожесточенныя схватки, множество раненыхъ и убитыхъ сдѣлали нашъ городъ въ эти дни похожимъ на несчастный городъ, который взятъ съ бою дикимъ или на войнѣ одичавшимъ, дошедшимъ въ борьбѣ до изступленія, забывшимъ все человѣческое врагомъ. И это—среди мира, наступившаго для насъ послѣ тяжкой и продолжительной войны съ внѣшнимъ врагомъ. И это—въ отвѣтъ на манифестъ, которымъ съ высоты Царскаго Престола объявлены еще новыя блага всему населенію Россіи для преуспѣянія его въ мирномъ трудѣ на пользу личную и общую! И это въ городѣ русскомъ: въ городѣ, который, по своему благоустройству и благосостоянію, считаетъ себя городомъ европейскимъ!

Вотъ до чего довели сборища всякихъ забастовщиковъ—шумныя и безчинныя! Вотъ до чего довели рѣчи горячія и возбуждающія! Отъ рѣчей незаконныхъ, неразумныхъ люди праздные перешли къ дѣлу преступному. Отъ забастовочнаго насилія надъ школами перешли къ кровавымъ схваткамъ на улицахъ и площадяхъ. Начался уличный мятежъ со всѣми ужасными его подробностями.... Настоящая война, самая ожe-

сточенная. И одна изъ ожесточенно воюющихъ въ мирномъ городѣ сторонъ, это—русскіе православные христіане. Какое тяжкое преступленіе для русскаго, какой великій позоръ для христіанина!

Многіе, какъ говорятъ, хотятъ оправдать себя тѣмъ, что они встали за честь нашего Царя, Русскаго, Православнаго, оскорбляемую врагами, что они выступили для охраны порядка и Закона. Но развѣ дурное позорное дѣло можетъ служить къ охранѣ чести? Развѣ безпорядкомъ и беззаконіемъ охраняется порядокъ и Законъ? Наполнивши весь городъ смутой, можно ли этимъ установить такъ необходимое для всѣхъ спокойствіе и миръ? Въ каждомъ благоустроенномъ городѣ русскомъ, есть Власти, которымъ надлежитъ охранять миръ, правду, порядокъ, которыя поставлены Великимъ нашимъ Царемъ блюстителями Закона. Самозванные же охранители порядка и законности въ нашемъ городѣ стали только помѣхой для прекращенія безпорядка. Горько сказать: они только усилили смятеніе и безпорядокъ.

Православные! Обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, которые говорите, что вы выступили съ добрымъ намѣреніемъ стать противъ смуты за порядокъ, противъ бунтовщиковъ-иновѣрцевъ, за вѣру христіанскую, за Царя православнаго, за Русь святую: вы выступили самочинно, самозванно, насильственно. Вами не руководитъ Власть законная. Вы со всей толпой, слѣдующей за вами, не охраняете законъ, а учиняете тяжкое преступленіе противъ Закона.

Вы выступили противъ враговъ Царя; но дѣйствительные враги закона и порядка притаились или скрылись. И вы въ возбужденіи увидѣли врага Царева въ каждомъ иновѣрцѣ-евреѣ. О бунтаряхъ скоро забыли. А начали позорное для христіанъ, усиленное давней враждой разореніе и избіеніе евреевъ. Жертвою насилія оказались честные труженики и торговцы, большею частію бѣдняки, которыхъ вы своимъ буйствомъ и разореніемъ ихъ убогаго имущества лишили

крова и куска хлѣба. Русскіе, православные! Вы запятнали себя кровью многихъ людей ни въ чемъ дурномъ неповинныхъ, которыхъ вина только въ томъ, что они не нашей вѣры. Смотрите: выступивши противъ бунтовщиковъ, вы, незамѣтно для себя, сами стали бунтовщиками. Опомнитесь; образумьтесь; успокойтесь. Вѣдь вы христіане, ученики Христа Спасителя. А поступаете хуже невѣрныхъ. Развѣ вы не знаете, что Христосъ воспретилъ ученикамъ своимъ насиліе надъ невѣрными? Развѣ вамъ невѣдома заповѣдь Спасителя: любите враговъ вашихъ, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть?

Знаю: многіе изъ васъ говорятъ, возбуждая себя и подстрекая другихъ, что евреи сами употребляли насиліе, что они первые начали стрѣлять, что они сами начали ожесточенныя схватки. Но не забывайте, что въ такой ужасной смутѣ, какой мы были свидѣтелями въ эти прискорбные дни, нельзя разобрать кто начинающій, кто отвѣчающій, все спуталось, перемѣшалось; трусы становились невольными храбрецами, и въ своей храброй трусости, ради безопасности, палили изъ револьверовъ тамъ, гдѣ никакая опасность имъ не грозила.

Православные! во имя Христа молю васъ: послѣдуйте Спасителю нашему Христу, Который не воздавалъ зломъ за зло, Который въ минуту тяжкихъ мукъ крестныхъ молился за Своихъ враговъ: Отче, отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ. Ради Христа, прекратите смутное, преступное дѣло. Многихъ изъ васъ увлекло въ смуту забастовочное бездѣлье. Возвратитесь же въ свои мастерскія, фабрики и заводы. Возвратитесь къ честному дѣлу, къ здоровому труду. Трудъ охлаждаетъ, успокаиваетъ, вразумляетъ, упорядочиваетъ.

Наступаетъ день воскресенія Христова, когда воскресшій Побѣдитель ада и всего злаго привѣтствовалъ учениковъ Своихъ: радуйтесь! Покажите же всѣмъ и евреямъ, что

вы истинные ученики Христа, Который Самъ есть Любовь и Кротость. Истребите изъ сердецъ вашихъ чувство ненависти и мести и возрадуйтесь о Господѣ.

Скажу вамъ со святымъ Апостоломъ кротость ваша да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкамъ. Помышляйте о томъ, что только истинно, что честно, что справедливо, и Богъ мира будетъ съ вами. И миръ Божій соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христѣ Іисусѣ. И въ нашемъ городѣ возстановится добрая, мирная, благоустроенная жизнь, глубоко потрясенная такъ неожиданно разразившейся смутой и тяжкимъ нестроеніемъ“ [1]).

Призывая свою паству пастырскимъ словомъ къ взаимному примиренію, почившій Владыка вмѣстѣ съ тѣмъ старался изыскивать средства къ облегченію матеріальной нужды тѣхъ изъ своихъ пасомыхъ, которые оказались въ бѣдственномъ состояніи частію благодаря пережитой смутѣ, частію же вслѣдствіе разныхъ стихійныхъ бѣдствій. Такое средство онъ видѣлъ въ возможно большемъ развитіи епархіальной церковной благотворительности, организаціей которой онъ и занялся съ первыхъ же мѣсяцевъ своего архіерейскаго служенія въ Одессѣ. Главнымъ органомъ церковно-общественной организаціи въ Одессѣ почившій Архипастырь избралъ здѣшній благотворительный кружокъ дамъ духовнаго вѣдомства, который началъ свое дѣйствіе еще до пріѣзда архіепископа Димитрія въ Одессу. Въ то же самое время почившій Архипастырь призывалъ и все вообще духовенство Херсоно-одесской епархіи къ оживленію и усиленію благотворительной дѣятельности, Съ этою цѣлью онъ 14 декабря 1905 года обратился ко всему духовенству Херсоно-одесской епархіи съ слѣдующимъ воззваніемъ.

„Бѣдствія, постигшія нашу Херсонскую область въ истекающемъ году“, писалъ архіеп. Димитрій, „вызываютъ

---

[1]) См. Херсон. Епарх. Вѣдом. 1905 г. № 21

на усиленную благотворительную дѣятельность во имя Христа, чрезъ церковь.

Неурожай прошлаго лѣта, особенно на югѣ области, уже предвѣщалъ сельскому населенію голодную бѣду къ зимѣ. А въ городахъ, куда неурожай гонитъ и многихъ изъ деревень, общественныя смуты, вызванныя злыми людьми, привели нынѣ къ безработицѣ, за которою слѣдуетъ нищета и голодъ.

Нужда настойчиво даетъ себя чувствовать вездѣ въ нашемъ краѣ, прежде всего въ Одессѣ, гдѣ скопилось множество безработнаго голоднаго народа, рабочихъ сельскихъ, портовыхъ, фабричныхъ заведеній. А затѣмъ—и въ другихъ городахъ и въ деревняхъ.

Въ виду этого, предлагаю православному духовенству Херсонской епархіи нынѣ же открыть во всѣхъ церквахъ, во время богослуженій, сборъ пожертвованій въ пользу нуждающихся и голодающихъ епархіи.

Деньги, собираемыя въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ г. Одессы, имѣютъ быть представляемы ежемѣсячно городскимъ благочиннымъ, которые препровождаютъ сборъ въ одесскій благотворительный *Кружокъ Дамъ* духовнаго званія, для употребленія согласно даннымъ мною указаніямъ (главнымъ образомъ, на содержаніе устраиваемой кружкомъ дамъ столовой для нуждающихся).

Сборы по церквамъ другихъ городовъ епархіи имѣютъ быть также направляемы ежемѣсячно къ мѣстнымъ благочиннымъ, которые въ засѣданіяхъ благочинническихъ Совѣтовъ распредѣляютъ эти сборы между существующими въ городѣ приходскими попечительствами, имѣющими въ настоящее трудное время особенно усилить благотвореніе нуждающимся. Если же гдѣ-либо попечительствъ нѣтъ, тамъ сборъ сдавать въ городской Комитетъ, имѣющій своею задачею помощь голодающимъ.

Сельскому духовенству также предлагаю призвать прихожанъ къ помощи нуждающимся братіямъ, съ тѣмъ, чтобы деньги, собираемыя въ храмахъ во время богослуженія, и жертвы, приносимыя для этой цѣли внѣ богослуженія, были распредѣляемы между нуждающимися прихожанами попечительствами приходскими подъ руководствомъ настоятелей церквей, какъ непремѣнныхъ членовъ попечительствъ. Въ тѣхъ же приходахъ, въ коихъ приходскихъ попечительствъ нѣтъ, причты должны приглашать къ сотрудничеству въ дѣлѣ распредѣленія пособій нѣсколькихъ лицъ изъ почетныхъ, пользующихся общимъ довѣріемъ прихожанъ, составляя изъ нихъ временные комитеты.

Счетъ сборовъ по приходскимъ церквамъ (приходъ и расходъ) долженъ вестись помѣсячно въ особыхъ тетрадяхъ. Общій отчетъ своевременно будетъ напечатанъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Сборъ устанавливается на неопредѣленное время,—пока будетъ продолжаться настоятельная нужда. О прекращеніи сбора будетъ объявлено особо.

Безъ сомнѣнія, пастыри церкви своими наставленіями въ церквахъ и домахъ возбудятъ къ пожертвованіямъ на доброе дѣло всѣхъ тѣхъ, кто въ состояніи отъ своего достатка пожертвовать, у кого сердце доброе, сострадательное, христіанское“ [1]).

Познакомившись ближе какъ съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ Херсоно-одесской паствы, такъ и съ мѣстными дѣятелями и силами, почившій Архипастырь твердо рѣшилъ создать единый обще-епархіальный центръ, въ которомъ должны были сосредоточиться и всѣ просвѣтительно-благотворительныя учрежденія епархіи и всѣ тѣ духовныя силы, какими располагала Одесса. Такимъ центромъ онъ избралъ учрежденіе, наименованное, по его мысли, „Епархі-

---

[1]) См. Херсон. Епарх. Вѣдом. 1905 г. № 24 отд. офф., стр. 425—427.

альнымъ Домомъ". Въ этомъ Домѣ рѣшено было устроить храмъ съ заломъ для чтеній народу и помѣстить всѣ, по возможности, просвѣтительно-благотворительныя учрежденія, какъ то: епархіальную библіотеку и читальню, епархіальный училищный совѣтъ съ книжнымъ складомъ и образцовой церковно-приходской школой при немъ, Св. Андреевское Братство съ его миссіонерскими книжными операціями, эмеритальную кассу епархіальнаго духовенства и кассу взаимопомощи, редакцію епархіальныхъ вѣдомостей, епархіальную библіотеку, склады епархіальнаго свѣчного завода, благотворительное общество дамъ духовнаго вѣдомства и (впослѣдствіи) гостиницу для пріѣзжающаго въ Одессу духовенства Для скорѣйшаго устройства такого „Епархіальнаго Дома" рѣшено было воспользоваться старыми зданіями Одесской духовной семинаріи, оставшимися безъ всякаго употребленія послѣ устройства новаго семинарскаго зданія. По иниціативѣ почившаго Архипастыря, упомянутыя старыя зданія семинаріи были куплены одесскимъ духовенствомъ у Св. Синода и затѣмъ капитально ремонтированы [1]). Почившій Владыка съ рѣдкимъ воодушевленіемъ относился къ этому дѣлу, которое признавалъ едва ли не важнѣйшимъ во всей одесской дѣятельности его. 16 августа 1908 года, тотчасъ же послѣ полученія удовлетворительнаго отвѣта изъ С.-Петербурга о судьбѣ старыхъ зданій семинарскихъ, было приступлено къ началу строительныхъ и ремонтныхъ работъ по обновленію и украшенію ихъ. Почившій Архипастырь самолично освятилъ молитвою и торжественнымъ богослуженіемъ начало этихъ работъ [2]). Работы, за которыми внимательно слѣдилъ самъ иниціаторъ дѣла, подвигались быстро впередъ и 8 апрѣля 1909 г., при участіи архіеп. Димитрія, происходило торжество освященія и водруженія св. креста на главномъ ку-

---

[1]) См тамъ же 1908 г № 1 отд. неоф., стр 4—8.

[2]) См. тамъ же 1908 г № 17 отд. неофф., стр. 423 - 425.

полѣ храма въ обновлявшемся Епархіальномъ Домѣ [1]). 20 ноября того же года архіеп. Димитрій особымъ предложеніемъ назначилъ днемъ освященія обновленнаго Епархіальнаго Дома 22-е января 1910 года. Вотъ это предложеніе, въ которомъ почившій Архипастырь, по своему обыкновенію, изложилъ и самую исторію дѣла. „Епархіальный съѣздъ 22 января 1908 года", писалъ Владыка, „рѣшившій принятіе отъ Святѣйшаго Синода стараго зданія Одесской духовной семинаріи (уголъ Александровскаго проспекта и улицы Жуковскаго) въ собственность епархіи для устройства въ немъ Епархіальнаго Дома, постановилъ: на будущее время день 22 января считать епархіальнымъ праздникомъ; совершать въ этотъ день торжественное праздничное богослуженіе и молебенъ.

Два почти года шла крайне трудная работа по оборудованію старыхъ семинарскихъ зданій въ Епархіальный Домъ. Нынѣ, по благословенію Божію, исключительной энергіей и усердіемъ строительнаго комитета, старыя обветшалыя зданія семинаріи обновлены, расширены, и Епархіальный Домъ принялъ величественный видъ. Часть дома по Александровскому проспекту, такъ называемая „доходная", еще въ концѣ августа текущаго года сдана нанимателямъ. Собственно „Епархіальная" часть, составляющая особое, отдѣленное брандмауэромъ отъ доходной части, зданіе по улицѣ Жуковскаго, уже почти окончена, даже въ мелочахъ. Храмъ Епархіальнаго Дома съ притворомъ-заломъ уже готовъ къ освященію.

Я намѣренъ пріурочить торжественный актъ освященія Епархіальнаго Дома,—церкви, зала и другихъ епархіальныхъ учрежденій,—къ знаменательному, отмѣченному уже епархіальнымъ съѣздомъ 1908 года дню 22 января. Предлагаю консисторіи объявить епархіальному духовенству, что освященіе

---

[1]) См. тамъ же 1909 г. №№ 7—8 отд. неофф., стр. 139—141.

Епархіальнаго Дома назначено мною на 22 января 1910 года, что я приглашаю прдставителей епархіальнаго духовенства, отцовъ благочинныхъ, прибыть къ этому времени въ Одессу для молитвеннаго участія въ освященіи храма и Дома и торжественнаго празднованія перваго дня бытія Дома, какъ фениксъ изъ пепла, въ теченіе двухъ лѣтъ возродившагося изъ обветшалыхъ зданій духовной семинаріи" [1]).

22 января слѣдующаго 1910 года, дѣйствительно, совершилось, при исключительно торжественной обстановкѣ, освященіе храма во имя св великомученика Димитрія Солунскаго при новосооруженномъ въ Одессѣ Епархіальномъ Домѣ и самаго Дома. По окончаніи чина освященія, предъ началомъ литургіи, почившій Архипастырь обратился къ присутствовавшимъ въ храмѣ съ глубокопрочувствованною рѣчью, въ которой благодарилъ Господа за то, что Онъ благословилъ его благополучно окончить давно задуманное имъ, выношенное и взлѣлѣянное въ глубинѣ души настоящее великое и святое дѣло, и за то, что ему, Владыкѣ, довелось освятить храмъ новосозданнаго Епархіальнаго Дома.

Указавши затѣмъ на то, что пастыри и вообще вѣрныя чада Херсоно-одесской церкви до настоящаго времени совсѣмъ не имѣли въ Одессѣ такого помѣщенія, гдѣ бы они могли безпрепятственно имѣть собранія для обсужденія многихъ по настоящему времени настоятельно неотложныхъ вопросовъ религіозно-церковной жизни и для изысканія мѣръ и средствъ для защиты церкви противъ ожесточенныхъ нападокъ на нее нынѣшнихъ многочисленныхъ ея враговъ и недоброжелателей, Владыка высказалъ искреннюю радость по поводу того, что имъ, съ помощью Божіею и при сочувственномъ участіи духовенства и благочестиво настроенныхъ добрыхъ людей Херсонской епархіи, сооружено для вышеуказанныхъ цѣлей настоящее великолѣпное зданіе съ величественнымъ при немъ храмомъ,—на томъ мѣстѣ, которое

[1]) См. тамъ же 1909 г. №№ 23—24 отд оф., стр. 522.

раньше служило для высокихъ церковно-просвѣтительныхъ цѣлей, но въ послѣдніе годы представляло изъ себя однѣ развалины и даже, по грубости временныхъ его обитателей, превратилось въ „мерзость запустѣнія“.

Сказавши о значеніи храма, какъ мѣста для молитвенныхъ собраній и благодатнаго освященія вѣрующихъ, Владыка съ особенною силой и выразительностію оттѣнилъ затѣмъ значеніе храма Епархіальнаго Дома, какъ выдѣляющагося, по своему устроенію и назначенію, изъ всѣхъ одесскихъ храмовъ,—такъ какъ къ храму здѣсь, въ Епархіальномъ Домѣ, непосредственно присоединенъ, какъ его притворъ, обширный залъ для религіозно-наставительныхъ бесѣдъ и чтеній, посредствомъ которыхъ посѣтители сего храма, послѣ совершеннаго въ немъ богослуженія, будутъ поучаться правиламъ вѣры и жизни христіанской,—просвѣщаться свѣтомъ Христова ученія,—о чемъ гласитъ надъ аркой, отдѣляющей залъ отъ храма, надпись: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“. Здѣсь, въ Епархіальномъ Домѣ, желающіе могутъ получить удовлетвореніе не только религіознымъ, но и другимъ высшимъ потребностямъ духа,—такъ какъ въ основываемой при семъ Домѣ библіотекѣ, наряду съ книгами религіознаго характера, которыя составятъ главное ея богатство, найдутъ мѣсто и вообще полезныя книги по другимъ отраслямъ знанія. Здѣсь, въ Епархіальномъ Домѣ, будутъ сосредоточены всѣ мѣстныя силы и средства для успѣшной борьбы съ врагами церкви Христовой.—Хотя новоосвященный храмъ, продолжалъ далѣе Владыка, безприходный, но въ сущности онъ имѣетъ самый обширный приходъ, то есть всю епархію, какъ храмъ общеепархіальный; и поэтому всякій православный христіанинъ, къ какому бы приходу онъ ни принадлежалъ, можетъ приходить въ этотъ храмъ для молитвы и наученія, какъ въ свою приходскую церковь.

И не только можетъ, но и долженъ всякій, кто чувствуетъ религіозную потребность, приходить сюда именно,

въ нашъ храмъ, вмѣсто того, чтобы идти для этого въ разныя столовыя и чайныя съ часовнями, гдѣ многіе нынѣшніе просвѣтители народа думаютъ удовлетворить его религіозно-нравственныя потребности безъ храма, безъ церкви, безъ Богомъ поставленной на это дѣло іерархіи.

Обратившись затѣмъ къ братчикамъ, членамъ одесскаго Братства ревнителей православной вѣры изъ мірянъ, Владыка припомнилъ, какъ они, движимые искреннею религіозною настроенностію и въ цѣляхъ противодѣйствія ожесточенному натиску на церковь Христову многочисленныхъ въ Одессѣ—мѣстныхъ и наѣзжихъ сектантовъ, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ съ большими затрудненіями и неудобствами собирались въ семъ же зданіи, въ запущенномъ, обветшаломъ помѣщеніи бывшаго стараго храма.

„Теперь, сказалъ Владыка, съ помощью Божіею выстроенъ и благодатію Всесвятаго Духа сегодня освященъ этотъ благолѣпный храмъ и его притворъ—залъ собесѣдованій прежде всего для васъ, братчики-ревнители святой вѣры. Вы—прихожане сего храма.

Прошу васъ: по прежнему съ неослабѣвающей любовью и усердіемъ приходите въ нашъ храмъ для молитвы и наученія слову Божію Располагайте и другихъ, вашихъ присныхъ по вѣрѣ приходить сюда. Привлекайте и сектантовъ, дабы и они, увидѣвши великолѣпіе нашего храма и благолѣпіе совершаемаго въ немъ богослуженія и услышавши слово истины церковной, сознали свои заблужденія и возвратились въ лоно матери своей—святой православной Церкви“ [1]).

Вечеромъ въ тотъ же день въ залѣ собесѣдованій при новоосвященномъ обновленномъ Епархіальномъ Домѣ, по случаю открытія чтеній- бесѣдъ для народа, состоялось торжественное епархіальное собраніе. Собраніе открылось тор-

---

[1]) См. тамъ же 1910 г № 3 неоф отд, стр 57—59.

жественнымъ молебномъ, который совершалъ самъ почившій Архипастырь. Послѣ молебна начался торжественный актъ, предъ открытіемъ котораго архіепископъ Димитрій обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью. Въ ней онъ высказалъ, прежде всего, свою радость по поводу громаднаго стеченія пришедшихъ послушать слово Божіе. „Изъ сего обстоятельства, говорилъ Архипастырь, ясно видно, до какой степени назрѣла необходимость имѣть въ нашемъ городѣ свое самостоятельное помѣщеніе для наставительно-назидательныхъ бесѣдъ и чтеній для православныхъ христіанъ всѣхъ возрастовъ.

Въ настоящее время настала крайняя необходимость объединиться во взаимообщеніи вѣры и любви всѣмъ вѣрнымъ чадамъ церкви православной для успѣшнаго отраженія ожесточеннаго натиска на церковь многочисленныхъ враговъ ея, стремящихся во что бы то ни стало расшатать всѣ вѣковые устои церковной жизни, разрушить основы православія—этого главнаго оплота Россійской Державы".

Указавъ, за симъ, въ краткихъ словахъ высокое значеніе того обстоятельства, что новосозданный святый храмъ Епархіальнаго Дома посвященъ блаженной памяти и мочивенному прославленію св. великомученика Димитрія Солунскаго, подъ небесный покровъ и защиту котораго поставленъ и притворъ храма сего и весь освященный Домъ, съ его религіозно-просвѣтительными цѣлями, Владыка остановился съ подробностію на изображеніи того тяжкаго для церкви времени, въ какое жилъ, подвизался за вѣру Христову и мученически скончался св великомученикъ Димитрій. страшный натискъ враговъ Христа, кровью цѣлаго сонма мучениковъ христіанскихъ обагрившихъ землю въ III вѣкѣ, когда изоденъ былъ копьями и св великомученикъ Димитрій,—нынѣ какъ бы снова оживаетъ въ своихъ мрачныхъ очертаніяхъ. „Не говоря о тяжкихъ скорбяхъ и страданіяхъ, какія переживаетъ истинный исповѣдникъ Христовой вѣры

у насъ, въ Россіи, перенесемся, говорилъ Владыка, мысленно къ тѣмъ ужасамъ, преслѣдованію и гоненію за вѣру, какія подняты со стороны враговъ христіанства во Франціи и Испаніи Святое имя Христа хулится и попирается и съ саганинскимъ безумiемъ изгоняется изъ сердца подрастающаго поколѣнія. Церкви и монастыри—закрываются, имущества ихъ отдаются на услажденіе плоти. Кое-гдѣ, по мѣстамъ происходятъ уже кровавыя схватки и, Богъ знаетъ, не возобновятся ли вскорѣ во всѣхъ ужасахъ пережитыя церковью тяжкія времена гоненій II и III вѣковъ? Грозные признаки этого страшнаго будущаго для церкви Христовой—у всѣхъ на виду. Ожесточенная брань противъ Христа поднята не только на Западѣ. Мутныя волны антихристова боренія просачиваются и на русскую православную почву. И у насъ все громче раздаются голоса объ отдѣленіи церкви отъ государства, все яростнѣе слышатся клеветы и кощунства, возбуждающія народную толпу противъ церкви, „все съ большею наглостію покушаются на экспропріацію ея вещественнаго достоянія“...

Закончилъ свою рѣчь Владыка молитвеннымъ пожеланіемъ, да поможетъ небесный Покровитель святаго храма и Дома, въ которомъ происходило собраніе, св. великомученикъ Димитрій, прославляемый церковью, какъ „мучениковъ украшеніе“, „враговъ потребитель“, „пристанище прибѣгающихъ къ нему“, всѣмъ намъ духовно объединенными силами мужественно возстать на защиту церкви Христовой [1]).

Такъ радовался, чистою радостію, почившій Архипастырь по поводу благополучнаго окончанія задуманнаго имъ дѣла. Не менѣе его было довольно и духовенство Херсоно-одесской епархіи, которое, чрезъ своихъ представителей, депутатовъ епархіальнаго съѣзда, тогда же обратилось къ

---

[1]) См. тамъ же 1910 г. № 3 неоф. отд., стр. 71—73.

Св. Синоду съ просьбою о благословеніи на предстоявшіе дѣятелямъ новосозданнаго Дома труды, причемъ выражало увѣренность, что „отнынѣ Епархіальный Домъ станетъ духовною твердынею, центромъ организаціи тружениковъ пастырскаго служенія одесскаго духовенства“ [1]).

Со времени окончательнаго устройства Епархіальнаго Дома, которому было присвоено, по желанію духовенства, имя *Димитріевскаго*, почившій Архипастырь перенесъ на него, можно сказать, всю свою любовь и попечительность. Еще во время самаго возобновленія Дома онъ выдавалъ изъ своихъ личныхъ средствъ обильныя пособія не только на строительныя нужды, но и на тѣ просвѣтительныя учрежденія, которыя имѣли открыться при Домѣ. Такъ, еще 19 апрѣля 1909 года онъ выдалъ попечительному совѣту Херсоно-одесскаго Епархіальнаго Дома 16000 рублей, изъ которыхъ 8000 (или 10000) рублей должны были быть употреблены на устройство епархіальной типографіи при Домѣ, а 8000 (или 6000) рублей „въ фондъ для изданія въ той типографіи, на проценты съ этого капитала, общедоступныхъ православно-назидательныхъ листковъ, для *даровой* раздачи народу во всѣхъ приходахъ епархіи, для каковаго дѣла уже было ассигновано послѣднимъ епархіальнымъ съѣздомъ въ неприкосновенный капиталъ 500 рублей и столько же было внесено тогда же, въ январѣ 1908 года“ самимъ Архипастыремъ [2]).

Послѣ же открытія дѣятельности Епархіальнаго Дома, когда для всѣхъ стала совершенно очевидною польза этой дѣятельности, почившій Архипастырь началъ быть еще болѣе щедрымъ въ своихъ жертвахъ на расширеніе просвѣтительно-благотворительной дѣятельности Дома. Въ немъ онъ сталъ постепенно сосредоточивать разныя учрежденія, прежде разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ, или же заводить новыя,

---

[1]) См. тамъ же 1910 г. № 4 отд. оф., стр. 55—57.
[2]) См. тамъ же 1909 г. № 10 отд. оф., стр. 219—220.

причемъ на тѣ и другія давать свои обильныя пожертвованія Такъ, напр, 30 іюля 1910 года онъ далъ на имя Попечительнаго Совѣта Херсоно-одесскаго Епархіальнаго Дома слѣдующія два знаменательныя предложенія.

1) „Въ дополненіе къ внесеннымъ мною раньше въ кассу Попечительнаго Совѣта Епархіальнаго Дома 15000 рублей, на устройство *помѣщенія* для типографіи Епархіальнаго Дома, —нынѣ препровождаю Совѣту еще 5000 рублей наличными на оборудованіе типографіи машинами и другими типографскими принадлежностями.

Для меня особенно желательно устройство типографіи Епархіальнаго Дома въ самомъ скоромъ времени, потому что типографія служитъ самымъ могучимъ пособіемъ дѣлу церковнаго просвѣщенія, которое составляетъ первый долгъ нашего Епархіальнаго Дома“ [1]).

и 2) „Епархіальный училищный Совѣтъ, не имѣя ни казенной ассигновки, ни мѣстной субсидіи на наемъ помѣщенія, послѣ долгаго скитанія по чужимъ угламъ, получилъ наконецъ постоянное удобное помѣщеніе въ Епархіальномъ Домѣ, полагаю, безплатное.

Тамъ, гдѣ епархіальный училищный Совѣтъ, само собою разумѣется должно быть образцовое церковное училище. Если при епархіальномъ училищномъ Совѣтѣ не будетъ образцоваго церковнаго училища, то гдѣ же ему и быть? А между тѣмъ, для учрежденія такого училища также средствъ нѣтъ; и не откуда ждать пособія.

Позаботимся объ этомъ существенномъ дѣлѣ сами. Богъ помогъ намъ создать Епархіальный Домъ. Поможетъ создать и училище.

Сегодня я имѣю возможность внести въ кассу Епархіальнаго Дома 5500 рублей (рентою: билетъ на 1000 рублей, серія 45, № 0072; билетъ на 1000 рублей, серія 262, № 0650;

---

[1]) См. тамъ же 1910 г. № 15 оф. отд, стр. 337

билетъ на 1000 рублей, серія 264, № 2707, билетъ на 1000 рублей, серія 266, № 1480, билетъ на 1000 рублей, серія 266, № 1483, билетъ на 500 рублей, серія 67, № 0597. Купоны съ 1 сентября 1910 года), которые назначаю на постройку помѣщенія церковнаго училища въ Епархіальномъ Домѣ. Проценты, поступающіе по билетамъ ренты, зачислять въ запасъ, пока не составится изъ различныхъ поступленій сумма, достаточная для постройки зданія училища. Типъ училища я пока не предрѣшаю. Это будетъ зависѣть отъ средствъ, какія поступятъ въ наше распоряженіе“ [1]).

И впослѣдствіи, до конца своей жизни, почившій Архипастырь всѣ свои просвѣтительно-благотворительныя начинанія старался пріурочивать именно къ Епархіальному Дому. Замѣчательно, что какъ всякое вообще дѣло, которое онъ когда либо начиналъ, такъ и свои просвѣтительно-благотворительныя мѣропріятія почившій Архипастырь старался проводить въ полномъ согласіи съ *духомъ* и *историческими традиціями православно-христіанской церкви*. Нѣкоторыя изъ такихъ его начинаній заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, не только глубокаго вниманія къ себѣ, но даже и широкаго подражанія. Съ этой стороны особенно интересно познакомиться съ предложеніемъ почившаго Архипастыря, даннымъ имъ 21 ноября 1910 года все тому же попечительному Совѣту Херсоно-одесскаго Епархіальнаго Дома по поводу введенія общаго пѣнія при богослуженіи въ Епархіальномъ Домѣ, объ устройствѣ въ немъ „виѳлеемской звѣзды“ (вмѣсто обычно принятой елки) для дѣтей на рождественскихъ праздникахъ и соединенной съ этою „звѣздою“ дѣтской благотворительности. „1. Въ древней Церкви Вселенской“, писалъ почившій Архипастырь въ этомъ своемъ предложеніи, „при совершеніи общественнаго богослуженія, въ исполненіи пѣсненной части участвовали всѣ молящіеся: или сообща пѣли цѣлыя церко-

[1]) См тамъ же. стр. 338.

вныя пѣсни, или же *„подтъвали“* только окончанія псалмовъ. Это былъ добрый церковный обычай: возбуждался духъ благочестія, повышалась добрая молитвенная настроенность. Въ нашей русской Церкви этотъ добрый древній богослужебный порядокъ, давно вышедшій изъ употребленія, въ послѣдніе годы во многихъ мѣстахъ возстановляется. Но чтобы *общее* богослужебное пѣніе приносило дѣйствительную духовную пользу, необходимо, чтобы оно было стройное, согласное, мелодичное, чтобы въ немъ не было невѣрности тона, неувѣренности, колебаній въ исполненіи, разноголосицы. А для этого требуется надлежащая подготовка посредствомъ правильныхъ спѣвокъ.

У насъ, въ Епархіальномъ Домѣ, сдѣлана уже попытка установленія общаго пѣнія и въ храмѣ, во время богослуженія, и въ предцерковномъ залѣ, во время благочестивыхъ бесѣдъ, чередующихся съ пѣніемъ. Задатки для добраго дѣла есть, но еще многое нужно сдѣлать. Нужны внѣ богослуженія и внѣ бесѣдъ спѣвки. Управленіе же спѣвками, въ которыхъ участвуетъ не небольшой хоръ, а многолюдное собраніе, можетъ успѣшно вестись не съ голоса, и не посредствомъ скрипки, а, при нынѣшнихъ музыкальныхъ усовершенствованіяхъ, посредствомъ небольшого органа, фисгармоніи.

Признаю необходимымъ пріобрѣсти для Епархіальнаго Дома фисгармонію возможно большей силы. Назначеніе этого инструмента будетъ не помогать пѣнію въ церкви во время богослуженія, не усиливать и направлять пѣніе во время бесѣдъ въ предцерковномъ залѣ,—когда долженъ *разумно* воспѣвать пѣснь Господеви человѣческій органъ, а не покрывать звуки голоса человѣческаго мусикійскій органъ, какъ въ католическомъ и протестантскомъ богослуженіи. *Фисгармонія назначается только для спѣвокъ.* Можно устроить такъ: залъ нашъ свободенъ по средамъ вечеромъ. Эти вечера среды еженедѣльно могутъ быть назначены для спѣвокъ, на которыя могутъ собираться всѣ, кто желаетъ участвовать въ

общемъ пѣніи на богослуженіи и во время бесѣдъ и учиться стройному, согласному пѣнію подъ звуки гармоніума. Можетъ быть фисгармонія употреблена еще по понедѣльникамъ, на дѣтскихъ собраніяхъ, также для обученія дѣтей хоровому пѣнію,—для спѣвокъ. Однимъ словомъ, фисгармонія будетъ у насъ органъ *учебный, а не богослужебный.*

2. Приближается свѣтлый христіанскій праздникъ Рождества Христова. Съ сегодняшняго праздника Церковь начинаетъ приготовлять православныхъ христіанъ къ празднику Рождества Христова. „Христосъ раждается! Славите“! Это радостный праздникъ семействъ христіанскихъ, всерадостный праздникъ христіанскихъ дѣтей. На святой Руси (Кіевской) къ церковно-богослужебному прославленію Христа, рождшагося отъ Дѣвы, издревле присоединялось прославленіе младенца—Христа внѣбогослужебное, церковно-народное. Церковно-народная поэзія въ теченіе вѣковъ сложила этотъ праздникъ славленья Христа-младенца въ формѣ особыхъ рождественскихъ пѣсенъ, такъ называемыхъ колядъ (нѣкоторыя собраны въ Богогласникѣ). Колядованіе наполняло, по деревнямъ и теперь наполняетъ, всѣ дни и „святые вечера“ рождественскихъ святокъ. Въ обстановочной части колядованія главное мѣсто занимала звѣзда,—*Виѳлеемская Звѣзда.* Ходили (и теперь ходятъ) со звѣздой дѣти и подростки, и колядовали у родныхъ, у знакомыхъ, а затѣмъ и просто подъ окнами у всѣхъ односельчанъ, и получали за колядованье гостинцы. Колядованье „со звѣздой“ происходило главнымъ образомъ по вечерамъ, когда освѣщенная внутри звѣзда производила извѣстный эффектъ. Колядовали не только дѣти, но и взрослые. Колядованье этихъ послѣднихъ, кромѣ праздничнаго славленья Христа, имѣло цѣль и церковно-благотворительную. эти колядники собирали пожертвованія, и немалыя, деньгами и вещами на благоукрашеніе своего приходскаго храма, на пріобрѣтеніе цѣнной утвари церковной и проч. „Виѳлеемская Звѣзда“ въ рождественскомъ праздникѣ

славленья Христа-младенца имѣла у насъ глубокій трогательный церковно-народный смыслъ Въ ней воплощалась вѣрность историческому евангельскому содержанію священныхъ событій. „Волсви со звѣздою путешествуютъ! звѣздою учахуся кланятися Солнцу правды, Христу“.

Къ глубокому сожалѣнію, въ настоящее время „звѣзда“ совсѣмъ устраняется изъ дѣтскихъ развлеченій въ рождественскія святки. „Виѳлеемскую Звѣзду“ вытѣснила „рождественская елка“. Елка! Никого, конечно, не смущаетъ то, что „елка“ не даетъ ни малѣйшаго намека на обстановку великаго, всемірнаго, таинственнаго событія виѳлеемскаго, что Виѳлеемъ никогда не видалъ ни ели, ни сосны, ничего хвойнаго: тамъ только дубъ, да маслина и виноградъ. Но наша подражательность сдѣлала все Изъ-за границы (тамъ хвои достаточно) и привезли елку въ наши школы; изъ школъ она перешла въ семейства; наконецъ, устрояется она не только для дѣтей, но и для взрослыхъ. Только на окраинахъ городовъ появляется еще въ рождественскія святки „Звѣзда“, да по деревнямъ, гдѣ школьное подражаніе нѣмецкой елкѣ еще не совсѣмъ вытѣснило Виѳлеемскую Звѣзду, и дѣти—„Звѣздари“ еще путешествуютъ со звѣздою, на память о той „звѣздѣ ясной, что надъ вертепомъ возсіяла свѣтомъ“ (Богогласникъ).

Предполагая дать маленькимъ посѣтителямъ нашихъ дѣтскихъ понедѣльниковъ доброе христіанско-праздничное веселье, мы намѣрены устроить на святкахъ не „рождественскую елку“, при видѣ которой можетъ возникнуть въ дѣтскихъ умахъ только ошибочное представленіе и о природѣ страны, гдѣ Христосъ родился, и объ обстановкѣ мѣста Его рожденія, а „Виѳлеемскую Звѣзду“. Наша „Звѣзда“ напомнитъ дѣтямъ о той евангельской звѣздѣ, которую волхвы-мудрецы видѣли на Востокѣ, которая шла предъ ними и, наконецъ, остановилась надъ Виѳлеемомъ,—тамъ, гдѣ былъ младенецъ-Христосъ.

3. Не могу не упомянуть, въ связи съ вифлеемской звѣздой, еще объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, составляющемъ принадлежность семейнаго празднования дня Рождества Христова. Вошла въ общій обычай раздача рождественскихъ подарковъ дѣтямъ. Это—добрый обычай. Онъ трогательно напоминаетъ о тѣхъ дарахъ, что восточные волхвы-мудрецы принесли младенцу-Христу. Желательно, чтобы этотъ обычай праздничный установился и упрочился въ Епархіальномъ Домѣ для вечера „Вифлеемской Звѣзды".

Для приведенія въ исполненіе этихъ трехъ моихъ предположеній, осуществленіе которыхъ я признаю весьма полезнымъ и даже необходимымъ для успѣшнаго хода церковно-просвѣтительной дѣятельности Епархіальнаго Дома, я при семъ вношу въ Совѣтъ Дома *одну тысячу рублей* Думаю, не всѣ деньги эти будутъ израсходованы на пріобрѣтеніе гармоніи и на устройство Звѣзды. Я желаю, чтобы то, что останется за покрытіемъ расходовъ на эти предметы, было употреблено на изготовленіе подарковъ для маленькихъ посѣтителей вечера Вифлеемской Звѣзды,—для большой дѣтской семьи, какая,—надѣюсь,—соберется у насъ въ этотъ вечеръ славить Христа Конечно, того остатка отъ тысячи рублей будетъ недостаточно для добрыхъ подарковъ дѣтямъ, которыя соберутся у насъ праздновать Рождество Христово. Но не найдутся ли взрослые добрые христіане, которые, во славу Христа, рождшагося въ Вифлеемѣ, признаютъ возможнымъ пособить намъ устроить, какъ слѣдуетъ, въ Епархіальномъ Домѣ Вифлеемскую Звѣзду для дѣтей" [1])?

Подъ кровлею того же Епархіальнаго Дома архіеп Димитрій, видимо, желалъ и стремился сосредоточить и такія просвѣтительныя учрежденія, которыя имѣли служить, по его мыслямъ, интересамъ науки вообще и, въ частности, мѣстной церковной жизни. Съ этою именно цѣлію онъ желалъ

---

[1]) См. тамъ же 1910 г. № 23 отд. оф., стр. 571—575

устроить и собрать при Епархіальномъ Домѣ возможно болѣе полные—музей и библіотеку. Почившій Архипастырь при этомъ любилъ и, должно сознаться, *умѣлъ* привлекать людей, которые могли быть полезными задуманному имъ доброму дѣлу. Когда Л. С. Мацѣевичъ [1]) обратился къ почившему Архипастырю съ письмомъ, въ которомъ выражалъ свое желаніе передать свою библіотеку, состоящую изъ печатныхъ книгъ и рукописей, въ пользу Епархіальнаго Дома, то архіеп. Димитрій на этомъ письмѣ 1 сентября 1908 года написалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Отъ Херсонской епархіи и отъ себя лично выражаю благородному и доброму Льву Степановичу Мацѣевичу сердечную благодарность за его искреннее сочувствіе нашему епархіальному церковно-просвѣтительному дѣлу и за весьма цѣнное пожертвованіе для Библіотеки и Музея Епархіальнаго Дома. Да благословитъ его Богъ и укрѣпитъ его здоровье на много лѣтъ“ [2]).

И впослѣдствіи почившій Архипастырь весьма внимательно слѣдилъ за постепеннымъ составленіемъ основанныхъ имъ библіотеки и музея при Епархіальномъ Домѣ, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ для ихъ восполненія Вотъ, напр., съ какимъ „предложеніемъ“ онъ обратился на имя Совѣта Одесскаго Свято-Андреевскаго Братства отъ 16 апрѣля 1909 года, свидѣтельствующимъ, между прочимъ, и о всестороннемъ наблюденіи его за самыми, казалось бы, ординарными явленіями въ епархіальной жизни. „Въ некрологѣ протоіерея города Тирасполя Михаила Вижевскаго [3]) (Херс. Еп. Вѣдом 1909 г. №№ 7—8 стр. 173)“, писалъ архіеп. Димитрій, „сказано, что у покойнаго о. Михаила хранились

---

[1]) Вышеупомянутый товарищъ архіеп. Димитрія по Академіи и магистръ XXIII курса Кіевской духовной Академіи.

[2]) См. тамъ же 1908 г. № 18 оф. отд., стр. 291—292.

[3]) Прот. М. Вижевскій († 23 февр. 1909 г.)—кандидатъ Кіевской духовной Академіи XLII курса (1889 г.).

письма къ нему высокопреосвященнаго Никанора, изъ которыхъ видно, что арх. Никаноръ неоднократно совѣтовался съ нимъ относительно средствъ борьбы со штундою.

Если эти письма еще цѣлы, то слѣдуетъ принять мѣры къ сохраненію ихъ для исторіи въ Херсоно-одесскомъ Музеѣ церковномъ, вновь учрежденномъ въ Епархіальномъ Домѣ. Слѣдуетъ Братству обратиться по этому дѣлу къ вдовѣ покойнаго.

Кстати. Вѣроятно, и у другихъ священниковъ Херсонской епархіи сохранились письма или записочки преосвященнаго Никанора и другихъ Херсонскихъ архипастырей. Мѣсто такимъ документамъ въ Музеѣ Епархіальнаго Дома. Даже и незначительнымъ: и незначительное въ отдѣльности, въ разрозненности, крупинки, въ совокупности, въ цѣломъ составятъ величину далеко не незначительную“ [1]).

Послѣ Епархіальнаго Дома, на благоустройство котораго почившій Архипастырь, по послѣднимъ извѣстіямъ одесскимъ, употребилъ изъ своихъ личныхъ средствъ до 150.000 рублей, наибольшимъ вниманіемъ и наибольшею заботою его пользовалось *одесское благотворительное Общество Дамъ духовнаго званія Херсонской епархіи, о которомъ была раньше рѣчь и которое имѣетъ своею цѣлію облегченіе матеріальныхъ нуждъ сотенъ людей изъ среды бѣднѣйшаго православнаго русскаго населенія г. Одессы.* Это Общество помогало почившему Архипастырю въ его благотворительныхъ заботахъ и начинаніяхъ на первыхъ порахъ его служенія въ Одессѣ. Съ своей стороны, и архіеп. Димитрій искренно и сердечно относился къ этому Обществу. Благодаря мощной поддержкѣ со стороны почившаго Архипастыря, дамское духовное благотворительное Общество одесское, которое можетъ служить образцомъ и для другихъ епархій, прочно стало на ноги, получило надлежащую организацію и очень широко развило свою дѣятель-

---

[1]) См тамъ 1909 г. № 9 отд оф., стр. 190.

ность. Почившій Архипастырь настолько живо сочувствовалъ этому Обществу, что всемѣрно помогалъ ему укрѣпиться и, между прочимъ, пріобрѣсть собственный домъ, какъ мѣсто постоянной дѣятельности его и источникъ его доходовъ. Вотъ, напр., съ какимъ „предложеніемъ“ обратился почившій Архипастырь къ Совѣту Общества 30 іюля 1910 года. „Одесское благотворительное Общество Дамъ духовнаго званія“, писалъ онъ, „въ теченіе всего нѣсколькихъ лѣтъ своего существованія показало уже, при не совсѣмъ даже благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ широка и благодѣтельна можетъ быть его благотворительная дѣятельность, когда оно, крѣпкое нравственно, получитъ для себя добрую точку опоры матеріальную. А такою опорою былъ бы для Общества собственный домъ, въ удобномъ для его дѣла мѣстѣ.

Искренно желая Обществу какъ можно скорѣе обзавестись собственнымъ домомъ для сосредоточенія и укрѣпленія своей благотворительной дѣятельности, я вношу нынѣ въ кассу Общества на это дѣло, въ дополненіе къ имѣющемуся уже запасу, 5000 рублей.

Будемъ энергичны, рѣшительны, и—будемъ имѣть свой домъ“ [1]).

Архіеп. Димитрію принадлежитъ еще честь иниціативы въ дѣлѣ коренного преобразованія существовавшаго съ давняго времени въ Одессѣ, при духовной семинаріи, Св.-Андреевскаго Братства. По мысли именно почившаго Архипастыря, Братство это было преобразовано изъ частнаго, какимъ оно было дотолѣ, въ обще-епархіальное христіанско-просвѣтительное и благотворительное учрежденіе. Хотя Одесская духовная семинарія, при церкви которой возникло и существовало Свято-Андреевское Братство, по признанію епархіальной власти и мѣстнаго общества, съ честію и подобаю-

---

[1]) См. тамъ же 1910 г. № 15 отд. оф., стр. 339.

щимъ достоинствомъ въ теченіе почти трехъ десятковъ лѣтъ вела просвѣтительное и миссіонерское дѣло Братства, но для этого дѣятелямъ Братства, въ виду постоянно возникающихъ новыхъ нуждъ и измѣняющихся условій епархіальной церковно-общественной жизни, приходилось во многихъ случаяхъ отступать отъ точныхъ требованій дѣйствующаго устава; и только такими постоянными отступленіями и расширеніями узкихъ рамокъ своего устава Св. Андреевское Братство могло въ большей или меньшей степени жизненно и благотворно отзываться на происходящія перемѣны и нарождающіяся настоятельно неотложныя нужды и потребности религіозной и нравственной жизни православнаго населенія Херсонской епархіи. Назрѣла такимъ образомъ необходимость, чтобы Братство, вступившее въ кругъ учрежденій епархіальныхъ, тѣснѣе сблизилось съ епархіей, обогатилось притокомъ новыхъ силъ и чрезъ это пріобрѣло бы больше прочности и основательности въ своемъ положеніи,—получило бы права, какихъ, по прежнему его уставу, оно не имѣло, и стало бы болѣе жизненнымъ и плодотворнымъ въ своей дѣятельности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ основанный въ Одессѣ архіеп. Димитріемъ Епархіальный Домъ имѣлъ своею цѣлію объединить въ себѣ для совмѣстной дружной дѣятельности въ борьбѣ съ многочисленными врагами церкви и государства всѣ существующія въ Одессѣ епархіальныя христіанскипросвѣтительныя и благотворительныя учрежденія, то, очевидно, Свято-Андреевское Братство, съ преобразованіемъ его въ епархіальное, должно было имѣть свой центръ своей дѣятельности здѣсь же, въ Епархіальномъ Домѣ.

Потребовалось выработать новый уставъ для Братства,— что и было сдѣлано Совѣтомъ Братства, при содѣйствіи руководственныхъ указаніяхъ почившаго Архипастыря. Въ августѣ 1909 года было закончено составленіе новаго устава Братства. 18 сентября того же года архіеп. Димитрій пред-

ставилъ новый уставъ въ Св. Синодъ, который 17 октября 1909 года утвердилъ его. Довольный такимъ исходомъ дѣла почившій Архипастырь на синодальномъ указѣ написалъ слѣдующія знаменательныя слова: „Поздравляю Одесское Епархіальное Свято-Андреевское Братство. При обновленіи Устава, да обновится, яко орля, юность его. Да расширится и будетъ многоплодна дѣятельность его“ [1]).

Во всей своей епархіально-административной дѣятельности, въ бытность архіепископомъ Одесскимъ, почившій Архипастырь руководился преимущественно требованіями законности и порядка, какъ онъ ихъ понималъ. Неудивительно, если теоретическое, такъ сказать академическое пониманіе подобныхъ требованій могло сказываться иногда очень тяжелыми послѣдствіями, при практическомъ ихъ осуществленіи. Для примѣра можемъ указать на распоряженіе архіеп. Димитрія относительно своевременнаго возбужденія причтами и старостами ходатайствъ о разрѣшеніи различныхъ строительныхъ и ремонтныхъ работъ [2]), или о порядкѣ совершенія браковъ въ домовыхъ и иноприходныхъ храмахъ [3]) и т. п.

Не смотря на свою старость и слабость своего здоровья, не смотря также и на то, что преосв. Димитрій, въ бытность свою архіепископомъ Одесскимъ, долженъ былъ подолгу проживать внѣ епархіи, для исполненія чрезвычайныхъ порученій, которыя возлагались на него и о которыхъ у насъ будетъ впереди особая рѣчь, почившій Архипастырь находилъ возможность и время даже и для личнаго обозрѣнія своей обширной епархіи. Въ отношеніи ревизіи приходскихъ церквей онъ былъ такъ же точенъ, исполнителенъ и основателенъ

---

[1]) См. тамъ же 1909 г. № 18 отд. неоф., стр. 437—445, ср тамъ же отд. оф., стр. 478—479 ср. стр. 481.

[2]) Это было одно изъ первыхъ распоряженій архіеп. Димитрія въ Одессѣ, объявленное имъ посредствомъ „предложенія“ отъ 30 іюля 1905 г. См. Херсон. Епарх. Вѣдом. 1905 г. № 17 отд. оф., стр. 300—302.

[3]) См. тамъ же 1909 г. №№ 7—8 отд. офф., стр. 172—173.

какъ и во всѣхъ своихъ другихъ дѣйствіяхъ Мы имѣемъ извѣстіе о ревизіи церквей, которую производилъ архіеп. Димитрій въ 1907 году. По сообщенію епархіальнаго печатнаго органа, съ 27 августа по 3 сентября архіеп. Димитріемъ было осмотрѣно 19 церквей. „Не смотря на то, что Владыка далеко еще не оправился послѣ перенесенной имъ инфлюенцы, онъ очень внимательно производилъ ревизію церквей, входя во всѣ подробности церковной и приходской жизни. Во всѣхъ приходахъ православное населеніе, не смотря на рабочее время, въ громадномъ большинствѣ съ радостію спѣшило встрѣтить своего Архипастыря. Въ каждомъ селеніи, при входѣ Владыки въ церковную ограду, волостной старшина, или сельскій староста встрѣчалъ его съ хлѣбомъ и солью [1]), а церковный староста съ храмовой иконой. Приложившись къ иконѣ, принявъ хлѣбъ и соль отъ представителя прихода и выразивъ благодарность и свои по сему благожеланія, Владыка, въ сопровожденіи громадной массы своихъ духовныхъ чадъ, входилъ по пути, устланному коврами и усыпанному цвѣтами, въ церковь, гдѣ, послѣ обычной архіерейской встрѣчи, Архипастырь обязательно въ каждомъ приходѣ обращался съ словомъ назиданія къ предстоящимъ въ храмѣ. Въ каждой церкви Владыка поучалъ народъ въ продолженіи не менѣе часа времени, а нерѣдко и болѣе. Въ своихъ рѣчахъ Архипастырь касался всѣхъ сторонъ церковно-приходской жизни и особенно обстоятельно поучалъ народъ по поводу такъ называемаго обновленческаго движенія. Рѣчи Владыки вездѣ отличались не только обстоятельностію изложенія, но также простотою, задушевностію, удобопонятностію. Народъ съ особеннымъ вниманіемъ и любовью слушалъ своего Архипастыря, который, желая приблизиться къ пониманію народа, нерѣдко особыя мѣста въ своихъ рѣчахъ говорилъ по малорусски. Окончивъ свою рѣчь, Владыка обычно приглашалъ всѣхъ предстоящихъ въ храмѣ пропѣть какую

[1]) Тоже было и при проѣздѣ Владыки черезъ деревни.

либо молитву, чаще всего: „Подъ Твою милость“... Въ церкви с. Мѣлового Архипастырь предложилъ прихожанамъ помолиться о упокоеніи души усопшаго раба Божія Михаила (Агаркова, строителя этого великолѣпнаго храма), причемъ всѣ пропѣли съ колѣнопреклоненіемъ: „Со святыми упокой“... Картина Архипастыря, колѣнопреклоненно молящагося съ своей паствой, производила на всѣхъ неотразимое вліяніе. При видѣ этой картины, многіе плакали. По пропѣтіи общей молитвы, Архипастырь обычно вездѣ преподавалъ свое благословеніе отдѣльно каждому находившемуся во храмѣ, что было крайне утомительно для Владыки. Не смотря на изнуреніе отъ утомительнаго пути по сильно пыльной и неровной дорогѣ, долгое пребываніе въ церкви, переполненной народомъ, продолжительность рѣчи и благословеніе отдѣльно каждаго въ храмѣ, многозаботливый Владыка обычно изъ церкви отправлялся на ревизію приходскихъ школъ всѣхъ вѣдомствъ, коихъ въ каждомъ приходѣ имѣется отъ 2 до 4. Въ школахъ Владыка съ особою любовію и вниманіемъ производилъ испытаніе дѣтей по всѣмъ предметамъ, а особенно по Закону Божію. Всѣхъ школьниковъ Владыка награждалъ: мальчиковъ серебрянными крестами, а дѣвочекъ таковыми же образками Божіей Матери. Въ с. Грушевкѣ, кромѣ двухъ многолюдныхъ церковно-приходскихъ школъ (въ первой 105 душъ, а во второй 180 душъ учащихся) и мѣстнаго двухкласснаго училища, Владыка очень внимательно осматривалъ корзиночную фабрику, содержимую экономіей Его Высочества В. К. Михаила Николаевича. Только по осмотрѣ церкви и школъ, Архипастырь отправлялся на непродолжительный отдыхъ въ домъ настоятеля. Своимъ архипастырскимъ посѣщеніемъ Владыка обычно удостаивалъ и второго священника, гдѣ онъ есть, а также, если позволяло время, то посѣщалъ и дома низшихъ членовъ клира. Осмотръ церквей и школъ настолько былъ продолжителенъ, что Владыка въ день могъ осмотрѣть только двѣ церкви и рѣдко три. Въ послѣднемъ случаѣ

Владыка пріѣзжалъ въ селеніе уже поздно вечеромъ и ревизію производилъ при освѣщеніи огнемъ... Трогательно было видѣть и слышать архипастырскія бесѣды Владыки съ своими сотрудниками—священниками, которыя особенно продолжительно онъ велъ по вечерамъ въ домахъ мѣстныхъ священниковъ. Бесѣды эти были чужды всякаго оффиціальнаго характера. Это была простая задушевная бесѣда горячо любящаго отца съ своими дѣтьми“ [1])...

Въ Одессѣ преосв. Димитрію пришлось испытать и перенести много непріятностей и огорченій, подобныхъ тѣмъ какія онъ имѣлъ и въ другихъ мѣстахъ своего архипастырскаго служенія. Немало такихъ огорченій выпало на долю энергичнаго Архипастыря, какъ мы видѣли, въ первый годъ его служенія на одесской архіерейской каѳедрѣ (въ 1905 г.). Но особенно много волноваться пришлось ему въ 1908 году, когда нѣкоторая часть мѣстной печати позволила себѣ крайне непристойное и даже оскорбительное отношеніе къ личности и къ распоряженіямъ почившаго Архипастыря. Прискорбно было особенно то, что грязнымъ инсинуаціямъ подверглись даже такія, повидимому, совершенно чистыя и добрыя начинанія Архипастыря, какъ, напр., устройство уже извѣстнаго намъ Епархіальнаго Дома въ Одессѣ [2]). „Особенно тяжелы и огорчительны были для православнаго населенія“, по словамъ епархіальнаго органа, „тѣ недоразумѣнія, какія произошли изъ-за аѳонскихъ иконъ, присланныхъ проходимцемъ аѳонскимъ Д. предсѣдателю союза русскаго народа. Неблагопріятно сложившіяся обстоятельства не дали возможности, епархіальной власти пресѣчь эти недоразумѣнія въ самомъ началѣ. Они все разрастались, обсуждались въ тѣсныхъ семейныхъ кружкахъ и на большихъ публичныхъ собраніяхъ

---

[1]) См. тамъ же 19 7 г. № 20 отд. неоф, стр 561—564.

[2]) См. подробности тамъ же 1908 г. №№ 7, 12—13 ср. 1909 г. № 2 отд. неоф., стр. 35—40.

и даже перенесены были на страницы Одесскихъ и Петербургскихъ газетъ, возбуждая злорадныя чувства у враговъ церкви и гнетущую сердечную скорбь среди вѣрующихъ“ [1]).

Недоразумѣнія, возникшія по указанному сейчасъ поводу, вызвали со стороны архіеп. Димитрія слѣдующее нарочитое обращеніе къ пастырямъ Херсонской епархіи.

„Ко мнѣ“, писалъ почившій Архипастырь 18 октября 1908 года изъ Троице-Сергіевой Лавры въ Сергіевомъ Посадѣ, „нерѣдко обращаются съ прошеніемъ о разрѣшеніи торжественно, съ молебствіемъ, принять на пароходной пристани или на станціи желѣзной дороги икону, полученную съ Аѳона, и въ крестномъ ходѣ принести ее въ свою приходскую церковь. Иногда крестный ходъ предполагается совершить на очень значительномъ разстояніи. Былъ случай, что крестнымъ ходомъ предполагалось захватить и часть сосѣдней епархіи (Подольской).

Испрашивающіе разрѣшеніе доставить аѳонскую икону въ свою приходскую церковь въ крестномъ ходѣ объясняютъ такое свое желаніе благоговѣніемъ предъ святыней аѳонской. Но бываетъ и такъ, что добиваются разрѣшенія не по благочестію, а просто по корыстнымъ соображеніямъ. Въ моемъ архивѣ находится прошеніе о разрѣшеніи жителямъ одного села купленную ими у какого то, разъѣзжающаго по херсонскимъ базарамъ торговца (дѣйствительно или лже-аѳонца), аѳонскую икону пронести въ свою приходскую церковь крестнымъ ходомъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, далеко не прямымъ путемъ, черезъ нѣсколько деревень, селъ—и даже черезъ городъ: при этомъ выражалась просителями надежда, что въ поселеніяхъ, гдѣ будутъ останавливаться съ „святыней“ (а икона-то еще и освящена не была), будетъ собрано достаточно денегъ для уплаты торговцу долга за икону (около 80 рублей).

---

[1]) См. тамъ же 1909 г. № 2 отд неоф., стр 38

Предлагаю приходскимъ священникамъ, чтобы они, мудро охраняя великое значеніе глубокочтимыхъ православіемъ чудотворныхъ иконъ, дѣйствительныхъ величайшихъ святынь церковныхъ, разъясняли своимъ прихожанамъ, что иконы, изготовляемыя въ аонскихъ иконописныхъ мастерскихъ, не имѣютъ преимущества предъ иконами правильнаго церковнаго письма, написанными въ добрыхъ русскихъ иконописныхъ, напримѣръ, у насъ, въ Херсонской епархіи, въ замѣчательной иконописной Благовѣщенскаго женскаго монастыря, близъ Херсона; что иконы аонскія, если удостовѣрено, что онѣ дѣйствительно освящены по православному чину, имѣютъ для православнаго христіанина такое же значеніе, какъ и освященныя въ церкви иконы, вышедшія изъ русскихъ иконописныхъ.

За симъ,—во избѣжаніе на будущее время уже случавшихся недоразумѣній и огорченій,—объяснять, что пріятіе какъ аонскихъ, такъ и пріобрѣтаемыхъ въ другихъ мѣстахъ и жертвуемыхъ православными для украшенія своихъ церквей иконъ—съ торжественными крестными ходами и публичными богослужебными обрядами, не будетъ допускаемо, какъ неразрѣшенное закономъ.

Наконецъ, приходскимъ священникамъ слѣдуетъ съ убѣдительностію показывать и внушать прихожанамъ, что въ настоящее время единственная дѣйствительно величайшая святыня всего Херсонскаго Юга Россіи, свидѣтельствованная и общепрославляемая церковью,—а не кѣмъ-то самочинно объявляемая и самовольно, громкими зазываньями, на поклоненіе выставляемая,—есть святая чудотворная *Касперовская* икона Божіей Матери. Къ ней на поклоненіе пусть стекаются православные и предъ нею пусть изливаютъ свои горячія молитвы, „ко Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, яко къ нерушимой стѣнѣ и предстательству“ [1]).

---

[1]) См. тамъ же 1098 г, № 21 отд. ффф, 466—467.

Конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ, вызваннымъ благодаря непристойному и злонамѣренному вмѣшательству нѣкоторыхъ лицъ, былъ положенъ синодальнымъ указомъ (отъ 22 декабря 1908 г.), которымъ, по представленію архіеп. Димитрія, было поручено ему 1) сдѣлать распоряженіе о перевозкѣ присланныхъ Одесскому отдѣлу союза русскаго народа аѳонскимъ монахомъ Денасіемъ списковъ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери Владимірской и Казанской, выдаваемыхъ за особыя святыни, съ благоприличіемъ, подобающимъ освященнымъ иконамъ, изъ аудиторіи союза въ Одесскій каѳедральный Соборъ для помѣщенія въ немъ на храненіе, по усмотрѣнію епархіальнаго начальства, и 2) воспретить совершеніе въ общественномъ помѣщеніи названнаго отдѣла союза общественныхъ церковныхъ богослуженій безъ разрѣшенія его, архіепископа Димитрія" [1]).

Къ тому же самому тяжелому въ жизни архіепископа Димитрія году относится, между прочимъ, и слѣдующее распоряженіе его по вопросу о крещеніи иновѣрцевъ (евреевъ),—распоряженіе (безъ даты), ярко характеризующее и личность почившаго Архипастыря, и обстановку, въ которой ему приходилось трудиться. „Вопросъ объ оглашеніи (то есть наставленіи въ истинахъ вѣры и испытаніи—не знанія только истинъ вѣры, но и нравственнаго расположенія къ христіанству) въ настоящее время, при легкости возвращенія въ іудейство, выступаетъ съ особенною настоятельностію", писалъ преосв. Димитрій. „Въ послѣднее время это второй случай возвращенія новокрещеннаго въ іудейство.

Недавно являлся ко мнѣ молодой крестьянинъ русскій, женившійся на новокрещенной еврейкѣ, съ прошеніемъ (сдано въ Консисторію) разрѣшить ему жениться на русской, такъ какъ его жена, новокрещенная еврейка, потребовала, чтобы онъ принялъ іудейство и уѣхалъ съ нею въ Арген-

---

[1]) См. тамъ же 1909 г. № 2 отд. оффф., стр. 15—16.

тину; а когда онъ рѣшительно отказался отречься отъ Христа, бросила и возвратилась къ евреямъ. Еще раньше мнѣ разсказывалъ съ наивностью священникъ объ одной еврейкѣ, имѣвшей выйти замужъ за акцизнаго надсмотрщика, что онъ вынужденъ былъ дать этой еврейкѣ удостовѣреніе въ готовности ея къ крещенію, ради того, чтобы избавиться отъ ея назойливости: „ну, и почему не выдаете свидѣтельства, когда мнѣ нужно скоро ѣхать за границу, ну, и великое дѣло окунуться тамъ въ вашу мыкву“... Къ прискорбію, священникъ поздно, при случаѣ только, доложилъ мнѣ объ этомъ. Еврейка уже окунулась, по ея выраженію, въ христіанскую мыкву, и мнѣ осталось только сдѣлать строгое внушеніе священнику.—На дняхъ являлся ко мнѣ еврей съ такимъ прошеніемъ, что онъ на 99% уже русскій, что ему недостаетъ только одного %, чтобы стать совсѣмъ русскимъ. почему и просилъ помочь ему достигнуть этого одного процента, дать ему денегъ на пальто, на квартиру, на столъ, чтобы онъ могъ подумать, какъ получить этотъ одинъ недостающій процентъ, то есть христіанство. Очевидно, дѣло вѣры для него гешефтъ, въ которомъ онъ заранѣе хочетъ учесть свой процентъ.

Въ послѣднее время чуть не каждый день являются ко мнѣ евреи и еврейки съ прошеніями о крещеніи, и притомъ, сейчасъ, или скоро. Дѣло серьезное. Въ виду случаевъ возврата въ іудейство новокрещенныхъ, въ виду легкихъ, даже презрительныхъ отношеній къ „христіанской мыквѣ“, требуется внимательно обсудить вопросъ о евреяхъ-прозелитахъ христіанства въ настоящее свободовѣрное время.

Предлагаю Консисторіи предварительно обсудить общій вопросъ. Доселѣ дѣло это имѣло случайный характеръ: проситель называетъ какого либо священника, къ которому проситъ направить его для крещенія. И дальнѣйшее—дѣло усмотрѣнія священника: не выработана даже программа катихизаціи: что, въ какой мѣрѣ должно быть преподано еврею,

ищущему войти въ Церковь. Не вознагая этого очень важнаго дѣла, въ подробностяхъ, на Консисторію, я нахожу, что вопросъ, мною сейчасъ поставленный, долженъ быть переданъ въ миссіонерское Свято-Андреевское Братство, которое въ коммиссіи, имѣющей быть для сего немедленно составленной, обсудить его со всею обстоятельностію. Думаю, что вообще дѣло о крещеніи евреевъ въ Одессѣ должно всецѣло перейти въ кругъ дѣлъ миссіонерскаго Андреевскаго Братства, какъ въ Кіевѣ подготовленіе евреевъ къ крещенію и дальнѣйшее наблюденіе за новокрещенными есть дѣло Кіевскаго Свято-Владимірскаго Братства, а не отдѣльныхъ приходскихъ священниковъ, на которыхъ случайно указываютъ ищущіе крещенія. Требуется вниманіе.

Такъ какъ за крещеніемъ обращаются евреи и къ священникамъ внѣ Одессы, то, въ предостереженіе священникамъ, иногда спѣшно (какъ вышеупомянутый священникъ съ „мыквой“) удостовѣряющимъ готовность евреевъ къ крещенію, можно напечатать настоящую резолюцію въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ [1]).

Для характеристики отношеній почившаго Архипастыря къ духовно-учебнымъ заведеніямъ Херсонской епархіи можно здѣсь отмѣтить фактъ введенія, по иниціативѣ и при живомъ сочувствіи архіеп. Димитрія, въ учебный курсъ Одесской духовной семинаріи новаго предмета, а именно: дикціи, декламаціи и ораторскаго искусства (духовнаго и свѣтскаго) [2]).

Почившій Архипастырь въ Одессѣ, особенно въ началѣ своего служенія здѣсь, нерѣдко выступалъ съ живымъ проповѣднымъ словомъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ нами случаевъ, можемъ здѣсь указать еще на проповѣди архіеп. Димитрія, сказанныя имъ 1) 26 мая 1907 года, предъ панихидой

---

[1]) См тамъ же 1908 г. № 2 отд. офф., стр. 18—20.

[2]) См. тамъ же 1910 г. № 19 отд неофф., стр. 327—328.

въ 50-тую годовщину кончины преосв. Иннокентія Борисова архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ [1]) и 2) 26 сентября 1910 года предъ молебномъ по случаю открытія въ Одессѣ высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, въ актовомъ залѣ курсовъ [2]).

V.

Будучи архіепископомъ Одесскимъ, почившій Архипастырь принималъ самое живое участіе въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія, причемъ ему давались отвѣтственныя и серьезныя порученія.

Такъ, прежде всего, бо́льшую половину 1906-го года, т. е. второго года его служенія въ Одессѣ, преосв. Димитрій долженъ былъ проводить въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ участвовалъ въ занятіяхъ бывшаго тогда Предсоборнаго Присутствія. Высочайше учрежденное еще въ концѣ 1905 года, это Присутствіе было созвано въ мартѣ слѣдующаго года и съ 6—8 марта приступило къ своимъ трудамъ. Архіеп. Димитрію было поручено, опредѣленіемъ Св. Синода, предсѣдательство въ томъ первомъ отдѣлѣ Присутствія, который долженъ былъ разработать и рѣшить самый важный вопросъ, а именно вопросъ о составѣ Помѣстнаго Собора и о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ на немъ, причемъ въ самомъ началѣ занятій Предсоборнаго Присутствія къ числу вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію въ первомъ отдѣлѣ его, былъ присоединенъ и вопросъ о преобразованіи центральнаго церковнаго управленія [3]).

---

[1]) См. тамъ же 1907 г. № 12 отд. неофф., стр. 377—382. Самое церковно-молитвенное поминовеніе архіеп. Иннокентія Борисова 26 мая 1907 г. было устроено по иниціативѣ и по плану, составленному архіеп. Димитріемъ. См. объ этомъ тамъ же 1907 г № 9 отд. офф, стр. 137—138 ср. № 12 отд. неоф., стр. 382—395.

[2]) См. тамъ же 1910 г № 19 отд. неофф., стр. 331—332.

[3]) См. Журналы и Протоколы засѣданій Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія т. I Спб. 1906 г. стр. XI ср. стр. 2.

Съ вечера 14 марта начались памятныя засѣданія перваго отдѣла бывшаго Предсоборнаго Присутствія. Открывая первое засѣданіе отдѣла, почившій Архипастырь, какъ предсѣдатель, произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, обратилъ вниманіе на преобладающее количество мірскихъ членовъ въ составѣ отдѣла, чѣмъ,—говорилъ Владыка,—сами собою ослабляются громко выражавшіяся опасенія односторонняго, въ сословномъ интересѣ, обслѣдованія и освѣщенія въ Присутствіи лицами духовнаго сана вопросовъ, имѣющихъ получить рѣшеніе на соборѣ, причемъ о себѣ замѣтилъ, что и онъ почти тридцать лѣтъ прослужилъ церкви какъ мірянинъ и лишь послѣдніе 10 лѣтъ служитъ въ священномъ санѣ; что онъ сначала внимательно изучалъ мысль и жизнь Церкви, ея исторію, слагалъ свои научно-богословскія воззрѣнія, выяснялъ себѣ практическій строй Церкви, ея высокія нравственныя задачи и ихъ осуществленіе, какъ христіанинъ-богословъ-мірянинъ, а въ послѣдніе годы провѣрялъ для себя и кое въ чемъ выправлялъ свои общія церковно-богословскія воззрѣнія, какъ священнослужитель Церкви: что, такимъ образомъ, въ своемъ прошломъ онъ имѣетъ точки соприкосновенія съ богословами-мірянами, а въ настоящемъ онъ единомысленъ,—надѣется,—съ богословами-священнослужителями Церкви, сработниками въ дѣлѣ Христовомъ. Поэтому, онъ питаетъ надежду, что въ предстоящихъ разсужденіяхъ онъ убережется отъ узкой односторонности и сможетъ посодѣйствовать безпристрастному, научно-объективному выясненію богословскихъ вопросовъ въ собраніи, состоящемъ изъ членовъ духовныхъ и мірянъ [1]).

Главный трудъ и первая забота почившаго Архипастыря, какъ предсѣдателя важнѣйшаго изъ отдѣловъ бывшаго Предсоборнаго присутствія, заключались въ цѣлесообразномъ

---

[1]) См тамъ же стр 2.

направленіи разсужденій въ коллегіи, состоявшей изъ многихъ членовъ (до 25 человѣкъ при maximum'ѣ состава), которые были представителями разныхъ званій, профессій, ученo-богословскихъ спеціальностей и идейнаго настроенія. Разногласіе между членами отдѣла рѣзко сказывалось особенно въ началѣ совмѣстныхъ работъ, пока еще члены коллегіи не познакомились между собою. Предсѣдатель отдѣла старался объединять пренія членовъ троякимъ путемъ 1) поставленіемъ и точною формулировкою вопросовъ, которые должны были служить предметомъ обсужденія въ томъ или другомъ засѣданіи отдѣла; 2) краткими замѣчаніями, имѣвшими цѣлью предупрежденіе ненужныхъ отклоненій въ сторону и возвращеніе преній къ главному и существенному вопросу—предмету засѣданія, и 3) наконецъ, резюмированіемъ преній предъ окончательнымъ голосованіемъ по тому или другому вопросу.

Въ моменты исключительные, напр., при обсужденіи кардинальныхъ какихъ либо вопросовъ, почившій Архипастырь, какъ предсѣдатель отдѣла, выступалъ съ нарочитыми, болѣе или менѣе подробными и обстоятельными, рѣчами, въ которыхъ выражалъ свой личный взглядъ, или же приводилъ историческія справки по тому, либо по другому вопросу. Рѣчи эти заслуживаютъ вниманія, какъ основанныя, безспорно, на серьезномъ знаніи и глубокомъ пониманіи исторіи христіанской церкви. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей, именно наиболѣе выразительныя изъ нихъ въ смыслѣ характеристики личности почившаго Архипастыря и его дѣятельности, какъ предсѣдателя перваго отдѣла бывшаго Предсоборнаго Присутствія.

Такъ, уже въ первомъ собраніи отдѣла, бывшемъ 14 марта 1906 года, архіеп. Димитрій высказалъ свое убѣжденіе,—мысль о томъ, что разсужденія „о составѣ чрезвычайнаго собора должны опираться на нынѣ существующемъ синодально-епископскомъ строѣ, какъ строѣ каноническомъ, такъ какъ это—строй епископскій, а не пресвитеріанскій.

Гдѣ нѣтъ епископовъ, тамъ нѣтъ Церкви А русская Церковь строго хранитъ епископскій строй, имѣя во главѣ своей епископовъ, ведущихъ свое начало, въ канонической преемственности, отъ апостоловъ“ [1]).

Эту свою мысль о *каноничности существующаго въ Россіи церковнаго строя* (синодально-епископскаго), сразу поставленную имъ, какъ исходный пунктъ для всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій отдѣла, почившій Архипастырь особенно подробно развилъ и аргументировалъ нѣсколько позже, въ собраніи 19 апрѣля 1906 года, причемъ тогда же онъ изложилъ и свою схему преобразованія церковнаго строя. „Такъ какъ“, говорилъ въ этотъ день почившій Архипастырь, „нынѣ существующій строй управленія русской Церкви признанъ не противорѣчащимъ канонамъ, то, можетъ быть, въ принципѣ слѣдуетъ признать и то, что синодальное управленіе не только не противорѣчитъ канонамъ, напротивъ, имѣетъ основаніе въ древнихъ соборахъ, такъ какъ по существу Синодъ— то же, что Соборъ. Затѣмъ, I правиломъ Никейскаго Собора предписывается хранить древніе обычаи. Древними въ этомъ правилѣ называются обычаи, которые получили начало въ теченіе 100—150 лѣтъ до этого правила. Между тѣмъ наше синодальное управленіе получило начало около 200 лѣтъ тому назадъ, и потому мы въ правѣ называть его древнимъ не только обычаемъ, но и правиломъ. Въ настоящее время Святѣйшій Синодъ подвергается множеству нареканій, изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ, имѣютъ за себя основанія. Но если въ хорошемъ зданіи допущена недостройка, въ теченіе времени сдѣланы неудобныя пристройки, или перестройки, то не значитъ, что зданіе нужно разрушить, его слѣдуетъ только реставрировать и приладить къ вновь назрѣвшимъ потребностямъ, устранивши то, непригодность чего показалъ опытъ. До синодальнаго управленія у насъ было патріаршество. Оно сдѣлало русскую Церковь автокефальною. Синодъ же такъ былъ построенъ, что не имѣлъ

[1]) См. тамъ же стр 2

предсѣдателя. Такимъ образомъ, русская автокефальная Церковь сдѣлалась какъ бы акефальною. Вмѣсто головы былъ со стороны приставленъ къ тѣлу Церкви глазъ, око Государево. Оттого, что Синодъ былъ акефальнымъ, и произошло то, чего слѣдовало ожидать отъ безголоваго организма,—что въ антицерковной литературѣ называли летаргіей, параличемъ Церкви. Если мы поведемъ рѣчь, чтобы осталось синодальное управленіе на будущее время, тогда необходимо для надлежащей церковной жизни дать Синоду главу, предсѣдателя, и это одно уже было бы существенною реформою церковнаго управленія. Можно назвать предсѣдателя, если угодно, митрополитомъ, архіепископомъ, но лучше бы возстановить титулъ патріарха, такъ какъ это вполнѣ отвѣчало бы положенію русской Церкви и строю восточной Церкви. Но, безъ сомнѣнія, только учрежденіемъ законнаго предсѣдателя во главѣ Синода не будетъ достигнуто все то, что необходимо для блага русской Церкви. Церковь наша есть Церковь въ государствѣ, а не рядомъ съ государствомъ; она не господствуетъ надъ государствомъ, но и не раба государству. Она вноситъ здоровое одушевленіе, жизнь и крѣпость въ тѣло государства. Православное русское государство сильно силою православной всероссійской Церкви, части Церкви вселенской. Въ единой православной Церкви—залогъ единенія множества частей великой державы Россійской. Поэтому, русская Церковь и государство россійское должны быть между собою въ согласіи (симфоніи). Намъ предстоитъ установить надлежащія согласныя отношенія между Церковью и государствомъ, а для этого, можетъ быть, необходимо, чтобы предсѣдатель Синода имѣлъ непосредственное отношеніе къ главѣ государства. Вотъ это и будетъ самымъ существеннымъ моментомъ преобразованія церковнаго управленія. Какъ бы ни усилено было значеніе патріарха, это не имѣло бы значенія, если бы патріархъ былъ далекъ отъ Государя. Константинопольскій патріархъ Іеремія, когда

ему предложили занять каѳедру русскаго патріарха, отказался отъ такой чести въ виду того, что ему предложили жить не вблизи Государя—въ Москвѣ, а во Владимірѣ. „Что это за патріаршество“, весьма основательно замѣтилъ Іеремія, „что жить не при Государѣ“? Патріархъ силенъ, когда онъ имѣетъ возможность сноситься съ Царемъ безъ всякаго посредствующаго лица, будетъ ли это око Государево, или стряпчій, стряпающій дѣло церковное иногда неумѣло, а часто самовольно, вопреки канонамъ, подрывая авторитетъ Церкви Но этимъ не оканчивается преобразованіе высшаго церковнаго управленія. Необходимо еще установить *верховное* управленіе Церкви, *выше высшаго.* Подъ этимъ я разумѣю Всероссійскій церковный Соборъ. Синодъ съ патріархомъ—это постоянная власть, судная, административная и исполнительная. Другая власть—Всероссійскій Соборъ есть власть законодательная и потому непостоянная, такъ какъ законы издаются не каждый день. Мнѣ думается, что Соборъ долженъ собираться по мѣрѣ надобности. Можетъ онъ собираться каждые два года, можетъ быть чрезъ 5 и чрезъ 15 лѣтъ. Отъ этого церковная жизнь не пострадаетъ, потому что есть постоянный Синодъ съ патріархомъ во главѣ. Такова моя схема такъ называемаго центральнаго (выраженіе это неудачное и должно быть замѣнено другимъ) церковнаго управленія въ Россіи. Я исходилъ при этомъ, принявъ за основаніе епархіи, миновавъ церковные округа, которые нами устранены. Я предлагаю начать съ основанія и восходить къ вѣнцу“[1]).

Когда съ теченіемъ времени первый отдѣлъ бывшаго Предсоборнаго Присутствія перешелъ къ обсужденію вопроса о возстановленіи патріаршества въ русской Церкви и когда между членами коллегіи обнаружилось большое разногласіе по данному вопросу, то почившій Архипастырь, какъ предсѣдатель отдѣла, призналъ необходимымъ высказать свой

---

[1]) См. тамъ же стр. 125—129.

личный взглядъ на этотъ вопросъ, между прочимъ, и съ тою цѣлію, чтобы дать надлежащее направленіе послѣдующимъ разсужденіямъ. Приведемъ здѣсь интересную рѣчь почившаго Архипастыря, произнесенную имъ 17 мая 1906 года. „Мы не выяснили отношеній между патріархомъ и Синодомъ", говорилъ онъ. „Первая формула—патріархъ и, при немъ, Синодъ—не подлежитъ обсужденію. Другая формула—Синодъ съ предсѣдателемъ-патріархомъ во главѣ. Въ нашихъ разсужденіяхъ большое значеніе получила третья формула, отличная отъ первыхъ двухъ,—Синодъ и предсѣдатель Синода, первенствующій іерархъ русской церкви. Онъ не только предсѣдатель, но и первоіерархъ. Я думаю, что отъ принятія той или другой формулы и будетъ зависѣть дальнѣйшій ходъ нашихъ разсужденій. Обратимся къ исторіи. Возвращеніе русской церкви къ каноническому порядку, къ древней соборности, говорятъ нѣкоторые, составляетъ нашу задачу. Но я не нахожу этого правильнымъ. Нельзя сказать, что русская церковь нѣсколько столѣтій была не канонична и чѣмъ дальше, тѣмъ больше уклонялась отъ каноновъ. А теперь будто предстоитъ ей посредствомъ основныхъ преобразованій возвратиться къ каноническому порядку. Что касается учрежденія русскаго патріаршества въ концѣ XVI в., то оно не было неканоничнымъ личнымъ дѣломъ тогдашняго правителя. Я безусловно противъ той теоріи, что исторію дѣлаютъ выдающіяся личности, какъ бы ни было велико значеніе историческихъ личностей. Я стою на генетическомъ развитіи исторической жизни. Жизнь нашей церкви ко времени учрежденія патріаршества требовала, чтобы самостоятельность церкви, практически тогда уже бывшая, получила каноническое и юридическое выраженіе. Такое выраженіе она и получила въ патріаршествѣ. Патріаршество есть необходимое проявленіе жизни русской церкви конца XVI вѣка, а не случайное учрежденіе, возникшее не по церковнымъ требованіямъ. Русской церкви нужна была такая организа-

ція, въ которой бы воплощалась ея автокефальность. Къ сожалѣнію, патріархъ у насъ былъ поставленъ болѣе высоко, чѣмъ сколько нужно для церкви. Связь его съ тѣломъ церкви была почти разорвана. Практически онъ былъ въ блестящемъ уединеніи. Это уединеніе было вредно и для патріарха и для церкви. Епископы не имѣли добраго общенія съ патріархомъ. Патріархъ былъ высоко поднятъ надъ церковными сферами, такъ высоко, что ногами не упирался въ твердую почву церковную. Соборовъ при немъ почти не было, что вызвало упреки восточныхъ. Въ силѣ соборовъ епископовъ патріархъ не почерпалъ своей силы. Его окружали бояре, дьяки и подьячіе. Возвышаясь въ правахъ, онъ потерялъ силу церковную, окруженный только внѣшнимъ блескомъ и почетомъ. Когда патріархомъ былъ Филаретъ, то его отдаленіе отъ церковныхъ круговъ не было такъ замѣтно, хотя и возбуждало ропотъ. Патріархъ-отецъ, опираясь на власть сына-царя, могъ относиться къ церковной жизни и не съ особеннымъ вниманіемъ. Но когда пожелалъ стать на такую же высоту патріархъ Никонъ безъ поддержки церкви, на которую патріархи не опирались, произошло столкновеніе между церковною и гражданскою властію. Никонъ палъ жертвою боярской интриги Патріаршество Іоакима было только намекомъ на попытку патріарха осуществить свои права, и, можетъ быть, это была послѣдняя капля, вызвавшая у Петра I стремленіе покончить съ патріархомъ, который можетъ пытаться стать равнымъ царю по власти. Тогда, по закону противоположности въ теченіи исторіи, отъ одной крайности перешли въ другую. То была глава, хотя и воздымавшаяся надъ тѣломъ церкви, и только слабыми нитями съ нимъ связанная,—то—явилось безголовье. Безъ всякаго сомнѣнія, организмъ безъ головы не можетъ нормально дѣйствовать. Послѣ 200 лѣтъ такой акефаліи у насъ сознали теперь, что какъ голова безъ тѣснаго единенія съ организмомъ не можетъ успѣшно дѣйствовать, такъ и организмъ безъ головы.

не можетъ дѣйствовать правильно. Намъ предстоитъ теперь соединить, выражусь уподобительно, голову съ тѣломъ. Русская церковная жизнь пережила логическіе моменты, соотвѣтствующіе тезису и антитезису; теперь предстоитъ, по закону логики исторіи, синтезъ. Патріаршій періодъ—тезисъ, синодальный—антитезисъ. Синтезъ—это будетъ соединеніе единоличной власти съ соборною. Тогда не придется говорить—патріархъ и *при немъ* Синодъ, чѣмъ подрывалось бы соборное начало въ русской церкви, или Синодъ и *у него* только предсѣдатель, чѣмъ устранялись бы личныя права первоіерарха. Намъ нужно говорить такъ: Синодъ, предсѣдательствуемый патріархомъ, первоіерархомъ русской церкви. Мы такимъ образомъ объединимъ въ управленіи русской церкви основныя положенія канонической строя церковнаго, которыя осуществлялись въ исторической послѣдовательности жизни нашей церкви, одно за другимъ, въ извѣстной односторонности. Разъединеніе ихъ оказалось вредно: оно было слабостью церкви; соединеніе же будетъ полезно: оно станетъ силою церкви. И строй нашей церкви получитъ каноническую полноту. Поэтому, не обсудить ли сначала вопросъ объ отношеніи между Синодомъ и его предсѣдателемъ; а затѣмъ опредѣлить права предсѣдателя, какъ первоіерарха, особо? У насъ боятся первоіерарха, имѣющаго особыя высшія права. Говорили здѣсь, что патріаршество ведетъ къ папизму. Но изъ исторіи мы знаемъ, какъ образовалось папство. На Востокѣ сначала попытокъ къ іерархическому преобладанію не было. Но въ жизни церкви IV вѣка мы видимъ уже стремленіе къ іерархическому преобладанію. Такова борьба между Евсевіемъ Никомидійскимъ и Александромъ Александрійскимъ. Въ своемъ посланіи Александръ пишетъ: „а Евсевій, оставившій Беритъ и засмотрѣвшійся на Никомидію“, т. е. пожелавшій стать епископомъ столицы, „вообразилъ, что на немъ лежитъ вся тяжесть церкви“... Затѣмъ идетъ борьба Александрійскаго патріарха во время 2-го все-

ленскаго собора съ Константинопольскимъ патріархомъ, борьба Ѳеофила съ Златоустомъ, Несторія съ Кирилломъ, пока Константинопольскій патріархъ не получилъ преобладанія надъ восточными патріархатами. Но восточнымъ папою, рядомъ съ императоромъ, никогда онъ не сталъ. Что касается Римскаго епископа, то онъ поначалу не имѣлъ той іерархической силы, какую пріобрѣлъ съ теченіемъ времени, хотя будущее преобладаніе его чувствовалось рано. еще въ третьемъ вѣкѣ говорили, что Римскій императоръ готовъ скорѣе раздѣлить власть съ совмѣстникомъ—императоромъ, чѣмъ съ епископомъ Римскимъ. Его покушенія подчинить себѣ Галлію и Африку встрѣчали энергичный отпоръ. Возвышеніе его связано съ перенесеніемъ центра Римской имперіи на Востокъ. Западные римскіе императоры въ Римѣ не жили, и папа въ Римѣ оказался единственной христіанской властію; онъ усвоилъ себѣ и гражданскую силу. Постепенно папа перевелъ на себя авторитетъ древнихъ императоровъ. Когда строились новыя государства на Западѣ, то власть папы оказалась внѣ всякаго сомнѣнія. Папа могъ сказать ромейскому императору во время иконоборческихъ смутъ: развѣ ты не видишь, что всѣ народы Запада чтутъ папу, какъ бы земного бога? Папа не былъ бы властнымъ господиномъ церкви, если бы онъ не былъ и мірскимъ владыкою. Мірскимъ владыкою его сдѣлали германскіе властители Запада. Когда папа потерялъ свѣтскую власть, его значеніе среди католиковъ тотчасъ ослабѣло. У насъ такого положенія патріарха не было и быть не можетъ. Если бы у насъ какой-либо епископъ захотѣлъ превыспть собственно церковныя права и устремился къ преобладанію надъ государствомъ, то ему былъ бы данъ государственною властію такой же урокъ, какъ патріарху Никону. Папа въ Россіи невозможенъ.

При всемъ томъ необходимо дать первоіерарху права болѣе, чѣмъ только предсѣдателю Синода: иначе можно ослабить церковь. Намъ нужно зорко слѣдить за ходомъ событій.

въ настоящее время. Кораблю церкви нашей особенно теперь нуженъ рулевой не только опытный, но и имѣющій достаточныя права...

Предлагаю обсудить вопросъ епископъ, предсѣдательствующій въ Синодѣ, есть ли только предсѣдатель Синода, или же вмѣстѣ и первоіерархъ русской церкви, имѣющій не только первенство чести, но и извѣстныя права власти?

Вопросъ свой я ставлю подъ покровительство такъ часто поминаемаго здѣсь 34 правила апостольскаго, которое говоритъ, что епископы всякаго народа должны знать перваго изъ нихъ, яко главу, и ничего безъ его разсужденія не творить. Но и первый ничего не говоритъ безъ разсужденія всѣхъ. Наше высшее церковное управленіе должно быть преобразовано такъ, чтобы епископы нашего народа знали перваго, яко главу (это будетъ первоіерархъ россійской церкви), но и первый ничего бы не творилъ безъ разсужденія всѣхъ (предсѣдатель Синода, въ которомъ [въ Синодѣ] выражается представительство всего русскаго епископата)" [1].

Такъ какъ въ рѣчахъ членовъ перваго отдѣла бывшаго Предсоборнаго Присутствія, равно какъ и вообще въ литературѣ того времени часто затрагивался принципіальный вопросъ о церковныхъ канонахъ и, въ частности, о степени ихъ устойчивости и неизмѣнности, то почившій Архипастырь въ засѣданіи 17 апрѣля 1906 года, при обсужденіи въ отдѣлѣ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли въ русской церкви устанавливать особые церковно-административные округа, съ митрополитами во главѣ ихъ, выступилъ съ мотивированною рѣчью о необходимости различать въ древнихъ церковныхъ канонахъ основное и навсегда неизмѣнное отъ временнаго, вызваннаго измѣнчивыми условіями жизни, которое не должно управлять жизнію церкви при новыхъ условіяхъ и останавливать послѣдовательное, согласное съ духомъ каноновъ, развитіе этой

---

[1]) См. тамъ же стр 262—265.

жизни. „Если мы будемъ внимательно слѣдить за ходомъ жизни Церкви“, говорилъ почившій Архипастырь, „и присматриваться къ обстоятельствамъ, при которыхъ Церковь строила свои каноны, то для насъ станетъ очевиднымъ, что каноны не создали, не установили митрополичьи округа, а только признали и упрочили то, что создано условіями и ходомъ жизни Церкви. Вселенскіе соборы застаютъ мѣстные церковные округи съ „епископами митрополій“ во главѣ, уже существующими издревле. „Да сохранятся древніе обычаи“ (6 пр. Всел. Соб.). Древній обычай возводится въ церковный законъ, канонъ. Но не связываемъ ли мы себя въ нашихъ разсужденіяхъ древними канонами болѣе, чѣмъ сколько они сами требуютъ? Я полагаю, что каноны даны не для того, чтобы Церковь на всегдашнія времена рабски слѣдовала имъ во всѣхъ подробностяхъ церковнаго управленія. Многіе частные каноны вызывались временными внутренними и внѣшними условіями жизни Церкви. Есть между канонами такіе, которые мы нынѣ можемъ вслѣдъ за святымъ Григоріемъ Богословомъ назвать канонами мертвыми, т. е. переставшими управлять жизнію Церкви при новыхъ условіяхъ. Церковь вселенская православная не есть что-то такое, что застыло въ извѣстныхъ, пригодныхъ и даже необходимыхъ въ свое время формахъ, окостенѣло и дальнѣйшему развитію, съ примѣненіемъ къ общимъ условіямъ жизни человѣчества, не подлежитъ (а такой упрекъ бросаютъ съ инославнаго Запада въ православную восточную Церковь, мысль и жизнь которой будто остановились въ своемъ развитіи послѣ вселенскихъ соборовъ и Іоанна Дамаскина и замерли). Мы должны заботиться не о томъ, чтобы каноны, свыше тысячи лѣтъ тому назадъ подробно опредѣлившіе несущественныя стороны жизни Церкви въ тогдашнихъ внѣшнихъ условіяхъ, были выполнены буквально и теперь, а только о томъ, чтобы строй нашей Церкви *согласовался съ существомъ каноновъ и не противорѣчилъ имъ*. Иначе, мы должны были бы теперь

попытаться возвратить жизнь Церкви за много вѣковъ назадъ, переломать ея нынѣшній сложный строй, разорвать ея законныя связи бытія въ мірѣ. Тогда, по слову Апостола, намъ, Церкви, нужно было бы выйти изъ міра сего. Развѣ это требуется сущностію Церкви, ея высокими задачами и условіями бытія ея на землѣ? Неужели наша русская Церковь въ послѣдовательномъ историческомъ развитіи своей жизни, въ связи съ неизбѣжными внѣшними условіями, выработавшая для себя извѣстный строй, всѣ важнѣйшіе шаги свои дѣлала несогласно съ канонами? И можно ли, сопоставляя нынѣшній строй нашей Церкви съ древними канонами, произносить рѣшительный приговоръ: „Настоящій строй церковнаго управленія (русской Церкви) не можетъ быть признанъ каноническимъ“? Или ставить вопросъ сомнѣнія—полуотрицанія: „каноничны ли наши законы“ (т. е. законы русской Церкви)? Нельзя требовать, чтобы Церковь буквально слѣдовала всѣмъ канонамъ, не касающимся существа ея жизни, и связывала себя подробностями. Это не будетъ свободой Церкви, о которой нынѣ у насъ много говорятъ, а—рабствомъ, ведущимъ къ застою и мертвенности. Вотъ когда по истинѣ можно повторить: письмя убиваетъ, духъ же животворитъ.—Развѣ можно согласиться съ выраженною здѣсь, убивающей жизнь, сентенціей: „предъ требованіями каноновъ должны уступить условія, которыя могутъ мѣняться“? Церковь, одушевленная живымъ духомъ, всегда относилась и относится къ дѣлу совершенно иначе,—жизненно. Жизнь имѣетъ свои права. Что вызывалось условіями жизни прежде, то можетъ не отвѣчать важнымъ условіямъ жизни нынѣшней. И Церковь, вырабатывая свои законы и порядки въ историческомъ теченіи своей жизни, примѣнялась къ требованіямъ жизни, къ условіямъ внѣшней общественности, крѣпко храня одно: не противорѣчить канонамъ, быть въ согласіи съ ними, послѣдовать канонамъ, что вовсе не значитъ буквально ихъ повторять. Развѣ созидательная каноническая

жизнь Церкви для духовнаго благоустроенія жизни христіанства закончилась канонической работой древняго времени? Развѣ только Церковь періода вселенскихъ соборовъ руководима была Духомъ Божіимъ и въ своихъ правилахъ (канонахъ) изрекла все, что необходимо для жизни ея членовъ на будущее время, при всякихъ условіяхъ (или даже—не обращая вниманія ни на какія условія)? Развѣ Духъ Божій отлетѣлъ отъ Церкви послѣ вселенскихъ соборовъ, и она нынѣ лишена Его просвѣщающей и оживляющей силы? Неужели она, при нынѣшнихъ новыхъ все осложняющихся условіяхъ, должна искать буквальныхъ обязательныхъ указаній въ древнихъ канонахъ на то, чего во время ихъ составленія не было, и что за многіе вѣка впередъ не могло быть предусмотрѣно и Церковью канонически опредѣлено? Церковь наша крѣпко хранитъ древніе каноны и всегда обращается къ нимъ при разрѣшеніи вновь возникающихъ запросовъ церковнаго строя и жизни. Но если въ канонахъ нѣтъ отвѣта на эти новые вопросы, она не прибѣгаетъ въ смущеніи, какъ это у насъ случается съ желающими быть вѣрными буквѣ закона, къ ухищреннымъ толкованіямъ каноновъ и софистическимъ выводамъ изъ нихъ. Вѣрная духу древнихъ каноновъ церковныхъ, она даетъ свое каноническое рѣшеніе вопросовъ новыхъ. Епископство церковное, нынѣ по благодати преемствующее апостольству, можетъ съ полнымъ правомъ, хотя и не равняя себя съ апостолами, повторить слово Апостола: „Мню бо ся и азъ (какъ и древнее епископство) Духа Божія имѣти“.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я считаю нелишнимъ сказать: я не забываю, что въ строѣ Церкви есть многое такое, что составляетъ самую внутреннюю сущность ея правобытія; есть основные каноны, которые, опираясь на завѣтъ Христа и указанія Апостоловъ, устанавливаютъ и утверждаютъ эту сущность,—они не могутъ быть измѣнены при какихъ бы то ни было условіяхъ. Таковъ нынѣшній епископскій

строй Церкви, преемственно идущій отъ апостоловъ, первыхъ вождей Церкви. Таково іерархическое подчиненіе пресвитеровъ епископу. Они ничего не могутъ дѣлать безъ воли епископа. И попытка свободнаго переустроенія Церкви безъ воли епископа была бы подкопомъ подъ самое существо канонической строя Церкви Таково послушаніе, повиновеніе (повинуйтеся наставникамъ вашимъ) пасомыхъ своему „архипастырю“, какъ высшему духовному вождю (руководителю), внутреннѣйшее общеніе любви съ нимъ, какъ предстоятелемъ Церкви, совершителемъ и раздаятелемъ даровъ благодати Божіей“ [1]).

---

[1]) См тамъ же т I, стр. 98—100 —Къ тому же предмету почившій Архипастырь возвращался въ своихъ рѣчахъ и нѣсколько позже, 21 апрѣля 1906 г. „Если сравнивать“, говорилъ онъ, „правила Никейскаго, Константинопольскаго и Халкидонскаго соборовъ о главныхъ епископахъ, то эти правила не указываютъ того, какъ обязательно должно быть, а узаконяютъ то положеніе, какое въ то время существовало; 6-е правило 1 всел собора было вызвано нестроеніями въ Александрійской церкви. Ко времени второго вселенскаго собора Константинопольскій епископъ, возвысившійся въ столичнаго послѣ Никейскаго собора, началъ простирать власть на нѣкоторыя области и встрѣтилъ соперничество въ Александрійскомъ епископѣ. Послѣдній хотѣлъ подчинить себѣ даже Константинополь. На Константинопольскомъ соборѣ, соотвѣтственно тогдашнимъ условіямъ, послѣдовало и измѣненіе въ правилахъ Когда же Константинополь укрѣпился и подчинилъ себѣ Асію, что видно, напримѣръ, изъ дѣятельности Іоанна Златоуста, то правило опять нѣсколько иначе было формулировано на Халкидонскомъ соборѣ Если мы обратимъ вниманіе на это, то мы нѣсколько поколеблемъ то мнѣніе, которое здѣсь поддерживается, о всегдашней неизмѣняемости всѣхъ каноновъ. Каноны контролируютъ церковную жизнь и, если эта жизнь идетъ правильно, то каноны подтверждаютъ существующіе обычаи. Если неправильно,—то входятъ въ разсмотрѣніе неправильностей, отмѣняютъ ихъ и дѣлаютъ указанія на будущее время Если въ историческомъ теченіи жизни христіанской въ связи съ общимъ ходомъ жизни человѣчества снова происходятъ измѣненія, не противныя духу христіанства, Церковь опять регулируетъ эти измѣненія, внося соотвѣтствующія измѣненія въ свои каноны. Слѣдовательно, каноны не есть нѣчто неизмѣнное, какъ слово Божіе. Каноны могутъ измѣняться съ жизнію. Необходимо лишь наблюдать, чтобы строй церковной жизни не противорѣчилъ основнымъ канонамъ. Если же мы будемъ считать каноны чѣмъ то непреложнымъ и не считаться съ условіями жизни, тогда придется ломать жизнь подъ

Мы доселѣ разсматривали дѣятельность почившаго Архипастыря, какъ предсѣдателя перваго отдѣла бывшаго Предсоборнаго Присутствія. Но архіеп. Димитрій принималъ дѣятельное и живое участіе еще въ общихъ собраніяхъ всего Присутствія. Здѣсь онъ выступалъ иногда съ обширными рѣчами преимущественно для защиты тѣхъ рѣшеній, какія были приняты раньше въ первомъ отдѣлѣ Присутствія, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ Такъ было, напр., съ вопросомъ объ учрежденіи митрополичьихъ округовъ въ русской церкви, при проэктировавшемся тогда преобразованіи ея административнаго строя. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, въ первомъ отдѣлѣ бывшаго Предсоборнаго Присутствія былъ рѣшенъ отрицательно, къ чему склонился всецѣло и самъ предсѣдатель его. Но во второмъ отдѣлѣ того же Присутствія этотъ самый вопросъ еще раньше былъ рѣшенъ положительно, что̀ нѣкоторыми, впрочемъ, оспаривалось. Когда вопросъ этотъ былъ поставленъ на обсужденіе общаго собранія Присутствія, то здѣсь онъ 7 ноября 1906 года подавляющимъ большинствомъ (31 голосъ противъ 15) былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ [1]). Когда же въ слѣдующемъ общемъ собраніи Присутствія (9 ноября 1906 г.) перешли къ обсужденію вопроса объ устройствѣ предположенныхъ митрополичьихъ округовъ, правахъ митрополита и т. д, то почившій Архипастырь выступилъ съ мотивированною рѣчью, направлявшей-

---

древніе каноны, тѣмъ болѣе, что теперешняя жизнь далеко ушла отъ древней. Попытка подогнать эту жизнь подъ частные каноны оказалась бы безуспѣшной. Въ канонахъ твердо должно быть соблюдаемо существенное, основное, а подробности могутъ быть измѣняемы Церковью, примѣнительно къ обстоятельствамъ жизни. Иначе мы подверглись бы справедливому упреку, что Церковь со времени вселенскихъ соборовъ окаменѣла. Нужно только помнить, что не каждый можетъ измѣнять для себя каноны по своему усмотрѣнію. Это есть право надлежащей власти церковной, дѣйствующей съ особымъ разсужденіемъ. Церковь и нынѣ имѣетъ ту же власть, какъ и тогда, когда составлялись каноны“ См. тамъ же т. I. стр. 137.

[1]) См. тамъ же т. III Спб. 1907 г. стр. 26.

ся въ защиту постановленія, которое было принято первымъ отдѣломъ Присутствія. Изложивъ исторію обсужденія вопроса въ первомъ и второмъ отдѣлахъ Присутствія, архіеп. Димитрій затѣмъ такъ говорилъ: „Жизнь создала строй церковныхъ (митрополичьихъ) округовъ, но жизнь и уничтожила ихъ. Возстановлять то, что само собою уничтожилось въ ходѣ жизни, по меньшей мѣрѣ, безполезно. Разумѣется, если бы у насъ были архіереи по небольшимъ городамъ и селамъ, то такое множество мелкихъ паркійныхъ единицъ въ области потребовало бы посредствующіе между ними и высшею властью центры. Если бы мы, слѣдуя древнему каноническому строю, стали устроять митрополіи, то мы должны были бы создать, по меньшей мѣрѣ, столько же митрополій, сколько въ Россіи губерній. Это число почти равнялось бы числу митрополій Константинопольскаго патріархата ко времени основанія Церкви на Руси; всѣмъ извѣстно, какое мѣсто заняла митрополія Русская въ спискѣ митрополій Константинопольскаго патріархата. Могло бы быть такъ, что Херсонскую, напримѣръ, епархію пришлось бы раздѣлить, по меньшей мѣрѣ, на три митрополіи: въ Одессѣ, Херсонѣ, Елисаветградѣ. Въ Херсонской области есть много городовъ, кромѣ уѣздныхъ, и многолюдныхъ, какъ города, посадовъ и селъ, гдѣ можно бы поставить архіереевъ, могущихъ составить митрополитанскій соборъ; не было бы нужды поставлять даже „въ каждомъ приходѣ“ епископа (сколько тогда было бы епископовъ въ одной Одессѣ!), что одинъ изъ членовъ Присутствія признаетъ идеальнымъ строемъ Церкви, при которомъ епископская власть, несомнѣнно, уменьшится, за то усилится общеніе низшаго духовенства съ епископами (?). См. Журналы и протоколы засѣданій, т. I, стр. 108). Но время хорепископовъ, которыми „уменьшалась“, то есть унижалась власть епископовъ, прошло и, безъ сомнѣнія, не возвратится. Возстановите порядки III—IV вѣка, тогда можно будетъ говорить о митрополичьихъ округахъ. Проэктируетъ-

ся установить громадные по пространству и численности населенія церковные округа, въ 6—7 губерній каждый, съ центральнымъ управленіемъ и соборами. А надъ округами съ ихъ соборами—Синодъ, а надъ Синодомъ—Всероссійскій Соборъ. Желаютъ, чтобы окружные митрополичьи соборы составлялись разъ въ году, даже, по канонамъ, два раза въ годъ. Соборъ Всероссійскій желали бы видѣть въ два года разъ (согласились, впрочемъ, разъ въ десять лѣтъ). Но не слишкомъ ли ужъ много соборовъ? Думаютъ видѣть въ нихъ средство оживленія жизни, усиленія духовнаго взаимообщенія, скрѣпленія нравственнаго единенія церковнаго. Въ IV вѣкѣ соборы составлялись не только ежегодно, но и въ одно и то же время десятками въ разныхъ мѣстахъ; соборничанье дошло до крайнихъ границъ; язычники издѣвались надъ епископами, суетливо перебѣгавшими съ собора на соборъ, говоря: почтовая гоньба вся ушла на соборничающихъ епископовъ; военныя дороги запружены епископами. Но эти соборы вели только къ большему разномыслію и разъединенію. Обмѣну мыслей, установленію взаимообщенія могли бы служить скорѣе просто собранія (съѣзды) характера свободно-нравственнаго, не связанныя округами и судебно-административными отправленіями ихъ соборовъ.—Я долженъ еще замѣтить, что тотъ строй высшаго церковнаго управленія, проэктъ котораго выработанъ I отдѣломъ и принятъ въ общемъ собраніи Предсоборнаго Присутствія, опирается на строѣ епископскомъ: надъ епископами—постоянный соборъ-Синодъ, надъ Синодомъ высшая власть, повременный Соборъ Всероссійскій. Если мы установимъ теперь митрополичьи округа съ ихъ соборами, какъ вторую инстанцію, то высшей властью будетъ священный Синодъ, а Всероссійскіе Соборы, какъ высшая власть, проявляющая себя періодически въ опредѣленные сроки, окажутся излишними. Можетъ быть, они окажутся нужными въ промежуткѣ ста и болѣе лѣтъ, по мѣрѣ назрѣванія въ нашей Церкви общихъ церковныхъ вопро-

совъ исключительной важности. Въ цвѣтущую пору митрополій и ихъ соборовъ греческіе вселенскіе соборы составлялись не періодически, въ установленные сроки, а въ большіе или меньшіе промежутки, по мѣрѣ надобности исключительной. Поэтому-то, когда прошлымъ лѣтомъ въ Предсоборномъ Присутствіи шла рѣчь о высшемъ церковномъ управленіи, я раза два предлагалъ обсудить сначала вопросъ о митрополичьихъ округахъ: если округа признать, будетъ спроэктированъ одинъ строй церковнаго высшаго управленія, если нѣтъ, то—другой. Построенъ нами и принятъ Присутствіемъ проэктъ безъ округовъ. Теперь, если примемъ округа, мы принуждены будемъ вновь пересмотрѣть и передѣлать всю работу I-го отдѣла о высшемъ управленіи, уже принятую Присутствіемъ. Я, впрочемъ, утѣшаюсь: II отдѣлъ не могъ выработать ясныхъ основныхъ положеній объ округахъ, какъ судебно-административныхъ центрахъ; попытку осуществить округа, думаю, постигнетъ неудача, и положеніе объ этихъ судебно-административныхъ центрахъ останется мертвой буквой; это потому, что они противорѣчатъ и нашему строю и нашей жизни...

По древнимъ канонамъ, въ митрополіи должны собираться соборы, потому что въ митрополію, гражданскій центръ небольшого округа, сходятся всѣ люди. Это основаніе для установленія церковныхъ митрополій, митрополичьихъ округовъ у насъ непримѣнимо. У насъ всѣ люди собираются въ „губернію“; и епископъ губерніи (это равнозначно древнему „епископъ митрополіи“, какъ стоитъ въ подписяхъ на актахъ соборовъ) есть центръ церковныхъ дѣлъ области. Но на чемъ обосновать объединеніе дѣлъ нѣсколькихъ губерній-епископій въ губерніи-митрополіи, съ которою онѣ вообще не связаны? Напримѣръ, Кишиневъ съ Кіевомъ.

Я не буквалистъ. Я сужу только *примѣнительно* къ древнимъ канонамъ, къ древнему строю церковному. Когда въ Константинополѣ окончательно сложился центръ христіанска-

го государства, тамъ не только стали сходиться всѣ люди, но туда же стали направлять стопы свои и многіе епископы: одни для совѣщанія съ патріархомъ, другіе по дѣламъ своихъ церквей предъ властью государственной, а нѣкоторые—добиваясь и личныхъ благостынь при дворѣ. Собраніе у патріарха такихъ епископовъ, случайныхъ гостей Константинополя, и стало началомъ постояннаго собора Константинопольскаго—σύνοδος ἐνδημοῦσα, скоро получившаго въ церкви большой авторитетъ. Скоро сюда стали обращаться съ дѣлами, минуя свои соборы, или не дожидаясь рѣшенія на нихъ своего дѣла, такъ что власти вынуждены были издавать запрещенія епископамъ самовольно являться въ Константинополь Не лежитъ ли здѣсь, въ стремленіи къ центру, между прочимъ, подрывъ въ самыхъ основахъ и постепенное ослабленіе окружного строя и митрополитанскихъ соборовъ. У насъ церковное управленіе сосредоточивается въ Петербургѣ. Сюда стекаются епископы со всей Россіи, и иногда одновременно пребываетъ ихъ такъ много, что гостепріимная Александро-Невская Лавра не безъ затрудненій изыскиваетъ пріютъ для всѣхъ. Вотъ и готовый σύνοδος ἐνδημοῦσα. Будетъ ли этотъ неоффиціальный соборъ (съѣздъ) епископовъ укрѣплять власть митрополичьихъ соборовъ, и не будетъ ли производить на нихъ централизующее давленіе еще раньше, чѣмъ законнымъ ходомъ дѣло поступитъ въ постоянный соборъ—Священный Синодъ? Зачѣмъ намъ повторять отжившій опытъ церкви Греческо-Константинопольской? Наша Церковь имѣетъ свою внутреннюю силу жизни, силу благодати и богоустановленной власти, и мы имѣемъ право созидать строй своей жизни церковной, слѣдуя духу каноновъ Церкви, и не подавляясь буквою...

Хотятъ чрезъ окружные соборы добиться децентрализаціи и оживленія. Но достигнутъ бюрократическихъ осложненій и мертвящей жизнь путаницы, въ которой безъ адвоката и не разобраться. То мы постановили лѣтомъ три су-

щественныхъ инстанцій архіереи, Синодъ, впрѣдка Соборъ; теперь ихъ будетъ четыре: прибавляется, какъ заслона и тормазъ, митрополитъ съ своимъ соборомъ Клаузникамъ и сутягамъ будетъ предоставлена возможность безконечно тянуть дѣла" [1]).

Изъ другихъ вопросовъ, обсуждавшихся въ общихъ собраніяхъ Присутствія, Архіеп Димитрій болѣе всего интересовался, повидимому, вопросами церковно-приходскаго, или хозяйственнаго характера, при рѣшеніи которыхъ и выступалъ съ обширными и мотивированными—исторически и практически—рѣчами. Такъ, напр., въ общемъ собраніи Присутствія, бывшемъ 12 декабря 1906 года, при обсужденіи вопроса о приходѣ и, въ частности, о субъектѣ права церковной собственности, почившій Архипастырь произнесъ пространную рѣчь, направленную противъ всѣхъ вообще проэктовъ, имѣвшихъ въ виду возрожденіе нашего прихода. „Я внимательно слушалъ", говорилъ почившій Архипастырь, „что здѣсь говорилось, и укрѣпился въ прежнемъ своемъ заключеніи, что по всѣмъ вопросамъ наше собраніе довольно рѣзко дѣлится на консерваторовъ, вѣрныхъ послѣдовательному развитію жизни Церкви на незыблемыхъ древнихъ ея основахъ, и либераловъ, или даже радикаловъ, которые, увлекаясь общимъ современнымъ движеніемъ, пытаются преобразовать строй Церкви нашей,—не станемъ скрывать,—по началамъ конституціонно-демократической (к.-д.) свободы, мирнаго обновленія. Наши к.-д-ты говорятъ, что церковь неканонично обветшала—разстроилась и требуетъ обновленія. Приходъ мертвъ, и его нужно возродить. Но Церковь наша жива, приходъ существуетъ, хотя, конечно, съ свойственными всему, что входитъ въ область жизни человѣческой, несовершенствами. Я не понимаю, въ чемъ мертвенность нашего прихода, и какъ онъ будетъ возрожденъ. Я вижу, что его хотятъ не *возродить*, а *переродить*, измѣнить существо его по тенденціямъ демократическимъ, по „новымъ началамъ", Но

[1]) См. тамъ же т. III, стр 53—56.

возродители прихода, трудившіеся надъ своею задачей нѣсколько мѣсяцевъ, не дали намъ ничего такого, что свидѣтельствовало бы о доброй производительности ихъ работъ, о жизненности всего того, чѣмъ они хотятъ возродить и обновить приходъ. Съ сожалѣніемъ слѣдуетъ сказать, что въ своей работѣ они не пришли ни къ чему опредѣленному. Въ предшествующихъ разсужденіяхъ Присутствія даже не могли дать точное опредѣленіе, что такое приходъ; и, послѣ продолжительныхъ разсужденій, приходили было даже къ заключенію, что и не нужно никакого опредѣленія Я считаю это банкротствомъ тѣхъ, кто такъ долго возился съ вопросомъ о возрожденіи прихода Не будучи въ состояніи дать точное логическое опредѣленіе вещи, показали, что не понимаютъ самой ея сущности. А, не зная существа вещи, какъ разсуждать о ея преобразованіи? Вяло и безплодно тянулись наши разсужденія въ теченіе цѣлаго засѣданія. Меня очень соблазняло то, что, поставивши громко и широко вѣщающій вопросъ о возрожденіи прихода, въ разсужденіяхъ Присутствія совсѣмъ не давали мѣста религіозно-нравственной сторонѣ дѣла. Но сегодня для меня открылся секретъ. Когда рѣчь зашла о деньгахъ церковныхъ, сразу разсужденія оживились, даже проявилась страстность Вотъ гдѣ самый центральный нервъ возрожденія и обновленія прихода. Много здѣсь сказано рѣчей о различныхъ категоріяхъ церковно-приходскихъ суммъ, о распоряженіи ими. Все это меня не удовлетворяетъ, потому что утверждается не на церковной почвѣ. Я не хочу полемизировать. Я выскажу свои воззрѣнія на основаніяхъ общецерковныхъ. Прежде всего, я желаю выставить свой принципъ. Я не желаю разрушать, чтобы на пустомъ мѣстѣ новое созидать; не желаю преобразовывать въ корнѣ, потому что жизнь церковная имѣетъ свои историческія права и крѣпкія основы. Я свои сужденія основываю на нынѣшнемъ строѣ церковномъ. Полагаю, что не возрождать нужно, а только исправлять и усовершать, потому что

жизнь Церкви не идетъ безусловно неправильно,—не направляется къ одряхленію и смерти. Тѣ, кто хотятъ въ настоящее время перестроить государство, несознательно, можетъ быть, стремятся къ разоренію его. Въ такой же опасности находятся нынѣ и дѣла церковныя. За симъ, я признаю Церковь, вообще, россійскую юридическимъ лицомъ. Но не желаю распространяться объ этомъ сейчасъ, такъ какъ этотъ вопросъ входитъ собственно въ высшую область вопросовъ объ отношеніи между Церковью и государствомъ. Обращаясь отъ церковнаго цѣлаго къ малымъ единицамъ церковнымъ, я нахожу, что каждая приходская церковь,—будетъ ли это въ Петербургѣ, Гдовѣ или Лугѣ, или въ какомъ либо селѣ, —есть также юридическое лицо (или, какъ здѣсь часто повторялось, малая церковь), хотя она въ тоже время есть часть церкви епархіальной, какъ епархіальная—часть всероссійской, а всероссійская—часть Церкви вселенской.

Перехожу къ имуществамъ Движимое и недвижимое имущество приходской церкви, составившееся изъ пожертвованій на храмъ, на церковь, есть неотъемлемая собственность той церкви. И завѣдываетъ этимъ имуществомъ тотъ, кто вѣдаетъ церковь приходскую,—причтъ церковный, которому закономъ приданъ, какъ представитель состоящаго при церкви прихода, церковный староста и уполномоченные прихода. Попытки подорвать этотъ строй веденія хозяйства церковнаго я большого значенія не придаю. Говорятъ, что старосты церковные нерѣдко очень самостоятельно и даже самовольно распоряжаются суммами церковными, что деньги церковныя носятъ въ своемъ карманѣ; но вѣдь этого не должно быть,—всякій законъ можно нарушать и извращать. Указываютъ, что значеніе уполномоченныхъ приходскихъ въ веденіи хозяйства церковнаго ничтожно, что они—только мѣсячные контролеры и счетчики суммъ церковныхъ; но ихъ полномочія можно и расширить. Въ приходской церкви есть только церковное имущество; такъ называемый причтовый

капиталъ есть тоже капиталъ церковный, только съ назначеніемъ его доходовъ въ пользу причта. И вѣдаетъ все это имущество установленное управленіе приходской церкви, но не приходъ. Примѣръ. Недавно одной приходской церкви завѣщано 700 десятинъ земли. Доходъ отъ 550 десятинъ на благоустроеніе церкви, на расходы по совершенію богослуженія, на ремонтъ, на пѣвчихъ, на открытіе должности діакона и проч.; доходъ отъ 150 десятинъ въ пользу причта. Завѣдываніе такимъ громаднымъ имуществомъ завѣщательница поручила особо назначенному ею учрежденію, въ составъ котораго входятъ ея сынъ, исполнитель завѣщанія, и настоятель приходской церкви, какъ дѣлопроизводитель, но не *приходъ*, такъ какъ имущество завѣщано церкви, а не приходу Здѣсь предложенъ былъ проэктъ счета имущества приходской церкви, въ которомъ въ рубрикѣ денежныхъ капиталовъ вслѣдъ за суммами *церковными* идутъ *приходскія* суммы, съ общимъ завѣдываніемъ тѣми и другими суммами. Я не могу согласиться съ этимъ, потому что то и другое имущество принадлежитъ особымъ собственникамъ. Смѣшеніе въ общій счетъ этихъ суммъ было бы камнемъ преткновенія. Скажу прямо: я вижу въ этомъ лазейку для вторженія прихода въ распоряженіе имуществомъ церкви. Церковь, какъ юридическое лицо, имѣетъ свою собственность, приходъ—свою. И приходскою собственностію нынѣ завѣдуетъ *Приходское Попечительство*. Къ сожалѣнію, приходскія попечительства у насъ крайне дурно поставлены. Положеніе о приходскихъ попечительствахъ, составленное еще въ 1864 году, ни разу не было исправлено по указаніямъ опыта. Это „Положеніе“ ставитъ попечительство въ неопредѣленно-независимое положеніе по отношенію къ епархіальной власти, такъ что, будучи учреждено при церкви, съ разрѣшенія архіерея, оно затѣмъ самоуправляется и только доводитъ о себѣ до свѣдѣнія архіерея. Такой недостатокъ точности и опредѣленности въ Положеніи о попечительствахъ приводитъ эти послѣднія къ

превышенію своихъ правъ и даже толкаетъ ихъ на борьбу съ властію епархіальною, что я знаю по собственному опыту. Укажу хоть одинъ примѣръ, недавно бывшій, какъ одинъ предсѣдатель попечительства, присвоившій себѣ посредствомъ распространеннаго толкованія общихъ статей закона широкія права, на которыя не уполномочивало Положеніе о попечительствахъ, предъявилъ мнѣ непомѣрныя требованія, объясняя при этомъ, что онъ, какъ избранникъ прихода, никакой власти не подвѣдомъ, что онъ отвѣчаетъ только предъ приходомъ, его избравшимъ. И дѣло со всѣми своими юридическими толкованіями доводилъ даже до Святѣйшаго Синода. Были у меня и еще подобные этому два случая. Да и вообще попечительства стали недвусмысленно покушаться на вторженіе въ имущественныя дѣла церкви. Хотя такое покушеніе попечительствъ на распоряженіе суммами церковными рѣшительно осуждено Святѣйшимъ Синодомъ (указъ 12 октября 1868 г.), но въ сознаніи многихъ такое преувеличеніе правъ попечительствъ такъ укоренилось, что незамѣтно измѣнили самое названіе попечительствъ: *приходскія* попечительства *при церквахъ* (Высочайше утвержденныя) превратили въ *церковно*-приходскія попечительства. А предсѣдателя попечительства изъ *попечителя* прихода (пар. 3) превратили въ *попечителя* церкви. Понятно, какія права могли присвоять себѣ предсѣдатели попечительствъ, пользуясь этой фикціей: попечитель церкви. Къ сожалѣнію, не въ обыденномъ только просторѣчіи приходскія попечительства превратились въ церковно-приходскія. Названіе это вошло въ оффиціальное употребленіе, и я съ трудомъ борюсь съ нимъ въ своихъ мѣстныхъ оффиціальныхъ сферахъ. Даже въ оффиціальныхъ документахъ Святѣйшаго Синода употребляется *церковно*-приходское попечительство. Такъ стоитъ даже въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 18 ноября 1905 года, по вопросу объ устроеніи церковно-приходской жизни. Требуется, несомнѣнно, переработать крайне недостаточное Положеніе о попечительствахъ, о чемъ давно уже (лѣтъ 15) возбужденъ былъ въ Святѣй-

шемъ Синодѣ вопросъ. Нужно поставить приходскія попечительства, какъ юридическія единицы, не тождественныя съ приходскими церквами, въ надлежащее отношеніе къ епархіальной власти, установить ихъ права, какъ представительства прихода—юридической единицы, указать границы ихъ отношеній къ приходской церкви, тоже юридической единицѣ, чтобы отъ смѣшенія правъ не происходило замѣшательства въ жизни церковной. Тогда церковно-приходская жизнь возбудится и процвѣтетъ. Приходъ въ лицѣ попечительства направитъ свою дѣятельность на осуществленіе благотворительныхъ и просвѣтительныхъ задачъ, которыя указываются ему и нынѣшнимъ Положеніемъ о попечительствахъ, но онъ будетъ дѣлать это не на счетъ ящика церковнаго, не на счетъ тѣхъ копѣекъ, которыя поступаютъ въ кружку церковную отъ благочестивыхъ жертвователей, а на средства, собирасмыя самимъ попечительствомъ. Попечительство будетъ имѣть значеніе приходскаго вспомогательнаго при церкви учрежденія, которое, не касаясь неподвѣдомыхъ ему суммъ церковныхъ, и ведя особый счетъ своимъ суммамъ, внесетъ существенное оживленіе въ дѣло религіозно-общественнаго благотворенія и просвѣщенія подъ руководствомъ и воздѣйствіемъ церкви.

Къ сожалѣнію, недочеты въ строѣ и практикѣ попечительствъ у насъ понимаютъ, какъ коренную ихъ несостоятельность. И какъ всегда это у насъ дѣлается, вмѣсто того, чтобы обсудить недостатки учрежденія, все таки уже привившагося, выправить эти недостатки, и учрежденіе усовершить, уже осудили попечительство на уничтоженіе и задумали созданіе новаго учрежденія. Домъ, въ которомъ не все чисто и удобно, мы сжигаемъ, вмѣсто того, чтобы его переустроить и очистить. *Приходскія* попечительства слабо функціонируютъ. Мы ставимъ на ихъ мѣсто *церковно*-приходскіе совѣты, которымъ хотимъ отдать въ руки то, отъ чего власть церковная разумно удерживала попечительства.

О церковно-приходскихъ совѣтахъ, которые совершенно неожиданно выдвинуты были 18 ноября 1905 года (Ц. В. 1905 г. № 48), какъ дѣйствительнѣйшая мѣра „къ обновленію приходской жизни“, я долженъ сказать прямо: я считаю эти совѣты финляндскимъ недоноскомъ. Весьма многіе, отвѣтственные за добрый ходъ нашей церковно-приходской жизни, были не мало удивлены и затруднены появленіемъ оффиціальнаго акта объ установленіи приходскихъ совѣтовъ, скороспѣлаго, спѣшнаго, изготовленнаго явно подъ торопливымъ давленіемъ кого-то, вѣроятно, хорошо знающаго финляндскіе приходскіе порядки, но недостаточно знакомаго съ духомъ и строемъ православно-русскаго прихода. Мы—вѣдь тогда вообще очень спѣшили съ преобразованіемъ Церкви. Много говорить объ этой спѣшности и недодѣланности учрежденія церковно-приходскихъ совѣтовъ, долженствовавшихъ будто обновить нашу церковно-приходскую жизнь, я не стану. Достаточно обратить вниманіе на 5 и 6 пункты опредѣленія 18 ноября. Устанавливаются оффиціальныя общія церковно-приходскія собранія и постоянно дѣйствующіе церковно-приходскіе совѣты, а между тѣмъ не дается имъ ничего руководящаго, въ видѣ хоть какого нибудь общаго Устава или Положенія; въ подробностяхъ устроенія новыхъ формъ церковно-приходской жизни все предоставляется *„свободному почину“* (!) самихъ собраній, согласно общимъ указаніямъ и съ одобренія епархіальной власти, которой непосредственно или чрезъ благочинныхъ надлежитъ разъяснять всѣ недоумѣнія, могущія возникнуть при осуществленіи сего дѣла. Выходитъ, что общія церковно-приходскія собранія съ ихъ церковно-приходскими совѣтами въ великомъ дѣлѣ „благоустроенія приходовъ“, „обновленія приходовъ на *новыхъ* (?) *началахъ*“, предоставлены самимъ себѣ. Имъ предоставлено *самообновляться.* Они могутъ составлять Уставы для своей дѣятельности и только представлять ихъ на усмотрѣніе и одобреніе своего епископа. Въ каждомъ приходѣ могутъ приходскія

собранія установить свой порядокъ приходской жизни, выработать для своего церковно-приходскаго совѣта свой Уставъ въ подробностяхъ разнящійся отъ уставовъ другихъ приходовъ. И мнѣ, дѣйствительно, представлены были, на основаніи опредѣленія 18 ноября, нѣсколькими священниками, любителями „обновленій“, проэкты Положенія о церковно-приходскихъ совѣтахъ,—проэкты, весьма различающіеся другъ отъ друга во многомъ немаловажномъ, и сходные между собою въ одномъ—въ непригодности для дѣла. Грозила опасность: сколько приходовъ, столько уставовъ. Думаю, что послѣдствіемъ такого „свободнаго почина“ было бы не обновленіе, а разъединеніе, разложеніе и та самая смута, противъ которой мѣра была направлена. Я всѣ представленные мнѣ проэкты отвергъ, и въ немаломъ былъ затрудненіи: что же дальше? Свой проэктъ я не могъ представить; мнѣ могли напомнить о свободномъ починѣ... Полагаю, что въ такомъ же затрудненіи и раздумьѣ были и другіе епископы, видѣвшіе несвоевременность, невыработанность и спѣшность мѣропріятія „чрезвычайной важности не только для Церкви, но и для государства“. Но нетерпѣливость и спѣшность, задумавшая обновить русскую Церковь церковно-приходскими совѣтами финскими, не затруднялась: менѣе чѣмъ чрезъ три недѣли послѣ 18 ноября (именно 7 декабря) епископамъ уже посланъ былъ запросъ, какія распоряженія ими сдѣланы „въ цѣляхъ наилучшаго осуществленія означеннаго мѣропріятія“, и даже о *результатахъ* такихъ распоряженій; а вмѣстѣ съ тѣмъ они увѣдомлялись, что для содѣйствія епархіальнымъ властямъ и приходскому духовенству въ дѣлѣ „обновленія приходской жизни“ приглашены лица различныхъ круговъ, отъ губернаторовъ и предводителей дворянства до земскихъ даже дѣятелей и „иныхъ лицъ“ включительно. Съ большимъ недоумѣніемъ и соблазномъ принято было это сообщеніе о приглашеніи различныхъ начальствующихъ мірянъ „содѣйствовать начинаніямъ духовенства въ великомъ дѣлѣ благоустрое-

нія приходовъ". Но съ еще большимъ недоумѣніемъ встрѣчено было это приглашеніе и самими приглашенными, изъ коихъ для однихъ обновленіе церковное было дѣломъ совсѣмъ постороннимъ, къ которому они относились равнодушно, а другіе, притомъ весьма многіе, явно враждебные всему церковному, скорѣе готовы были оказать противодѣйствіе и задержку устроенію жизни народной на началахъ церковныхъ. И мнѣ вовсе не случалось слышать объ „активномъ участіи" и „содѣйствіи этихъ лицъ начинаніямъ духовенства въ семъ важномъ дѣлѣ". Ясно: попытку обновить приходскую жизнь „свободнымъ починомъ" приходскихъ собраній чрезъ церковно-приходскіе совѣты, при содѣйствіи разныхъ мірскихъ инстанцій, постигла полная неудача.

Теперь IV отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія, возбуждаемый съ особенною настойчивостію нѣкоторыми своими членами, взялся провести въ жизнь ту же „идею обновленія прихода на *новыхъ* (?) *началахъ*", чуждыхъ существу нашей православной Церкви, принесенныхъ къ намъ если не изъза моря, то, по крайней мѣрѣ, изъ-за Невы. Въ чемъ центръ этого обновленія прихода *на новыхъ началахъ*? Пренія, можетъ быть, мимо желанія обновителей, преждевременно показали, что сущность дѣла—въ передачѣ въ распоряженіе прихода, въ лицѣ приходскаго совѣта, церковнаго хозяйства, особенно денежнаго имущества церкви, о размѣрахъ котораго ходятъ среди мірянъ баснословныя росказни. Около этого пункта сосредоточились въ общихъ собраніяхъ Предсоборнаго Присутствія всѣ наши оживленныя разсужденія объ „обновленіи прихода". Попытки мірянъ вторгнуться въ распоряженіе дѣлами церковными для насъ не новость. Сколько къ каждому архіерею поступаетъ сельскихъ мірскихъ приговоровъ въ такомъ родѣ: „мы, такіе то, бывъ созваны нашимъ сельскимъ старостою на сельскій сходъ, поговорили между собою о нашихъ дѣлахъ, и *между прочимъ* (между прочимъ!) поговорили и о нашемъ священникѣ, котораго за то

и то просимъ взять отъ насъ, а намъ дать извѣстнаго такого-то; *при семъ* поговорили и о церковныхъ деньгахъ, правильно ли они расходуются, да и цѣлы ли они и т. д.". (Недавно на одномъ сельскомъ сходѣ „между прочимъ" обсуждали вопросъ о собранныхъ на постройку церкви 15000 рублей, которые, по заявленію земскаго начальника сельскому сходу, растрачены священникомъ и старостою, а на самомъ дѣлѣ лежали на книжкѣ въ казначействѣ) Такіе приговоры являются въ волости, заносятся въ книги волостныхъ приговоровъ, представляются на усмотрѣніе земскихъ начальниковъ, и затѣмъ, на основаніи этихъ незаконныхъ документовъ, подаются уполномоченными незаконныя прошенія епископу II только циркуляръ министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 21 марта 1887 года № 7, рѣшительно объявляющій, что сельскія общества не имѣютъ ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ церковно-приходскія дѣла, что приговоры мірскіе по такимъ дѣламъ, хотя бы и утвержденные высшею сельскою властію, *ничтожны*,—далъ нѣкоторую возможность отражать самовольный мірской натискъ на церковь. (Впрочемъ, земскіе начальники не очень обращаютъ вниманіе на этотъ циркуляръ и теперь). Учрежденіемъ приходскихъ попечительствъ, какъ представительства прихода, должно было бы быть устранено вмѣшательство сельскаго схода съ его приговорами. Къ сожалѣнію, приходскія попечительства, по признанію самой церковной власти, неудачно были поставлены требующимъ нынѣ преобразованія Положеніемъ о попечительствахъ. Въ сельскихъ приходахъ трудно и теперь разъяснить, не простымъ сельчанамъ только, различіе между приходскимъ собраніемъ (приходомъ) и его отношеніемъ къ приходской церкви съ одной стороны, и сельскимъ обществомъ (міромъ), въ составъ котораго входятъ и неимѣющіе къ церкви отношенія иновѣрцы,—съ другой. Затѣмъ, приходскія попечительства попытались стать церковно-приходскими и отъ лица прихода начали вмѣшиваться въ дѣла собственно церковныя,

распоряжаться хозяйствомъ церковнымъ, денежными суммами церкви. И хотя дополнительными разъясненіями попыткамъ превышенія своихъ правъ попечительствами положена граница, но недоумѣнія, вредно вліяющія на дѣятельность попечительствъ, какъ учрежденій только вспомогательныхъ при церквахъ приходскихъ, пока не устранены. Теперь, вмѣсто преобразованія попечительствъ, по указаніямъ 40-лѣтняго опыта, хотятъ замѣнить ихъ церковно-приходскими совѣтами. И чрезъ эти совѣты пытаются законнымъ порядкомъ отдать въ распоряженіе мірянъ всѣ дѣла приходскихъ церквей, въ которыя покушались самовольно, но доселѣ безуспѣшно, вторгнуться сельскіе сходы и приходскія попечительства, присвоившія себѣ наименованіе церковно-приходскихъ. Не думаю я, чтобы такое „обновленіе“ привело къ дѣйствительному духовному, церковному обновленію прихода. Добра отъ этого обновленія я не вижу. А зла отъ могущаго быть вторженія въ дѣла церковныя людей, которыхъ, можетъ быть, менѣе всего заботитъ вѣра, благочестіе, Церковь,—будетъ не мало. Сводя все вышесказанное, я выражаю свое окончательное сужденіе: учрежденіе церковно-приходскихъ совѣтовъ съ проэктированными для нихъ правами по отношенію къ завѣдыванію церковнымъ имуществомъ должно быть отклонено. Попечительство, какъ представитель прихода, юридическаго лица, вѣдаетъ дѣло приходское, дѣйствуетъ, какъ вспомогательное при церкви приходское учрежденіе, мѣра правъ котораго, границы дѣятельности и отношеніе къ дѣламъ церковнымъ должны быть точно опредѣлены Положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ. Дѣла собственно церковныя вѣдаетъ причтъ со старостою церковнымъ и уполномоченными прихода. А высшая надзирающая власть—епископъ, довѣріе къ пастырскому авторитету котораго нынѣ такъ усиливаются поколебать. При добромъ распредѣленіи правъ и обязанностей, все пойдетъ хорошо. Недоразумѣнія между причтомъ и прихожанами будутъ, конечно, возникать, но это

нужно будетъ относить большею частью на счетъ не системы, а лицъ“ [1]).

Въ слѣдующемъ затѣмъ общемъ собраніи Присутствія, бывшемъ 15 декабря 1906 года, почившій Архипастырь еще нѣсколько разъ выступалъ съ рѣшительными возраженіями противъ обсуждавшагося тогда проэкта преобразованія приходской общины, причемъ въ заключеніе высказалъ и свой личный взглядъ по вопросу о средствахъ дѣйствительнаго обновленія нашего прихода. „Нашъ приходъ и теперь живъ“, говорилъ онъ, „онъ не разлагался, какъ это преувеличенно полагаютъ люди, хлопочущіе о его „возрожденіи“. Нужно только внимательно изучить и надлежаще понять его настоящую жизнь; нужно охранить все то доброе и живое, что онъ выработалъ въ своей жизни и имѣетъ въ себѣ; нужно устранить изъ него то, что приразилось къ нему въ теченіе его жизни; нужно „обновить“ его *изъ себя самого*, его собственною, никогда не разлагавшеюся внутреннею силою, не внося въ него иноземнаго, ему чуждаго, не полагая въ основу обновленія его никакихъ *„новыхъ началъ“*. Тогда это будетъ обновленіе истинное, вполнѣ отвѣчающее древнѣйшимъ завѣтамъ Христовой Церкви, которая крѣпко хранитъ обычаи добрые, отметаетъ противное принятому ею отъ отцовъ и, послѣдуя отцамъ, въ канонахъ даетъ исправляющія и направляющія указанія для отвѣчающаго духу Христову доброплоднаго теченія дальнѣйшей жизни“ [2]).

Такимъ образомъ, большую половину 1906 года почившій Архипастырь провелъ въ С.-Петербургѣ, въ самой напряженной работѣ по должности члена бывшаго Предсоборнаго Присутствія.

Въ то же время архіеп. Димитрій состоялъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Избранный въ это званіе 22 апрѣля 1906 года отъ лица монашествующаго духовенства, онъ

[1]) См. тамъ же т. III стр. 331—340.
[2]) См. тамъ же т. III стр. 344—345.

однако же не призналъ удобнымъ и возможнымъ для себя, какъ епархіальнаго архіерея, оставаться въ немъ долго и 9 декабря того же года добровольно сложилъ съ себя это званіе.

Слѣдующій—1907-й годъ почившій Архипастырь имѣлъ возможность провести весь въ Одессѣ, гдѣ онъ, какъ мы видѣли, энергично занимался, не смотря на перенесенную имъ тогда же болѣзнь, устройствомъ неотложныхъ епархіальныхъ дѣлъ и подготовленіемъ всего необходимаго для тѣхъ учрежденій, которыя были устроены имъ впослѣдствіи [1]).

VI.

Въ 1908 году архіеп. Димитрій, съ Высочайшаго соизволенія, былъ призванъ къ исполненію особеннаго порученія, возложеннаго на него Св Синодомъ. Ему было поручено произвести ревизію трехъ духовныхъ академій: Петербургской, Московской и Казанской. Послѣднюю изъ сейчасъ названныхъ академій архіеп. Димитрій, впрочемъ, не могъ ревизовать, по причинѣ слабости здоровья. Петербургскую духовную академію почившій Архипастырь ревизовалъ весною 1908 года, а Московскую — осенью того-же года.

Въ слѣдующемъ—1909 году почившему Архипастырю пришлось серьезно и много потрудиться въ учрежденной при Св. Синодѣ Коммиссіи для выработки проэкта новаго устава духовныхъ Академій, въ качествѣ предсѣдателя сей Коммиссіи. Коммиссія эта работала въ два пріема: 1) съ марта до іюня и 2) съ 1 сентября до конца ноября 1909 года. Главный трудъ архіеп. Димитрія, какъ предсѣдателя Коммиссіи, хотя сравнительно немногочисленной, но состоявшей изъ членовъ, которые были не вполнѣ согласны между собою въ воззрѣніяхъ по вопросамъ, касающимся духовныхъ Академій, заключался въ томъ, чтобы руководить преніями членовъ и направлять ихъ, по возможности, къ согласному, положительному рѣшенію обсуждавшихся вопросовъ.

---

[1]) См. выше стр. 133—168.

И въ этой Коммиссіи, какъ и въ бывшемъ Предсоборномъ Присутствіи, почившій Архипастырь по временамъ выступалъ съ краткими мнѣніями, или же иногда съ обширными рѣчами по разнымъ вопросамъ академической жизни. Въ этихъ своихъ мнѣніяхъ и рѣчахъ архіеп. Димитрій основывался преимущественно на томъ богатомъ опытѣ, какой онъ имѣлъ возможность пріобрѣсти во время продолжительнаго служенія въ одной изъ духовныхъ Академій (Кіевской), или управленія другою (Казанскою), или, наконецъ, во время ревизіи двухъ остальныхъ Академій (С.-Петербургской и Московской).

Съ этой стороны мнѣнія и рѣчи почившаго Архипастыря, какъ предсѣдателя академической Коммиссіи 1909 года, представляютъ особый интересъ. Таковы, напр, его отзывы объ академическомъ уставѣ 1884 года [1]), о порядкѣ дѣйствій, какой можетъ быть примѣняемъ архіереями въ случаяхъ замѣченнаго нерадѣнія должностныхъ лицъ въ Академіи [2]), о ректорѣ Академіи въ санѣ епископа, съ точки зрѣнія автономныхъ стремленій въ Академіяхъ [3]), о предоставленіи права Академіямъ избирать ректора [4]) и инспектора [5]), о взаимныхъ отношеніяхъ между ректоромъ и инспекторомъ Академіи [6]), о пользѣ изученія студентами Академіи библейской исторіи совмѣстно съ древней гражданской исторіей [7]), о томъ, въ какой наукѣ академическаго курса слѣдуетъ излагать полный образъ земной жизни и дѣятельности Господа Іисуса Христа [8]), о необходимости преподаванія въ Академіи исторіи иностран-

---

[1]) См Журналы учрежденной при Святѣйшемъ Синодѣ Коммиссіи для выработки проэкта новаго устава духовныхъ Академій, стр. 3—5.

[2]) См. тамъ же, стр. 23.

[3]) См. тамъ же, стр. 32—33.

[4]) См. тамъ же, стр 34—36.

[5]) См. тамъ же, стр. 43

[6]) См. тамъ же, стр. 40

[7]) См тамъ же, стр 153, ср. стр. 188.

[8]) См. тамъ же, стр 157.

ныхъ литературъ [1]), о преподаваніи въ Академіи древнихъ языковъ [2]), о студенческихъ кружкахъ въ Академіи [3]) и др.

Особенно интересно, по своей аргументаціи, основанной на опытѣ бывшаго академическаго дѣятеля и потомъ ревизора, мнѣніе почившаго Архипастыря о практическихъ занятіяхъ въ Академіи и о возможно лучшей постановкѣ ихъ. Въ первомъ же засѣданіи (29 октября 1909 г.), когда Коммиссія приступила къ обсужденію даннаго вопроса, предсѣдатель ея выступилъ съ обширною мотивированною рѣчью. „По уставу 1814 года никакихъ практическихъ занятій въ Академіяхъ не было", говорилъ тогда почившій Архипастырь. „При реформѣ Академіи въ 1869 году желали устранить этотъ недостатокъ и отъ одной крайности перешли къ другой: назначили IV курсъ—спеціально для практическихъ занятій, на III же курсѣ студенты писали кандидатское сочиненіе и въ дѣйствительности лекціи почти не посѣщали. Такимъ образомъ, въ продолженіе всего академическаго курса студенты слушали лекціи собственно два года.

Спеціально-практическія занятія на IV курсѣ оказались совершенно безплодными: никакихъ тогда „особыхъ практическо-спеціальныхъ лекцій", предположенныхъ въ уставѣ 1869 года, не было; студенты почти ничѣмъ не занимались IV курсъ по уставу 1869 года въ дѣйствительности для большинства студентовъ былъ потерянный годъ праздности, бездѣлья, скуки. Сравнительно немногіе, больше по собственной охотѣ, прилаживались къ практическо-спеціальнымъ занятіямъ.

Неудавшійся опытъ практическихъ занятій на „практическо-спеціальномъ" 4 году, по уставу 1869 года, вы-

---

[1]) См. тамъ же, стр. 164
[2]) См. тамъ же, стр. 167.
[3]) См. тамъ же, стр. 181

зватъ то, что, при признанной настоятельно-необходимою реформѣ духовныхъ академій въ 1884 году, опять совсѣмъ устранили практическія занятія изъ учебнаго курса академій. Это, безъ сомнѣнія, наносило ущербъ учебнымъ занятіямъ студентовъ. Слушая только теоретическія лекціи профессоровъ, студенты мало получали возбужденія къ ученоучебной самодѣятельности, не имѣли руководящей поддержки въ дополнительныхъ къ лекціямъ занятіяхъ, лишены были надлежащаго направленія и мѣры въ этихъ занятіяхъ. Они попытались дополнить самодѣятельной работой то существенно-потребное для нихъ въ прохожденіи академическаго курса, чего не давалось имъ по уставу 1884 года.

Такъ и начались въ академіяхъ и расширились quasi—ученые студенческіе кружки богословскіе, философскіе, психологическіе, литературные, проповѣдническіе, пастырскіе... Къ сожалѣнію, эти кружки самообразованія скоро приняли направленіе нежелательное. Такъ какъ инціатива кружковъ самообразованія шла отъ самихъ студентовъ, и для нихъ не находилось ничего руководящаго въ уставѣ академіи, то вожди кружковъ повели организованіе академическихъ кружковъ по своему усмотрѣнію, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ кружковщины внѣ-академической и подъ „руководствомъ“ большею частію такихъ академическихъ профессоровъ, которые сами нуждались въ сдержкѣ и руководствѣ.

Появились въ академіяхъ „уставы“ кружковъ и обществъ академическихъ, къ сожалѣнію, полуодобренныхъ даже авторитетной инстанціей. По этимъ уставамъ, кружки имѣютъ своихъ выборныхъ представителей, свои совѣты съ сложной административной дѣятельностью, между прочимъ, издательскою, свои кассы, свои кружковыя библіотеки, свои бюро, секретарей, казначеевъ, библіотекарей, съ еженедѣльными, ежемѣсячными и годовыми отчетами о дѣятельности кружковъ и обществъ, составленными „бюро“, съ контролемъ, съ

общими собраніями и прочими принадлежностями сложной административной машины. Въ члены кружковъ допускались только по избранію, баллотировкой. Скоро въ сложившихся въ самостоятельныя учрежденія кружкахъ проявилась обычная въ кружковщинѣ односторонность, даже рѣзкая нетерпимость. Во главѣ кружковъ стали такъ называемые прогрессисты, иначе еще—лѣвые, ка-деты При избраніи въ члены кружка, къ правымъ относятся отрицательно, не допускаютъ въ кружки: въ одной академіи враждебное давленіе на правыхъ выражается тѣмъ, что не даютъ правымъ профессорскихъ рукописныхъ лекцій для подготовки къ экзаменамъ По уставу одного кружка, исключаются изъ кружка члены, „не удовлетворяющіе этическимъ (?) требованіямъ кружка". (Что это за этическія требованія кружка, отличныя отъ этическихъ требованій академіи, исключающія студента изъ кружка, но не препятствующія студенту оставаться въ академіи?! Развалъ академіи!!). Въ своей дѣятельности кружки стараются прикрыться именами нѣкоторыхъ профессоровъ, подъ „руководствомъ" (?) которыхъ они дѣйствуютъ. Въ одномъ изъ уставовъ параграфъ объ этомъ замѣчателенъ: „Руководительство кружковъ *возлагается членами и учредителями* (студентами) на одного изъ профессоровъ академіи, изъявившаго на то свое согласіе". И только ректоръ на оригиналѣ устава сдѣлалъ карандашемъ поправочку вверху строки „Совѣтомъ академіи", т. е. возлагается. Тѣмъ не менѣе этотъ параграфъ въ первоначальномъ видѣ достаточно обнаруживаетъ духъ кружка, его автономную кружковую этику. Несомнѣнно, что профессорское „руководительство" кружкомъ есть номинальное, фиктивное: всѣмъ заправляютъ выборные представители (студенты). Въ одномъ изъ имѣющихся у меня уставовъ, редактированномъ и одобренномъ самимъ ректоромъ, есть такіе параграфы: „всѣ вопросы, касающіеся занятій кружка, выбора темъ для чтеній и бесѣдъ и порядка слушанія представленныхъ рефератовъ, *рѣшаются бюро*"; слѣ

довательно, самими студентами. Для приличія въ параграфѣ прибавлено: „по соглашенію съ руководителемъ кружка“ (профессоромъ) Ясно Все *рѣшается* кружковскимъ „бюро“. А профессору предоставляется пассивно поддакивать студентамъ. И еще параграфъ: „въ собраніяхъ научныхъ и литературныхъ предсѣдательствуетъ „руководитель“, или, въ случаѣ его отсутствія, одинъ изъ профессоровъ, *приглашаемый членами кружка*“ (ректоръ въ аппробированномъ имъ экземплярѣ устава уже не сдѣлалъ поправки: „назначаемый Совѣтомъ“). Приглашается студентами, членами кружка, профессоръ, *удовлетворяющій*, конечно, *этическимъ требованіямъ* кружка. Такой профессоръ, не будучи достаточно знакомъ съ состояніемъ и ходомъ дѣлъ кружка, будетъ на такихъ *„научныхъ собраніяхъ“* не „предсѣдателемъ-руководителемъ“, а просто засѣдателемъ,—статистомъ, а то и возбудителемъ, смотря по „этическимъ принципамъ“ самого профессора „Въ собраніяхъ же распорядительныхъ“, продолжаетъ уставъ, „предсѣдательствуетъ одинъ изъ секретарей кружка, а въ случаѣ ихъ отсутствія,—казначей“, то есть, все сами студенты. Настоящая, отмѣнной пробы, педократія! Любопытно сравнить эти порядки академической кружковщины съ порядками университетскихъ семинаріевъ, съ ихъ практическими занятіями. Тамъ профессоръ-руководитель властно, на основаніи университетскаго устава, распоряжается въ своемъ семинаріи. „Руководитель-профессоръ самъ устанавливаетъ условія пріема въ семинарій“; „отъ него каждому студенту, желающему поступить въ семинарій, надлежитъ получить *предварительное* письменное разрѣшеніе, представляемое при записи на лекціи“ [1]). А въ академическихъ кружк-

[1]) Смотр. интересныя подробности о порядкахъ семинаріевъ въ „Обозрѣніи преподаванія наукъ на Историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета“ осеннее полугодіе 1906 г., и весеннее 1910 г.

кахъ, каррикатурахъ на университетскіе семинаріи, все вѣдаютъ сами студенты: они баллотируютъ новыхъ членовъ, они исключаютъ наличныхъ, не отвѣчающихъ этическимъ требованіямъ кружка, они, по своему усмотрѣнію, приглашаютъ какого-либо профессора *поруководить* ихъ „ученымъ собраніемъ“... Далеко университетской автономіи до автономіи академическаго студенчества... На дняхъ въ студенческомъ кружкѣ одной духовной академіи такая ка-детская педократія, студенческая автономія, „руководимая“ автономистами-профессорами, проявилась въ безобразіи, заслуживающемъ полнаго осужденія.

Какъ же складывались занятія въ „научныхъ и литературныхъ собраніяхъ“ этихъ кружковъ? Насколько кружки содѣйствовали усовершенію студенческихъ знаній въ области тѣхъ академическихъ наукъ, которыя они избрали для своихъ ученыхъ занятій? Въ *научныхъ* собраніяхъ кружковъ (административныя особо) предлагаются „доклады“ и къ нимъ „тезисы“, съ которыми докладчикъ заранѣе знакомитъ своихъ обыкновенно двухъ или трехъ „ассистентовъ“; начинается обсужденіе тезисовъ, переходящее въ пренія, въ которыхъ принимаютъ участіе и другіе члены. Темы докладовъ избираются самими студентами, и хотя это должно быть по „соглашенію“ съ руководителями (профессорами), но все „рѣшаетъ бюро“. Вслѣдствіе этого нельзя сказать, чтобы темы докладовъ избирались и развитіе ихъ въ тезисахъ дѣлалось удачно. Напримѣръ, въ студенческомъ психологическомъ обществѣ одной академіи были предложены доклады: „1. Анализъ любви. Первый тезисъ: любовь между лицами разнаго пола есть симпатическое чувствованіе, развивающееся на почвѣ полового института, но не исчерпывающееся имъ“. О какой любви рѣчь идетъ,—понятно. Какими разсужденіями и преніями наполнили время въ теченіе двухъ и даже трехъ часовъ совопросники—оффиціальные (ассистенты) и неоффиціальные, не видно. Каковы были научно-практическіе ре-

зультаты этихъ преній о половой любви,—неизвѣстно. Но кажется, что сколько ни старался докладчикъ своими тезисами держать вопросъ о половой любви на научно-психологической высотѣ, невольно заходилъ въ область, за границей которой видна не психологія, а порнологія.—Или еще докладъ на тему: Иванъ Карамазовъ. Второй, третій и четвертый тезисы, весьма характерные привожу: „2. Иванъ Карамазовъ, при страстномъ умѣ, отличающемся силой діалектики, имѣетъ горячее сердце. Умъ Ивана стремится къ человѣко-Богу, а сердце надѣлено свойствами богочеловѣка". 3. „Въ разговорѣ съ Алешей Иванъ изъ-за любви къ людямъ отрицаетъ Бога; пассивное сопротивленіе проявляется у него въ страдальческомъ видѣ. Въ легендѣ о великомъ инквизиторѣ инквизиторъ человѣкобогъ и Христосъ протестъ сердца". 4. „Примиреніе съ Чертомъ, какъ олицетвореніемъ золотой середины, для Ивана невозможно". Не знаю, весьма ли расширили и усовершили свои научно-психологическія познанія студенты,—члены кружка, спеціализируясь въ изъясненіи чорта, какъ „золотой середины". Въ томъ же обществѣ для цѣлаго ряда докладовъ избирались темы просто „по вдохновенію", что взбрело на умъ студенту, на что натолкнула его какая-либо статья или книга. Ничего систематическаго въ рядѣ темъ для докладовъ. Перемѣшаны темы, имѣющія хоть какое-нибудь отношеніе къ лекціямъ профессорскимъ, съ темами, не имѣющими никакого отношенія. За анализомъ любви слѣдуетъ ученіе Джевонса о сужденіи и умозаключеніи (Общество—психологическое). За Джевонсомъ выступаетъ міровоззрѣніе В. С. Соловьева (О Соловьевѣ много сдѣлано докладовъ). За Соловьевымъ—происхожденіе и характерныя свойства родственнаго чувства За родственнымъ чувствомъ—значеніе философіи Канта для идеи естественнаго права. За Кантомъ—ученіе Эпикура объ удовольствіи и т. д. и т. д. Не понимаю, какую хотя бы самую отдаленную связь можно установить между такими доклада-

ми о матеріяхъ самыхъ разнообразныхъ? Вижу одно: что отъ внимательнаго слушанія членами студенческаго психологическаго общества множества докладовъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, въ головахъ ихъ не сложились добрыя упорядоченныя знанія, а залегъ какой-то невозможный сумбуръ, особенно, если, къ несчастью, память членовъ общества сохранила все выслушанное—и о человѣкобогѣ Карамазовскаго ума, и о богочеловѣкѣ Карамазовскаго сердца и объ олипетвореніи золотой середины—чортѣ.

Не лучше обстоитъ дѣло въ студенческомъ литературномъ обществѣ одной Академіи, съ актами котораго мнѣ случилось познакомиться. Здѣсь тоже вся научная дѣятельность общества—въ докладахъ, рефератахъ. Тѣ же докладчики и ассистенты. То же содержаніе и тотъ же порядокъ (полный безпорядокъ) въ докладахъ-рефератахъ. Напр., рефератъ на тему: Женщина въ произведеніяхъ А. П. Чехова и А. Вербицкой. Вотъ тезисы къ реферату:

„1. Женщины, по произведеніямъ Чехова, или подавлены и обезличены тяжелыми обстоятельствами жизни, или, наоборотъ, живутъ легкомыслено, безпечно, безполезно, пользуясь чужими трудами. 2. Такая ненормальная жизнь вызываетъ среди болѣе сознательныхъ женщинъ неудовлетворенность и безрезультатность исканія смысла жизни. 3. Только часть молодого поколѣнія женщинъ стремится построить свою жизнь на новыхъ началахъ. 4. Новая эпоха въ жизни женщинъ, по произведеніямъ А. Вербицкой. Женщины новаго направленія стремятся къ жизни сознательной, общественной, свободной. 5. Такому стремленію ихъ много препятствуютъ семейныя узы и чувство любви. 6. Болѣе сильныя натуры освобождаютъ личность свою отъ гнета семьи и любви и отказываются отъ личнаго счастья въ пользу общественную“. Какъ видно, всѣ эти тезисы формулированы догматически, безъ малѣйшаго намека на критику. Это очень назидательно для легкомысленной молодежи, падкой на все,

намекающее на порнографію. Недостаетъ здѣсь только тезиса о пользѣ для женщинъ примѣчательнѣйшей, усердно афишированной недавно книги: „Какъ предохранить себя отъ беременности“, конечно, „въ пользу счастья общественнаго“.

Чехову посчастливилось въ студенческомъ литературномъ обществѣ: рефератовъ объ немъ предложено было не мало. А въ одномъ засѣданіи (29-мъ) было даже два доклада о Чеховѣ. Не могутъ пожаловаться на докладчиковъ Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ и другіе того же направленія, при всемъ томъ, что ни о Чеховѣ, ни о литературѣ декадентскаго направленія въ лекціяхъ профессора исторіи русской литературы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не упомянуто ни однимъ словомъ. Очевидно, между этими академическими студенческими обществами-кружками, имѣвшими, предполагалось, помогать основательному изученію академической науки, и между самой этой наукой весьма мало общаго Я сейчасъ говорю о кружкахъ двухъ академій. Но таковы же, какъ мнѣ извѣстно, кружки и третьей академіи. Эти студенческія „общества“, „кружки“ суть своего рода академіи (студенческія) въ академіяхъ (духовныхъ). Это—центры нездоровой студенческой автономіи. Въ нихъ нерѣдко происходятъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, даже и въ послѣднее время, подъ вывѣской науки, не *собранія* научныя, а партійныя кружковыя *сборища*, свою безобразную шумиху направляющія къ развалу академіи. Въ студенческихъ кружкахъ, при номинальномъ руководительствѣ профессоровъ, а въ дѣйствительности при полномъ студенческомъ автономномъ самоуправленіи, дѣло направляется къ освобожденію отъ добраго авторитетнаго вліянія академій, и можетъ дойти до того, что студенты сами себѣ изберутъ руководителей, удовлетворяющихъ этическимъ (?) требованіямъ кружка Мнѣ извѣстно, какъ въ одной академіи явился руководителемъ (временнымъ) человѣкъ вовсе чужой для академіи, читалъ въ кружкѣ лекціи, не имѣющія никакой связи съ курсами

академическихъ лекцій, увлекалъ не только студентовъ, но и ректора—руководителя кружка, а другой, тоже вовсе посторонній и извѣстный своими крайними воззрѣніями, прочелъ въ кружкѣ лекцію, даже прямо направленную противъ вѣры и Церкви, и отъ преній уклонился подъ предлогомъ утомленія и неимѣнія времени.

Кружки, какъ студенческія учрежденія для самообразованія, съ своимъ административнымъ управленіемъ, совѣтами, кассами, библіотеками, избраніемъ, исключеніемъ членовъ и проч.—должны быть въ академіяхъ духовныхъ вовсе отмѣнены; практическія занятія, въ дополненіе къ теоретическимъ лекціямъ, которыми имѣютъ углубляться и усовершаться знанія студентовъ, должны быть точно урегулированы и поставлены подъ непремѣнное, обязательное руководство профессоровъ, отвѣтственныхъ за правильное веденіе этихъ занятій; они должны имѣть не случайный характеръ, а надлежаще соображены съ теоретическимъ курсомъ лекцій. Зачѣмъ кружки, если есть курсы профессорскихъ лекцій и практическія занятія подъ ближайшимъ руководствомъ профессоровъ и общимъ внимательнымъ наблюденіемъ академическаго начальства"?! [1]).

Въ слѣдующемъ собраніи, бывшемъ на другой день (30 октября 1909 г.), почившій Архипастырь снова возвратился къ рѣчи о тѣхъ же практическихъ занятіяхъ въ Академіяхъ, причемъ сосредоточилъ свое вниманіе на вопросѣ о наиболѣе раціональной постановкѣ ихъ „Практическія занятія необходимы", говорилъ онъ на этотъ разъ, „но они должны начинаться не съ III курса, какъ проэктируетъ подкоммиссія, а съ I-го и идти параллельно съ теоретическими лекціями. Спеціальныя групповыя занятія съ III-го курса

---

[1]) См. Журналы учрежденной при Святѣйшемъ Синодѣ коммиссіи для выработки проэкта новаго устава духовныхъ Академій, стр. 195—201.

едва ли нужны. Въ практическомъ отношеніи они значенія не имѣютъ, такъ какъ рѣдко бываетъ, чтобы спеціально изучавшій какой-либо предметъ поступалъ затѣмъ преподавателемъ этого предмета въ семинарію. Лучше было бы, если бы студентъ по всѣмъ академическимъ наукамъ получилъ знанія основательныя, хотя и не спеціальныя. Академія должна дать хорошее богословское образованіе, сообщить твердое міровоззрѣніе, научить студентовъ работать, учиться и по окончаніи курса академіи.

Установивъ всѣ главныя въ академическомъ курсѣ науки, какъ общеобязательныя для всѣхъ студентовъ, мы должны дать этимъ наукамъ и нѣкоторое предпочтеніе предъ групповыми, какъ вспомогательными науками, назначеніемъ по общеобязательнымъ наукамъ большаго числа семестровыхъ сочиненій.

Что же касается организаціи практическихъ занятій въ академіи, то для этого можно было бы нѣкоторые изъ лекціонныхъ часовъ, положенныхъ для профессора, удѣлять на практическія занятія. Но эти занятія не по всѣмъ наукамъ обязательно должны быть; напр., по древнимъ языкамъ нѣтъ надобности вести особыя практическія занятія.

При такомъ порядкѣ чтенія лекцій, сопровождаемаго практическими занятіями, студентамъ будутъ сообщены по всѣмъ наукамъ основательныя знанія, студенческой самодѣятельности будетъ дано надлежащее проявленіе и на самихъ профессоровъ будетъ возложено руководительство студентами при ихъ практическихъ занятіяхъ“ [1]).

Въ засѣданіи 2 ноября 1909 г. архіеп. Димитрій призналъ необходимымъ снова выступить съ своимъ словомъ-разъясненіемъ по тому же вопросу, которому онъ, очевидно, придавалъ особенно важное значеніе. „Академическія *лек-*

---

[1]) См. тамъ же, стр. 201—202.

ции", говорилъ онъ, „само собою разумѣется, спеціальныя въ сравненіи съ *уроками* семинарскими, по точно установленнымъ расписаніямъ, безъ всякихъ перестроеній для 3-го и 4-го курсовъ, должны преподаваться во всѣхъ четырехъ курсахъ, по четыре лекціи въ недѣлю для каждой науки. Но такъ, что три лекціи, характера теоретико-систематическаго, будутъ часовыя, а одна, четвертая лекція, имѣющая характеръ практическихъ занятій, будетъ 2-хъчасовая. Занятія практическія должны итти не въ 3-мъ и 4-мъ курсахъ, а— начиная съ 1-го курса. Занятія эти должны итти параллельно съ лекціями теоретическаго курса. Профессоръ самъ напередъ вырабатываетъ общую программу этихъ занятій и вмѣстѣ съ программой теоретическихъ лекцій представляетъ на усмотрѣніе Совѣта; въ своихъ лекціяхъ указываетъ студентамъ методъ работы самостоятельной, распредѣляетъ между студентами предметы занятій, руководитъ этими занятіями. На лекціяхъ въ присутствіи всѣхъ слушателей профессора изученное каждымъ студентомъ предлагается имъ въ видѣ краткаго реферата, изъ котораго и товарищи могли бы достаточно ознакомиться съ предметомъ реферата. При успѣшномъ веденіи дѣла профессоромъ, на одной двухъчасовой практической лекціи можетъ быть доложено реферата три, въ которыхъ студенты-референты покажутъ, что они основательно изучили предметъ реферата и изъ которыхъ остальные товарищи-слушатели, при руководящихъ поясненіяхъ профессора, достаточно ознакомятся съ тѣмъ же предметомъ. Предметомъ изученія на такихъ практическихъ лекціяхъ—занятіяхъ будутъ важнѣйшіе источники и пособія по наукѣ и вообще литературѣ предмета, при помощи руководящихъ поясненій и указаній профессора. Напримѣръ, по Св. Писанію ознакомленіе съ важнѣйшими исагогическими произведеніями; по церковной исторіи изученіе древнихъ церковныхъ историковъ и ознакомленіе съ новыми и новѣйшими курсами церковно-историческими и

съ замѣчательными монографіями по церковной исторіи; по патристикѣ—изученіе древнихъ памятниковъ свято-отеческой литературы не посредствомъ слушанія лекцій профессора, а держа самыя книги въ рукахъ, преимущественно имѣющіяся въ русскомъ переводѣ, ознакомленіе съ трудами свято-отеческими и въ подлинникѣ (говорю—не изученіе, а по крайней мѣрѣ ознакомленіе). Тогда студентъ не разскажетъ намъ, какъ спеціальный спеціалистъ, что лежитъ въ различныхъ углахъ науки, но за то не покажетъ полнаго невѣдѣнія того, что занимаетъ видное мѣсто въ наукѣ. Тогда студентъ 4 курса, взявшій кандидатскую тему изъ исторіи церкви первыхъ вѣковъ, не спроситъ профессора (фактъ!), на какомъ языкѣ написана исторія Евсевія Кесарійскаго и какъ велика эта книга. Тогда студентъ 3 курса на экзаменѣ не скажетъ, что Іустинъ мученикъ писалъ на латинскомъ языкѣ, такъ какъ жилъ въ Римѣ; не скажетъ, что ему вовсе неизвѣстно, что существовало Православное Обозрѣніе, протоіерей Преображенскій и переводы отеческихъ твореній на русскій языкъ. Тогда не окажется въ затрудненіи студентъ 4 курса, безпомощно спрашивающій встрѣченнаго имъ въ библіотекѣ профессора, гдѣ ему найти философумены Ипполита, которыхъ нѣтъ въ Cursus completus, и не мало удивленный, когда ему посовѣтовали искать философумены между твореніями Оригена въ томъ же Cursus. Этихъ недоумѣній не случится тогда только, когда студенты въ своихъ кружкахъ и обществахъ перестанутъ философствовать о Карамазовѣ Иванѣ, о половой любви, о типахъ женщины—Вербицкой, развивать свой литературный вкусъ на Горькомъ, Андреевѣ и проч., а начнутъ вести свои учебно-практическія занятія не по случайно подвернувшимся членамъ кружка темамъ, а по разумно составленной профессоромъ программѣ занятій, соотвѣтствующей программѣ теоретическихъ лекцій, и притомъ неуничтожающимъ самодѣятельности студента руководствомъ профессора.

Въ курсъ практическихъ занятій должны быть занесены и репетиціи по окончаніи частныхъ главъ науки. На репетиціяхъ, кромѣ повторенія пройденнаго, профессоръ будетъ имѣть возможность сообщить студентамъ кое-что не вошедшее въ систематическій курсъ по своей спеціальности, но заслуживающее быть сообщеннымъ студентамъ. Къ практическимъ занятіямъ (внѣлекціоннымъ) должны быть отнесены и семестровыя сочиненія студенческія, которыя, будучи правильно поставлены руководящими профессорами, должны вызвать студентовъ къ самостоятельной работѣ, къ изученію памятниковъ, относящихся къ темѣ, и вообще къ изученію обстоятельному литературы предмета сочиненія. Слѣдуетъ, конечно, чтобы, по еще недавнему примѣру Кіевской Академіи, темы давались примѣнительно къ тому, что читается или уже прочитано профессоромъ, а не изъ науки, которой студенты еще не слушали“ [1])...

Такимъ же жизненно-практическимъ характеромъ отличается и мнѣніе почившаго Архипастыря о желательности установленія кандидатскаго коллоквіума предъ особыми коммиссіями. „Для возвышенія успѣховъ студентовъ академіи“, заявилъ архіеп. Димитрій въ засѣданіи 6 ноября 1909 года, „слѣдовало бы не присуждать степени кандидата тѣмъ студентамъ, которые имѣютъ неудовлетворительный баллъ по какому-либо предмету, хотя бы они написали и удовлетворительное кандидатское сочиненіе, а равно и тѣмъ студентамъ, которые получатъ по всѣмъ предметамъ баллъ 3. Въ университетахъ нашей степени кандидата соотвѣтствуетъ дипломъ I-ой степени; нашему званію студента—дипломъ 2-ой степени. Но, при неудовлетворительномъ баллѣ на коммиссіонномъ экзаменѣ, не можетъ быть полученъ дипломъ не только I-ой степени, но и второй, т. е. званіе студента. Для диплома I ст. нужны баллы весьма хорошіе и очень

---

[1]) См. тамъ же, стр 207—209

хорошіе. У насъ званіе дается слишкомъ снисходительно. Кромѣ того, было бы желательно установить кандидатскій коллоквіумъ предъ особыми коммиссіями. Это былъ бы экзаменъ по письменной работѣ, провѣрка самостоятельности работы: нынѣ на случайныхъ коллоквіумахъ кандидатовъ въ кандидаты богословія бываетъ, что Idem и ibidem превращается въ „автора такого“, а Loco citato—въ „сочиненіе такое“ [1]).

Результатомъ продолжительныхъ занятій Коммиссіи, работавшей подъ предсѣдательствомъ архіеп. Димитрія, было представленіе проэктовъ: а) устава православныхъ духовныхъ академій и б) штата тѣхъ же академій, съ различными объяснительными записками къ нимъ.

Составленный Коммиссіею проэктъ устава православныхъ духовныхъ академій,—кстати будетъ сказать,—не получившій осуществленія, не представлялъ собою чего либо новаго сравнительно съ прежнимъ академическимъ уставомъ (1884 года). По собственному выраженію почившаго Архипастыря, Коммиссія, въ которой онъ былъ предсѣдателемъ, „должна была пересмотрѣть весь дѣйствующій уставъ и иное въ немъ устранить, другое дополнить, третье точнѣе проредактировать“ [2]).

Наиболѣе важныя перемѣны Коммиссіею проэктировались въ составѣ учебнаго академическаго курса. Науки академическаго курса предполагалось распредѣлить на общеобязательныя для всѣхъ студентовъ Академіи и на групповыя. Къ общеобязательнымъ наукамъ относились слѣдующія: Св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, основное богословіе, патрологія (съ 1 до половины VIII вѣка), догматическое богословіе, пастырское богословіе съ гомилетикой, церковное право, исторія древней церкви, исторія русской

---

[1]) См. тамъ же, стр. 227

[2]) См тамъ, же стр. 4.

церкви, систематическая философія и логика, одинъ изъ древнихъ языковъ, педагогика и дидактика съ методологіей наукъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, одинъ изъ новыхъ языковъ и еврейскій языкъ (при двухъ лекціяхъ). Остальные предметы академическаго курса распредѣлялись на три параллельныя группы, при чемъ къ *первой (богословско-философской)* были отнесены слѣдующія науки: сравнительное богословіе съ исторіей западныхъ исповѣданій, исторія философіи, патрологія со второй половины VIII вѣка, библейская археологія (при двухъ лекціяхъ), психологія, исторія и разборъ русскаго сектантства; ко *второй (церковно-исторической)*—слѣдующія науки: библейская исторія въ связи съ исторіей древняго міра, исторія греко-восточной церкви со времени отпаденія западной церкви отъ вселенской, съ исторіей помѣстныхъ православныхъ церквей, исторія и обличеніе русскаго раскола старообрядчества, гражданская исторія общая, гражданская исторія русская, исторія славянскихъ церквей (для С.-Петербургской духовной Академіи) и исторія западно-русской церкви (для Кіевской духовной Академіи), и къ *третьей группѣ (церковно-практической)* предполагалось отнести слѣдующія науки. литургику и церковную археологію, теорію словесности и исторію западно-европейской литературы, церковно-славянскій языкъ съ палеографіей и исторію русской литературы. Кромѣ того, въ качествѣ необязательныхъ наукъ, предполагались, какъ *желательные*, предметы: элементы естествознанія и критическій обзоръ экономическихъ и соціальныхъ условій.

Еще болѣе замѣтныя перемѣны предполагалось внести въ матеріальное обезпеченіе духовныхъ Академій, и между прочимъ, профессорскаго персонала ихъ. По выработанному Коммиссіею проэкту академическихъ штатовъ, жалованье ректору Академіи предполагалось увеличить (послѣ двухъ пятилѣтнихъ прибавокъ) до 7500 руб., инспектору—то же самое, ординарнымъ профессорамъ—6000 руб., экстраорди-

нарнымъ профессорамъ—до 4000 руб., доцентамъ—до 2400 руб. и т. д. Соотвѣтственно этому возвышались оклады и на всѣ вспомогательныя учрежденія при Академіи, равно какъ и на всѣ вообще статьи академическаго бюджета.

VII.

Такъ жилъ, такъ трудился и волновался почившій Архипастырь. Несмотря на свой внѣшній мощный видъ, несмотря на свой крѣпкій отъ природы организмъ, несмотря, наконецъ, на проявленную въ жизни сильную и напряженную дѣятельность, архіеп Димитрій въ дѣйствительности обладалъ далеко некрѣпкимъ и нецильнымъ здоровьемъ. Духъ его былъ гораздо сильнѣе плоти. Силою своего духа онъ поразительно побѣждалъ немощи плоти. Еще со времени своего кіевскаго служенія онъ страдалъ астмою, ишіасомъ и др. болѣзнями. Онъ еще въ то время поражалъ всѣхъ своею выносливостью. Поразительно было видѣть, какъ онъ, не имѣя силъ, вслѣдствіе болѣзни, ни ходить, ни сидѣть, ни даже спокойно лежать, продолжалъ работать, согнувшись на диванѣ и выбравъ наиболѣе удобное положеніе для больного организма. Впослѣдствіи у него развилась сердечная болѣзнь, послужившая благопріятною почвою для болѣзни ногъ и др. Въ самое послѣднее время своей жизни онъ болѣлъ уже, можно сказать, старческою немощію. По сообщенію людей, близко стоявшихъ къ нему въ Одессѣ, почившій Архипастырь ожидалъ смерти еще 2 января 1913 года — на день памяти преп. Серафима Саровскаго, котораго онъ особенно благоговѣйно чтилъ, какъ своего небеснаго покровителя [1]). По-

[1]) См. брошюру: „Кончина и погребеніе высокопреосвященнаго Димитрія Ковальницкаго, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго" (Одесса 1913 г.), которою мы пользовались при описаніи кончины и погребенія почившаго Архипастыря Въ брошюрѣ допущены, вѣроятно, вслѣдствіе спѣшности составленія, неточности на стр. 25 (о профессурѣ и назначеніи предсѣдателемъ коммиссіи по преобразованію академій=не въ *1908* г., а въ *1909* г.) и 26 (о времени производства ревизій Академій=не въ *1909*, а въ *1908*)

этому, утромъ 2 января 1913 года онъ исповѣдывался и причащался Св Таинъ. Но Господь, по Своей милости, благоволилъ продлить жизнь умиравшаго старца—Архипастыря еще на одинъ мѣсяцъ. 2 февраля, въ день праздника Срѣтенія Господня, почившій Архипастырь, почувствовавъ приближеніе страшнаго часа разлученія души съ тѣломъ, выразилъ желаніе помолиться. Тотчасъ же изъ каѳедральнаго собора былъ привезенъ въ архіерейскій домъ чудотворный образъ Касперовской Божіей Матери и отслуженъ молебенъ о болящемъ Архипастырѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Владыка Димитрій исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ. Самыя послѣднія минуты жизни почившаго Архипастыря очевидецъ ихъ описываетъ такъ: „Видимо облегченный отъ предсмертныхъ страданій принятіемъ Св. Таинъ, Архіепископъ впалъ въ забытіе. Черезъ два часа онъ открылъ глаза и довольно отчетливо и понятно для присутствующихъ, окружающихъ неотлучно постель умирающаго, сказалъ: „тяжело .. но... да будетъ... воля... Божія“! Это были послѣднія слова святителя Божія Димитрія. Начали читать отходную... Во время чтенія окружающіе постель умирающаго замѣтили движеніе руки, какъ-бы ищущей чего-то на груди. Преосвященный Іоаннъ взялъ крестъ—благословеніе матери Архіепископа—и вложилъ въ правую руку. Умирающій сдѣлалъ усиліе приложить крестъ къ лицу. Послѣ сего преосвященный Іоаннъ приложилъ къ устамъ умирающаго другую его святыню—крестъ съ святыми мощами. Архіепископъ, насколько позволяли силы, благоговѣйно облобызалъ и эту святыню. Послѣ сего дыханіе умирающаго становилось все слабѣе и въ 3ч. 40 м. утра совсѣмъ прекратилось. Съ закрытыми глазами, напутствованный церковными молитвами и Св. Таинствами, окруженный близкими лицами, мирно и тихо отошелъ ко Господу этотъ вѣрный и благій рабъ Божій, всю свою продолжительную жизнь, всѣ свои силы отдавшій на служеніе Церкви“ [1]).

[1]) См. тамъ же, стр 8—9.

По уставномъ приготовленіи, одѣяніи и облаченіи въ архіерейскія одежды, тѣло почившаго Архипастыря было положено въ металлическій гробъ. 3 и 4 февраля почти непрерывно совершались панихиды, а въ промежуткахъ между ними читалось св. евангеліе у гроба почившаго Архипастыря. Въ 4 часа веч. 5 февраля тѣло почившаго было перенесено изъ Крестовой церкви архіерейскаго дома въ каѳедральный соборъ, послѣ чего здѣсь, равно какъ и во всѣхъ одесскихъ храмахъ, было совершено заупокойное всенощное бдѣніе (парастасъ). 6 февраля, послѣ заупокойной литургіи, тѣло почившаго Архипастыря было погребено въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ правомъ придѣлѣ его во имя святителя Николая, на мѣстѣ, примыкающемъ къ кіоту чудотворнаго образа Касперовской Божіей Матери. Погребеніе почившаго Архипастыря совершалъ, по порученію Св. Синода, архіепископъ Полтавскій Назарій (Покровскій), ученикъ почившаго Архипастыря по Кіевской духовной Академіи, въ сослуженіи съ тремя епископами и многочисленнымъ одесскимъ духовенствомъ, въ присутствіи представителей администраціи и города, а также весьма многочисленнаго собранія народа.

Да будетъ вѣчная память славному, незабвенному, много и добрѣ потрудившемуся для блага Церкви Христовой, народа русскаго и для нашей Академіи Архипастырю! Господь Богъ да учинитъ его безсмертную душу въ селеніяхъ праведныхъ!